

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

РЕБУС СУДЬБЫ

Оглавление

ПРОЛОГ	10
ЧАСТЬ 1	13
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	26
Глава 9	32
Глава 10	34
ЧАСТЬ 2	37
Глава 1	37
Глава 2	40
Глава 3	43
Глава 4	45
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	60

Глава 8	63
Глава 9	69
Глава 10	72
Глава 11	76
Глава 12	80
Глава 13	82
ЧАСТЬ 3	86
Глава 1	86
Глава 2	88
Глава 3	90
Глава 4	94
Глава 5	95
Глава 6	96
Глава 7	98
Глава 8	100
Глава 9	103
Глава 10	108
Глава 11	109
ЧАСТЬ 4	110
Глава 1	110
Глава 2	114
Глава 3	117

Глава 4	118
Глава 5	126
Глава 6	130
Глава 7	133
Глава 8	135
Глава 9	138
Глава 10	139
Глава 11	142
Глава 12	146
ЧАСТЬ 5	152
Глава 1	152
Глава 2	158
Глава 3	163
Глава 4	167
Глава 5	175
Глава 6	176
Глава 7	180
ЧАСТЬ 6	185
Глава 1	185
Глава 2	185
Глава 3	189
Глава 4	190

Глава 5	192
Глава 6	193
Глава 7	194
Глава 8	195
Глава 9	198
Глава 10	200
Глава 11	203
ЧАСТЬ 7	208
Глава 1	208
Глава 2	215
Глава 3	218
Глава 4	225
ЧАСТЬ 8	231
Глава 1	231
Глава 2	234
Глава 3	238
Глава 4	241
Глава 5	245
Глава 6	247
Глава 7	250
ЧАСТЬ 9	253

Глава 1	253
Глава 2	256
Глава 3	258
Глава 4	262
Глава 5	266
ЧАСТЬ 10	272
Глава 1	272
Глава 2	274
Глава 3	275
Глава 4	278
Глава 5	280
Глава 6	287

© 2013 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher. Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешается чужой"

Притчи Соломона 14:10

С.А.

Зелинский

Ребус

судьбы

Altaspera

CANADA

2013

С. А. Зелинский

Ребус судьбы

С. А. Зелинский.

Ребус судьбы. Роман.— CANADA.:

Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2013.

— 287 с.

ISBN 9781304523716

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2013

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

роман

Ребус судьбы

*"Сердце знает горе души своей, и в радость его не
вмешается чужой"*

Притчи Соломона 14:10

ПРОЛОГ

Мы не вдаемся сейчас в разгадывание времени, когда Галанин впервые начал вести свои записи. Так же как и периодичность их вполне можно поставить под сомнение, учитывая что видимо периодически возвращался он к ведению их во время возникновения у него подобного настойчивого желания. Причем это уже не говорило, что желание удерживалось в течении длительного времени, как невозможно и сказать ничего о регулярности его возникновения.

Но уже получается так, что: 1) Галанин на протяжении определенного времени продолжал вести записи (периодически возвращаясь к ним); 2) вел их нерегулярно; без представления соответствующих дат или упоминания о каких-либо числах; 3) уделял подобным записям весьма ответственное значение.

Однако случилось так, что сначала Галанин, узнав о ходе работ автора по некоторому увековечиванию его личности посредством литературного текста (так рассудил он сам, автор лишь тайно обрадовавшись, что нашел достойный прообраз главного героя, делал свое дело), принес рукопись, скромно пояснив, что вел эти записи "для себя", но понял, что они могут быть в чем-то сейчас полезны; причем Галанин, узнав, что автор, во избежание некоторых не нужных обвинений, а равно для пущей неузнаваемости собирался вывести его под другой фамилией - разрешил (скорее - настоял) чтобы использовали исключительно фамилию его настоящую; хотя и через время попросил (долго, туманно, нелепо, а под конец быстро и настойчиво), чтобы его настоящую фамилию все же не упоминали, и ни в коем случае не использовали; ну а автор уже для пущей

убедительности (а равно подтверждения данного согласия на подобные изменения) ввел для главного героя другие имя и отчество. Но потом вдруг, чуть ли не с трудом дождавшись пока автор прочитает принесенную ему рукопись, Галанин вдруг явился в крайне возбужденном состоянии, и под каким-то - как было заметно, надуманным - предлогом попросил рукопись обратно. Обещая принести ее чуть ли не на следующий день.

Было понятно, что этого он не сделает. Однако волю автора рукописи требовалось удовлетворить. Да и по большому счету, сама рукопись уже оказалась к тому времени чудодейственным образом прочитана (несмотря на кажущуюся занятость автора). И можно сказать, даже решено было, в случае если Галанин вновь не принесет нее, и вовсе на какое-то время забыть о ней и о нем (заяввшись более неотложными делами).

И все вроде как и стало складываться так, как было только предположено, как автору сообщили, что Галанин неожиданно умер. Уснул и не проснулся.

И уже словно подчиняясь какому-то необъяснимому порядку, были отброшены все дела (не все, но многие), и в течении определенного времени все было закончено. Закончено повествование о Дмитрие Израилевиче Галанине, жизни его, и тех редких людей, которые на протяжении этой жизни окружали его.

Примечание.

Прочитав написанное, автор вдруг обратил внимание, что в редких случаях в повествование вкрапливается речь главного героя (какие-то листы из рукописи, отданной Галанину, вдруг остались у автора, видимо оказавшись в свое время забыты при передачи рукописи Дмитрию Израилевичу (сама рукопись представляла листы, скрепленные кое-как, отчего видимо пара-тройка листов и затерялась, выпавши самым загадочным образом, и будучи найдена уже после). У автора просто не хватило сил вырезать или как-то преобразить ее. А потому через какую-то цепь размышлений, решено было оставить ее в том виде, в каком она и была найдена в

рукописи Галанина, поместив ее в общий текст повествования о жизни Дмитрия Галанина в виде отдельных глав и допуская, что читатель при случае может и не обратить на них внимание, посчитав, что они как-то выпадают из общего хода повествования, запутывая его - и пропустить, не прочитав. Поэтому если и случится так, то повествование от этого не потеряет, а читателю пусть будет спокойнее. Тем более что подобные вкрапления встречаются весьма редко, лишь в нескольких главах, затерявшихся на бескрайних просторах текста.

И еще. Следует заметить, что практически все повествование написано чуть ли не со слов Дмитрия Израилевича (потому как еще до начала авторского труда, между ним и Галаниным происходили довольно длительные беседы, необходимые для лучшего понимания этого человека; да и видимо тогда, еще при первых встречах с ним, у автора уже пускала ростки мысль использовать личность нового знакомого для будущего повествования. И общение в таком случае - есть ничто иное, как накопление материала).

И даже что-то, помнится, было показано Дмитрию Израилевичу (для прочтения и внесения соответствующих правок; кои, надо заметить, по каким-то причинам он не стал делать), и даже практически полностью было одобрено им. То же что ему по каким-то причинам не понравилось - автор решил удалить уже сам, как во избежание каких-либо недоразумений, так и попросту из-за внутреннего стремления к правде да справедливости. Тогда же, видимо, он и принес свои размышления, чтобы (сеем предположить) максимально точно был отображен образ его, а может в порыве чувств, что кто-то избрал его в качестве прообраза главного героя.

Но самое любопытное, что даже несмотря на проделанный анализ личности Галанина, у нас осталось чувство того, что мы так до конца и не поняли всю комбинацию мыслей главного героя. Хотя вполне допустимо, что как раз это мнение ошибочно. Ну или верно ровно настолько, насколько кто другой способен понять все и без наших уточнений.

Потому как раз все равно почти всегда в словах этого другого можно заметить некоторое непонимание натуры нашей. Ну да это вполне распространено, стоит только какому автору прочитать свою прижизненную биографию, написанную другим лицом, и уже кажется, что точно тот кто-то что-то напутал, и все на самом деле было не так. По крайней мере мысли наши, коими мы сопровождали те или иные упомянутые поступки - были другие.

Впрочем, мало кто из авторов имеет прижизненных биографов. Большой частью все случается после смерти.

Часть 1

Глава 1

Может так получиться, что многое из того что было в прошлом, уже не вызывает в моей душе такого уж ностальгического желания непременно возвращения туда, обратно, где - как раньше мне казалось - все было прекрасным; а жизнь...

А ведь тогда видимо была такая же жизнь. И что уж точно, изменяясь в деталях, все было неизменным в канве общего отношения между жизнью и мной. А вот выходило так, что с каждым последующим годом стало видеться оно мне в намного лучшем свете, чем было на самом деле. Но словно бы все равно не угадывалось, что это было так. А казалось действительно прекрасным. Видимо, даже более чем прекрасным, если еще до недавнего времени хотелось мне в него возвращаться.

Впрочем, хотелось возвращаться ровно до того момента, пока я не понял, что уже это есть наиглавнейшая ошибка. Что на самом деле все по другому, и вовсе не так, как представлялось мне доселе. А если и необходимо было как-то реагировать на подобное, то наверняка я предпочитал выражать бурный восторг. По крайней мере в своей душе, не показывая его особо никому внешне. Да может и некому было показывать.

.....

Случилось так, что однажды мне понадобилось составить что-то вроде реестра собственной жизни. Тогда мне предложили читать курс лекций в одном университете, к делу я отнесся со всей ответственностью, тем более что был уже немолод (подступал средний возраст), и необходимо было, как я считал, себя должным образом зарекомендовать.

Позже мои лекции отменились. И хотя уже вскоре я получил приглашение еще из одного университета, уже знал, что выполнил, быть может, главное, что давно уже выполнить был обязан. Я составил реестр. Реестр включал основные вехи моего пути. И от резюме отличался более лирической формой изложения на платформе сухой статистики и цифр. Я, до мозга костей гуманитарий, вдруг посчитал целесообразным непременно применение цифр и схем. Притом что все эти схемы составлял самолично. Для этого даже вспомнил (пролистал) курс геометрии, разбавив его в своей памяти-сознании географическими справочниками и прочей сопутствующей литературой, которая, как сейчас понимаю, мне весьма пригодилась; ибо все, что вышло у меня в результате подобной работы - представляло вполне законченный во всех отношениях труд. И когда я представил его, мне можно было не задавать никаких вопросов. Что я из себя представлял - было понятно и так.

Какое-то время я, было, еще переживал что некому, собственно, показать свое сочинение, как вдруг сразу несколько человек изъявили желание ознакомиться с ним. Причем, это их желание было с их стороны столь искренно, что у меня слегка защемило сердце от переполнявшего меня чувства благодарности по отношению к этим людям. Это уже позже я понял, что в той моей работе эти люди ничего не поняли, и можно было вполне им ее и не показывать. Но вот в тот момент мне казалось, что все я сделал правильно. И даже стало как-то по особенному приятно, что получилось так.

Тем более позже мой труд совсем неожиданно оказался весьма кстати.

Но я на самом деле не об этом.

Иногда так случается, что стремимся мы успеть сделать вроде как и то, что нам совсем не нужно. И даже понимая, что если мы сделаем это, может нам и вовсе стать от этого даже хуже.

Странно, но все это действительно так. Притом что иной раз я не понимаю как возможно, чтобы этого никто не понимал. Скорее - понимают. Но все равно делают. Словно бы по-прежнему совершая ошибки, не признавая или признавая их, но все повторяется по-прежнему. Загадка? Загадка. Человек вообще состоит почти исключительно из загадок. А те невольные ответы что дает сам себе, словно бы из разряда не совсем нужных, не актуальных, и словно и вовсе необходимых лишь для того, чтобы дать какой-либо ответ; при том что этот ответ ни ему, ни тем более кому-то другому совсем не нужен. Но - ответ все равно дается. Без ответа было бы, наверное, и вовсе скучно жить. А так -- какое-то подобие обретения уверенности. Потому как это уже вошло в архетип индивида: если мы что-то отвечаем, значит знаем, и значит жизнь не так плоха, страшна, или безобразна. И что уж точно (говорит нам подсознательно разум) -- на что-то мы еще способны, чего-то стоим. Хотя бы в восприятии себя.

Ну и конечно же я понимал, что многое уже было попросту безвозвратно потеряно. Хотя и тут я мог сказать, что не всегда то, что теряется нами, нам по настоящему необходимо. Случается так потому, что подобное правило как бы встроено в категорию бытия. И несмотря на любые наши усилия, никак не получится высвободиться от чего-то подобного даже в рамках многих существующих положений этого мира. Тогда как иной раз начинаем мы горевать и раскаиваться в произошедшем. А зачастую оказывается - напрасно.

Глава 2

Галанин отчего-то верил, что происходящее с ним непременно должно в ближайшее время закончиться.

Вера эта видимо была продиктована убеждением Галанина, что все негативное, начинавшееся с ним, должно заканчиваться. А уже положительное -- и в первую очередь необходимое ему - продолжаться.

Спроси кто Галанина, откуда вера в такую исключительность,-- он даже не понял бы сразу, о чем вы спрашиваете. Отсюда можно предположить, что нечто подобное происходило у Галанина весьма хаотично (в контексте адаптации действительности сознанием), и потому так случалось и раньше, что кое что возникало в его жизни, но он или не придавал этому значения, или каким-то образом откладывал анализ совершенного на потом.

В результате чего со временем подобное забывалось. А когда через время повторялось почти при подобной же ситуации, Галанин резко замирал, начиная рассуждать про себя, что уже где-то похожее видел.

В большинстве случаев не вспоминал, и его жизнь продолжалась до следующего раза. Вот только когда мог случиться этот следующий раз, Галанин не знал. А даже если бы и знал - не поверил бы запрограммированности начала его. А даже если бы внутренне (бессознательно) поверил - не показал бы вида.

Галанин очень следил за своим внешним видом. Имея от рождения девичье лицо, он со временем добился обретением этим лицом неких мужских черт, в результате чего он остался таким же красивым, но в иные моменты мог бы показаться мужественным. Он и фигуру развил соответствующую, посещая тренажерный зал, и давно решив хотя бы внешне соответствовать тому образу, который нарисовал он себе. Хотя и до конца (в свои тридцать девять) еще не мог решить, устраивает ли его такой образ. Не нужно ли чего-нибудь в нем подправить. Изменить, в общем, да подкорректировать.

А еще он понял, что должен восстановить прошлое. Это было самое оптимальное, что он вообще мог сделать. Он мог считать это делом всей жизни. Мог совершить невероятное. Тем более был уверен - достаточно быстро у него найдутся единомышленники. Необходимо будет только сделать первый шаг. Создать комитет. Собрать туда единомышленников. И - сделать невозможное.

А, добившись этого, позволить себе уйти в мир иной с чувством выполненного долга. Ведь он уже сейчас понимал, что если у него все получится, через время он начнет переживать, что созданное им (точнее - воссозданное) может прекратить существование, разрушиться. А потому - подобного попросту нельзя было допускать. Сражаться? Нет. Сражаться было не с кем. Постсоветская идеология попросту затуманила большинству мозги. И если что и было возможно, это в срочном порядке найти тех, кто помнит, любит, и хочет вернуть старое.

И хоть подобное сделать практически невозможно, он надеялся восстановить нечто подобное. Хотя бы в масштабах микро-общества. А восстановив - успеть пожить в нем хотя бы некоторое время. Пока окончательно не сотрется в пыль времен и его прошлое, и воспоминание о нем.

И не станет по настоящему грустно, что уже ничего не вернуть...

Глава 3

Но видимо на самом деле все было не так плохо. Прежде всего Дмитрий знал, что все как раз возможно вернуть. Он пока еще не понимал, откуда была такая у него уверенность, но верил, что нечто подобное возможно. И даже был убежден (в иные минуты, растягивающиеся на часы и даже сутки), что вернуть можно все. Для этого просто необходимо возвратиться (для начала мысленно, дабы восстановить картину) в ситуацию произошедшего. Потом, если он был не единственным в ней действующим лицом, временно войти в образ другого человека. Ну и заставить и себя (тогдашнего) и его - сделать нечто иное, чем то, что они совершили когда-то.

И в этом случае может получиться нечто совсем иное, чем было, чем произошло. А сама жизнь пойдет несколько по иному сценарию. Причем такому, какой в этот раз удастся запрограммировать. Хотя и верно то, что до конца запрограммировать не удастся ничего. И уже после, по прошествии времени после нынешнего события, придется все также восстанавливать его. Дабы теперь изменить уже свое нынешнее поведение. Словно посчитав, что может быть - в этот раз, или в будущем - что-то лучше.

"Видимо в этом и скрывается ошибка",--задумался Дмитрий. Он как-то ненавязчиво обратил внимание уже всех окружающих его людей (Дмитрий был весьма общителен), что все вокруг совсем не такое, как кажется на первый взгляд. И что еще вернее - у каждого этот первый взгляд тоже весьма отличается. А, отличаясь - уже как бы способствует тому, что мало что вообще возможно изменить или правильно осознать. Причем второе (осознание) уже как бы вытекает из первого (изменения). И что уж точно - изменений не будет возможно, пока не придет осознание, которое в данном случае первично.

"Но может быть и наоборот",--сказал сам себе Галанин, и стал дальше разгадывать ребус судьбы. Вообще-то ему нравились любые загадки, связанные с его существованием. Например, ему удавалось уже многое отгадать из своего прошлого. И так выходило, что прошлое его состояло из многочисленных ошибок. Не допусти которых он тогда, жизнь его могла стать значительно лучше сейчас. Хотя и вопрос - критерии оценки этой "лучше". Да и как бы в контекст (в разрезе противостояния) вкрапывалась мысль о предрасположенности, и даже какой-то оправданности, той судьбы у того или иного человека, которой он живет. И если изменить ее, то не факт, что непременно все будет по-другому. Можно было предположить, например, что жизнь его будет продолжать идти к той же цели, обходя определенные этапы и сторонясь ловушек или попадая в оные (смотря что по сценарию судьбы). И в итоге если взять какой-то этап в целом, то окажется что человек все равно достигает его. Разве что может идти к этому различными (другими) дорогами.

И все же, конечно, слишком много было загадок у Дмитрия Галанина.

А он не стремился так-то их разгадать. Потому как получалось, что жизнь его украшали такие загадки. И размышляя о возможности (и оправданной необходимости) их, он также понимал, что не было бы их (если представить что он разом бы все отгадал), то не было бы и вообще жизни. Потому что, во-первых, в его жизни эти загадки ему нисколько не мешали. А во-вторых, поиск их уже был чем-то необходимым, из чего, видимо, и состояла (должна была состоять) его нынешняя жизнь. Которую он нисколько не хотел переиначивать, а иной раз и готов был к самым крайним мерам. На пути к счастью.

Но вот только не был он уверен, что любые (и даже какие-либо) изменения вели к счастью. Притом что и счастье было категорией весьма относительной. И не всегда могло разъяснить (сознанию) необходимость "прихода себя". А оттого - казалось весьма туманным, да и вообще, не таким, наверное, как это должно было быть. И что уж точно, совсем не таким, как быть могло.

Глава 4

С одной стороны прошлое, конечно, несло свое тайну. И с каждым прожитым годом вы могли эту тайну или отгадать, или же еще более отдалится в разрешении ее.

И неизвестно на самом деле к чему бы - и когда - это все привело, если бы каким-то образом вас уберегала судьба от излишних откровений; и вы замирали на миг; а после уже было трудно возвратиться на то место, с которого начали свои размышления-воспоминания. А наши воспоминания как река. Войти в них дважды невозможно. Потому что каждый раз обязательно или вспомнится новая деталь, или что-то забудется; или будете не в том настроении, чтобы правильно оценить какой-либо жизненный момент; ибо на самом деле это весьма сложно. И на правильную оценку может влиять все что угодно. От насущных проблем, до глобального потепления (ну или похолодания). В общем, в то, что влияет

все, вероятно следует просто поверить. Проверить это в режиме реального времени невозможно. А с возрастом (или прошедшим временем, что иной раз одно и то же) становится понятно, что когда-то мы были правы. Вот только вернуться в это "когда-то" бывает не всегда возможно. А в иные разы и уже почти невозможно. Разве что попытаться войти в то свое прежнее состояние. Ну, что-то вроде нахождения в транс. Хотя уже точно, что это никакой и не транс. А, наверное и вовсе - черт знает что. И что уж точно - непонятно что. Совсем непонятно.

.....

Дмитрий Галанин каким-то образом пытался предвосхитить судьбу.

От попытки вернуть себя в прошлое он вскоре отказался. Вернее, сначала отказался. Потом все же решил. Вновь отказался. Стал убеждать себя в правильном выборе и оправданном решении. А потом неожиданно сказал себе, что попросту делает глупость. Потому как глупо отказываться от того, что на самом деле сделать было необходимо и оправданно. Нужно, то есть.

.....

А ведь было в его жизни то, к чему он совсем не хотел возвращать.

Ну, в том плане, что не все прошлое было ему так необходимо. Отчего то он хотел и избавиться. Стерев память о том навсегда. И даже не пытаться... Вообще ничего быть может не пытаться. Ну, разве что, иной раз, туманной дымкой накатывало на него то или иное воспоминание. И он совсем не желал погружаться в него. Словно бы решая, что оно ему совсем не нужно.

Хотя и не забывал. Память у Галанина была слишком хорошая, чтобы что-то забыть. Тем более уже видимо активные воспоминания его как бы совсем не способствовали тому, чтобы забыть (подхлестывая и тренируя разум). И все, к чему он тогда стремился, это

сделать так, чтобы такие (нежелательные) воспоминания уже не несли свою негативную окрашенность. И он считал, что многое в этом случае будет не так, а по-другому. Должно быть по-другому. А как было на самом деле -- он, наверное, и не знал. Пока не знал. Но ко всякого рода разгадкам стремился. Считая что должен - со временем - разобраться во всем. Ну а уже дальше, в зависимости от этого, что-то или показать (в своей памяти) крупным планом. А что-то наоборот скрыть. Заретушировать. И тогда... Тогда должна была наступить (предусматривалась) полная идиллия. Ну, в том плане, что уже не было бы чего-то столь мучительно ненавистного ему, его сознанию. А даже наоборот - было бы весьма добрым, хорошим, да и вообще - положительным.

Глава 5

Он понимал, что давно уже запутался в той жизни, в которой жил.

И она даже ему была не нужна. Не важна для него. Не держался Дмитрий за жизнь. Столько лет приходилось расплачиваться за совершенные когда-то ошибки, что он попросту поймал себя на мысли, что устал. Устал видеть, что все продолжается. Что все остается по-прежнему. Что он исправляет, а что-то появляется вновь. Душит его. Не дает вздохнуть полной грудью. И словно бы уже нет того просвета, на который рассчитывал, и к которому всегда стремился. Ведь шутка сказать, но несмотря ни на что -- он ведь по-прежнему ко всему стремился. По духу Галанин был боец. И верил, что все неприятности в конечном итоге ему удастся победить. "Но вот только когда это произойдет", -- задавался он невольным вопросом. И томилась его душа в ожидании. И хотелось ей парить как птица. Не обращая внимания на копошащихся внизу людей. А его каждый раз оттягивали назад. Говорили, что еще не время. Но при этом словно бы он находил знаки того, что что-то действительно изменится. Что еще немного, осталось подождать совсем чуть-чуть, и все будет по-другому.

Но вот только когда это произойдет? Когда случится так, что он будет жить свободно, без удушающего проклятия,

спутившегося на него. Окутавшего его душу, заключившую ее в капкан. Когда, когда произойдет такое...

.....

Жизнь Дмитрия Галанина была действительно мучительной. Когда-то давно он сделал малодушный поступок: женился на женщине-стерве, да еще с ребенком. Ребенок оказался двадцатилетний выродок, лодырь и тунеядец, который не учился и не работал, и сидел на его шее вместе с мамашей, которая... В общем, жена его, Варвара, оказалась такой же. И они теперь сосали с Галанина кровь. Устраивая скандалы и выдвигая каждый раз какие-то новые требования. Которые Галанин бился в кровь, но удовлетворял. После чего жена-стерва немного успокаивалась, а потом продолжалось все вновь, начинаясь с начала.

И казалось, что не было у него выхода, и не придет избавления мучениям. А все, что получалось сейчас, та ситуация, в которой он жил, была настолько мучительной для него, что возникало у Галанина иной раз желание прекратить, закончить все разом. Убить себя, скрывшись от боли запредельной тоски. Раскалявшей его душу до невероятных мучений. Потому как издевались над ним каждый день. И это было сродни настоящей пытке. Он словно чувствовал себя крепостным или заключенным. И жил только верой, что когда-нибудь закончится срок его заточения. И он выйдет на свободу. И посмотрит на окружающий мир другими глазами. И все станет у него хорошо. А самое главное, что он начнет жить. Жить, наслаждаясь жизнью. Улавливая в этой жизни то, что попросту не мог замечать сейчас. Потому что... Потому что плохо было Галанину. Очень плохо. Душили его эти суки, не давая вздохнуть полной грудью. Требуя все новых благ, для удовлетворения своих скотских потребностей. Притом что взамен сначала давали все меньше (да и то только Варвара, вступая с Галаниным в интимную связь), но потом, постепенно, прекратилось и это. И теперь он приходил домой, не испытывая к домашним ничего кроме тихой

ненависти. И они его ненавидели. Ослабля тиски ненависти лишь только когда им было что-то необходимо от него. А потом уже и попытку такого получения (благ) обставляли таким образом, словно Галанин давно был должен сделать нечто подобное, и, мол, наконец-то сделал. Суки? Еще какие! А Дмитрий... А у Дмитрия не было возможности обрубить гордиев узел, выгнав ненавистных ему людей. Потому что... Потому что слишком погряз он в своей доброте. Прописав к тому же ненавистное семейство на свою площадь. И в итоге оказавшись... Ну, в общем, сволочи обложили его со всех сторон. А все размышления на попытки выбраться - гасились на корню.

Глава 6

Один из выходов Галанин видел в создании общества, где все жители были бы подобраны исключительно им. Отвечали бы требованиям, давно сформировавшимся в его подсознании. И это можно было рассматривать как выход, если бы только не была идея столь утопической, чтобы сам Галанин поверил в нее.

Но с другой стороны ему вроде как ничего и не оставалось. Он понимал, что со временем, конечно же, что-то разрешится. Или он выберется из пучины, или пучина поглотит его. И у него уже действительно не останется никакого выхода, как прекратить страдания, убив себя.

И глупо это было называть малодушием. Ко времени, когда он примет такое решение, он уже изыщет все возможности выхода из ситуации. Да он уже и сейчас почти все изыскал. И мог надеяться разве что на чудо. При том что чудо не всегда посещало и более счастливых, чем Галанин, людей. А тут и вовсе могло так получиться, что не стало бы возможности. Не было этой возможности. И хотя бытует мнение, что возможность всегда есть,-- на самом деле ее не было. Дмитрий уже чувствовал это и сам. И если пока боролся, то на многое (на правду) закрывая глаза. Попросту - обманывая себя. Потому что выхода никакого на самом деле и не было. Уже десять лет продолжались его мучения. Десять лет сплошных скандалов и упреков ему за

несуществующие поступки, в которых Варвара с маниакальной настойчивостью его уличала. А он... он страдал. Но почему он должен был страдать? Разве каждый человек не заслуживал хотя бы частицы счастья? Разве...

Не заслуживал. Долгие годы Галанин мучился чувством вины за то, что сам когда-то уличал своих родителей в несуществующих грехах. Он помнил слезы матери. Помнил грусть отца. Но Дмитрий тогда был молод. И он ведь смог добиться, чтобы прекратить со своей стороны эти упреки. Правда, родители к тому времени умерли (Дмитрий был поздний ребенок). И видимо какое-то время, получая все, что он получал от Варвары, Галанин списывал это на его отношение к собственным родителям. Допуская (и желая этого) что за это он должен нести кару.

Но вот настал срок, когда Галанин всерьез задумался что не может, не должен больше страдать. Слишком затянулись эти страдания. Слишком затянулись.

И перебирая варианты возможного выхода из проблемы, Дмитрий как-то незаметно для себя уверовал в Бога. Бог в его представлении стал той высшей силой, которая должна была установить справедливость. Много, слишком много было несправедливости вокруг Галанина. Сам он давно уже понял, что не в силах справиться, не в силах изменить сознание людей. Ведь в иных случаях человек и не может измениться, разве только перед угрозой опасности для себя. Тоталитарные режимы использовали эту особенность психики индивида для лучшего управления страной. Возвеличивая порядок, а неугодных (лентяев, тунядцев, лгунов, стяжателей, чрезмерно хитрых и алчных субъектов, расхитителей собственности и прочее) подводя под категорию врагов народа. Они ведь и на самом деле были врагами. Врагами всего, что было направлено на укрепление государства. И их пороки можно было сдерживать только страхом. Все их подлости и пороки страх расправы над их телом и действительно сдерживал как ничто лучше. Но ведь у Галанина не было репрессивных рычагов. Для этого ему как минимум необходимо было идти по иной стезе. Выучиться, например, на прокурорского работника, или, там,

стать представителем каких силовых ведомств. Но он был искусствовед.

А еще нравились ему свободные от предрассудков женщины. Чтобы можно было при желании всегда, везде, и много. Много и часто. Именно в своей семейной жизни Галанин понял, что не было у него ни много, ни часто. Да и вообще, не было уже давно. А даже если бы и было, то точно не с супругой. С которой ему давно уже было неинтересно. Ее пуританский нрав раздражал Галанина. Он все время стремился перейти через какие-то запреты. Но вся проблема - что он сам эти запреты когда-то возвел. И было ему необычайно трудно от них отказаться.

Глава 7

Конечно, Галанин был не совершенен. Но выходило так, что он стремился к одному, чему-то известному ему. И стремившись, считал, что ничто ему не должно мешать в достижении ожидаемого результата. А то, что такой результат был запланирован, это был факт, который глупо было бы отрицать. Разве что Дмитрий старался никому об этом не рассказывать. Да и вообще он как-то понял, что в полном смысле должен полагаться только на себя. И даже не из-за того, что другие предадут. Нет. Они просто могут не понять. Причем такое "не понимание" зависит не только от недостатка интеллекта (среди его знакомых как раз превалировали люди умные), но и в силу ряда причин, имеющих скорей всего природный характер, и базирующихся исключительно в зоне психики. А она, как известно, не только индивидуальна у каждого, но и влияет на нее множественный ряд причин, таящихся в подсознании. И вот эти архетипы, зачастую как раз и влияя на жизнь, -- не только вносят в нее свои изменения, но и подчиняют психику индивида чему-то тому, что не сразу и раскрывается в его сознании. Хотя бы потому, что до сознания что-то иной раз и не доходит. А если доходит, то как-то разом (и достаточно быстро) улечивается. И получается что становится подвластна разгадка только при самом детальном

и длительном анализе. Да и то, поддается она только очень настойчивым.

Но Галанин был как раз из таких. И он знал, что рано или поздно сумеет понять тайну мироздания. После чего окружающий мир если и не подчинится ему (подобное абсурдно и невозможно), то - что уж точно - он, Дмитрий Галанин, сможет подстроиться под взаимодействие с этим миром. После чего земная миссия его в какой-то мере будет завершена. И он сможет смело...

Но пока об этом было думать рано. Еще предстояла мучительная работа. Требовалось совершить то, к чему он пока только подступал и даже еще не верил, что подобное станет возможно.

.....

Ситуация, вырисовывающаяся в голове Галанина, действительно пока была достаточно запутанна, чтобы он мог сразу приступать к выполнению задуманного. Притом что и задуманное пока было достаточно путано и туманно. И что уж точно, совсем не могло привести (в нынешнем варианте) к исполнению плана.

А план уже был. И очень хотелось Дмитрию восстановить справедливость. Вернуть то, что он считал - должно быть и так у каждого. То есть - вернуть СССР.

Глава 8

Развал Союза после предательства руководителей трех государств Дмитрий Израилевич Галанин встретил в тюрьме.

Попал он туда по недоразумению. Что-то сбилось в следственном аппарате, и по ошибке арестовали Галанина.

Но даже несмотря на то, что как-то быстро разобрались (даже удивительно быстро), Галанин вкусил все прелести СИЗО. Причем оказался там на стыке двух эпох. А значит, стал свидетелем преобразований, затронувших тюрьму почти точно так же, как и всю остальную страну.

На основании того, что оказалось разрешено подследственным, Дмитрий ужаснулся режиму,

существовавшему доселе. Даже сейчас не каждый выдерживал, а раньше... раньше...

Впрочем, тюремный опыт Галанин старался не вспоминать, и как-то быстро его вычеркнул из памяти. Уже позже он аукнется в неожиданном интересе к блатным песням и вообще тюремному фольклору. Но если желание изучать последний как-то быстро сошло на нет, то блатные песни Галанин продолжал слушать с удовольствием. Причем как-то быстро отсеял ту лабуду, которая портила, по его мнению, жанр. Оставив только то, что бередило душу.

Особенный эффект достигался, если он при этом выпивал. Пил он не много, боялся, потому как имел склонность к злоупотреблению, но выпивая даже чуть-чуть, как-то по особенному представала перед ним вся его жизнь. И находил он в этой жизни многое, что при ином раскладе - не замечал. Оно как-то ускользало от него. От его сознания. Ну а так как алкоголь таинственным образом воздействовал на подсознание, Дмитрий испытывал многое из того, что ранее - проходило мимо. А теперь все словно бы стало на свои места. А душа его озарялась какими-то новыми красками. И самое главное - что он был в таких состояниях преисполнен решимости жить. И от всего этого становилось хорошо и правильно. Ну и конечно же, замечательно. Даже слишком замечательно, чтобы поверить в это.

Он до конца и не верил. Боялся увлечься. Знал, что легко сопьется, потому что привык в каждом деле идти до конца. До победного конца. Ну, или до конца, который должен был привести к победе. Хотя при этом, он точно также мог и вообще ни к чему не привести. А мог привести и к поражению. Поэтому лишний раз Галанин предпочитал не злоупотреблять. Зная специфику собственной психики.

.....

Вообще же, жизнь Дмитрия Галанина при определенных раскладах могла показаться очень даже интересной и занимательной. Вопрос только, что не очень-то хотел он оказываться на виду. Считая что раз не был он ни писателем

ни общественным деятелем, то и как бы незачем чтобы судьбу его раскладывали по полочкам, что-то там выискивая, сопоставляя, анализируя... Он вообще - всегда стремился к простоте. Хотя и при этом (как большинство из подобных ему людей), был склонен к некоторым амбициям, возвеличивающим его хотя бы в собственных глазах.

Стоило также обратить внимание (если уж нам пришлось - выдался повод - коснуться рассмотрения его жизни), что Дмитрий Галанин всегда и во всем стремился соответствовать каким-то стандартам, многие из которых, впрочем, не имели такой уж четкой структурированности. И даже вообще можно сказать, что иной раз в его мыслях наступал хаос. Этот хаос своей сумятицей обескураживал Галанина. Он хотел, в таких случаях--состояниях, поскорей от него избавиться. Да и вообще, если разобраться, он много чего хотел. Разве что получалось так, что он всегда и во всем - сдерживал (контролировал) свои эмоции. Старался никому не мешать. Старался...

Он много старался. Старался соответствовать какому-то образу, который давно уже родился в его подсознании. И Дмитрий был преисполнен решимости довести начатое до конца. Не будем говорить - довести до конца чтобы ему не стоило. Это излишне. Галанин с детства выработал в себе привычку не останавливаться на полпути. И всегда довершал начатое, иной раз возвращаясь к нему даже через годы.

Он словно чувствовал, что в его мозгах (в его психике) разрастается дискомфорт. И хотел всячески добиться того, чтобы прекратить собственные страдания.

Пока получалось. Получалось даже несмотря на то, что он - иной раз - стремился к чему-то и вовсе невообразимому. Быть может даже тому, что у него никогда бы не получилось.

Но это он раньше так считал. А проходило время, и постоянные мысли о предмете спора-раздора (спора между сознанием и бессознательным) неким таинственным образом вырисовывало перед ним, перед его будущим, правильную картину, к которой он должен стремиться. Добиваясь того, что ранее отметал за не перспективностью проблемы. А теперь, по прошествии времени, все перед ним казалось иначе. По другому. Не так, как это было, могло быть, да и

вообще не так. По-другому. Хотя и чтобы нащупать это другое, требовались, иной раз, годы.

Но Дмитрий не отчаивался. Он умел ждать. Умел ждать и добиваться поставленных целей. И всегда и во всем полагался только на себя. Быть может это и было залогом всего того положительного (позитивного), что происходило с ним. С его жизнью. С ним - в его жизни.

И что уж наверняка - это все здорово помогало Дмитрию. И он чувствовал себя другим человеком. Более могущественным, чем был на самом деле. Хотя - мы ведь именно то, что о себе думаем, как сказал Марк Аврелий ("Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней"). Поэтому достаточно трудно непредвзято оценивать жизнь Галанина. Различать в этой жизни что-то истинное, настоящее, от наносного, но, тем не менее, существующего. Ведь можно совсем запутаться. И тогда, так или иначе - если оценивать по факту - то следовало бы признать, что Галанин постепенно (с возрастом) становился именно тем человеком, каким он хотел, всегда хотел, себя видеть. И тут уже, как говорится, без вариантов и каких-либо надежд на изменения. Изменения если и могли происходить, то исключительно в положительную сторону. Иного бы не вынес (не допустил) он сам. Так что, тут как бы все было более-менее ясно.

Если же вернуться к изменениям, происходившим в Дмитрие Галанине, то можно было заметить, что он иной раз сам опасался их. Опасался, прежде всего, их непредсказуемости. Ведь не всегда было понятно, куда выведет жизненный путь; особенно если периодически шараться в стороны (считая что там будет лучше). Не будет. Практика показывала, что если и будет - то не всегда. И намного спокойнее для каждого все-таки оставаться самим собой. Ну, или, изменяя себя,-- иметь точные параметры этих изменения, или же проводить их под руководством опытных наставников.

Но Дмитрий от природы был одиночник. И если с кем-то чем-то делился, то весьма неохотно. Предпочитая хранить информацию в себе хотя бы с того момента, пока сам во всем не разберется, или же пока у него не выработается правильная линия своего дальнейшего поведения. Тогда он

мог на миг расслабиться, доверившись интуитивному восприятию мира. Окружающего мира, ибо мир был разный. Например, был внутренний мир отдельного индивида, а был мир как бы общий, мир социума. И в отдельных позициях они могли расходиться. А был мир - просто мир. Мир как ситуация, при которой можно было жить, не опасаясь каких-то неприятностей. Мир... Таким, например, был мир его детства. Очень обеспеченного детства. Когда у него, как у ребенка, было все, что он хотел. И все о чем бы не пожелал - выполнялось. Причем он даже не задумывался, приносило ли какое затруднение исполнение подобного детского желания его родителям. Хотя сразу заметим, что не приносило. И отец и мать Галанина занимали весьма ответственные должности в аппарате власти. Поэтому никаких проблем с исполнением детских желаний своего единственного сына у них не было. Но ведь для самого Дмитрия, для его сознания, это не имело никакого значения. Он как бы жил той жизнью, которой хотел. И прожив определенный период ее, вдруг понял, что ситуация давно изменилась. Что его жизнь идет совсем по другому направлению. Что он может и хочет чего-то, и стремится к этому, но это все не так как надо. А как надо - он не знает. Не понимает. Когда-то понимал, а потом перестал. И словно бы больше не стремился догнать. Словно бы все куда-то разом ушло. Исчезло. А он... А он смотрит вслед, и думает что так надо.

Ну, или не смотрит и не думает. Тут уж действительно наступал в его душе полный кавардак. И куда (и к чему) он стремился, Дмитрий не знал. Вот ведь как...

-----.....

И чувствовал Дмитрий, что, несмотря на годы, он так и не в силах приблизиться к тому единственному знаменателю, который, видимо, и определял его судьбу. И не потому не мог приблизиться что не хотел, или еще по какой причине. Объяснялось-то все на горе Дмитрию просто. Быть может даже слишком просто. И хоть стремился он в конце концов разгадать этот ребус судьбы, попытки пока заканчивались до боли однообразно. Ну, то есть, никак. Ни к какому знаменателю он не только не приближался, но и судьба,

словно насмехаясь, периодически побрасывала ему новые вводные.

В итоге - запутывался он невообразимым образом. И если к чему-то стремился - все это его стремление оставалось как бы на поверхности. И ни к чему конкретному не приводило. Причем обставлялось все так, словно так и было надо. Словно так было установлено. Словно, словно, словно...

Вопросов по-прежнему было больше чем ответов. А ответы как будто и существовали, но где-то в иной реальности. И самому Дмитрию Галанину были они уже не подвластны. То есть они, конечно, существовали. Но в тоже время их как бы и не было. А сам он - запутывался самым пресквернейшим образом. Превращаясь иной раз и вовсе в некое подобие человека. Лишь подобие. Потому как (что интересно!) казалось иной раз Дмитрию Галанину, что он есть самая настоящая горилла. Огромная и безобразная. И хоть первый раз подобное приснилось во сне, к сну подобное видение его места жизни отношения не имело. Потому как тот сон закончился, а мысль о гориллоподобности с тех пор часто стала возникать в его изможденном впечатлениями сознании. И как он не пытался избавиться от подобного, это ему не удавалось. Может так пытался?

.....
.

И все же нельзя было, конечно, сказать, что Дмитрий Галанин так-то уж был неудовлетворен своей жизнью. Вернее - сказать так, значит заметить (и знать) только верхний пласт его отношений с жизнью. А на самом деле все несколько иначе, глубже, и - интереснее. Ведь Галанин в иных случаях представлял собой энциклопедию всего, что только могло знать человечество. Причем кто-то находил в этом определенный парадокс: какими-то совсем уж феноменальными знаниями он не обладал, -- хотя и знал столько, сколько нормальный человек запомнить не может.

Секрет объяснялся просто. Галанин запоминал все, что когда-то появлялось вокруг него. Появлялось хотя бы на время.

Иной раз он мог что-то вспомнить, но совсем не помнить источника, откуда он получил эту информацию. И в то же время информация была. Она даже могла на время начать жить своей жизнью. Чтобы потом - постепенно вернуться. А Галанин чувствовал себя после этого как-то удивительно прекрасно.

Чудеса? Нет. Чудес Галанин не признавал. Он был материалист. И всегда боролся за научный подход относительно всего, где соприкасался с жизнью. Стремившись в то же время не допускать в этой жизни чего-то такого, что, на его взгляд, не укладывалось в видение ее - им. А потому... А потому Дмитрий Галанин все же шел к своей цели. Стремившись ко многому, и постепенно это многое достигая.

Глава 9

И ведь как странно было. Вроде как и хотел Дмитрий чего-то; на пороге даже находился. А вот раз - и нет этого. Все время находилось что-то, что отбрасывало его назад. Ну а он... он уже через время забывал к чему так недавно стремился. И фактически продолжая стремиться к тому же самому - выбирал для этого иную дорогу. Причем, что любопытно, забывал по какому пути шел недавно. А потому через какое-то время он возвращаться. Принимая все что сейчас - за новое и интересное. И совсем забыв, что это уже было.

От какой-либо загадки Дмитрий всячески стремился дистанцироваться. И не то, что ему было что-то не приятно или еще по каким причинам. Скорей всего секрет крылся лишь в специфике психики Галанина. Ибо мы уже не раз находили, что он отличался от большинства других. Причем отличался не просто, а неким своим таинственным началом. Тем, что скрывалось в его глубинах психики. И, таясь там, нисколько не желало выходить наружу. Не хотело. Не собиралось и не могло. Ну а почему так выходило? Так Галанин и сам был бы рад отыскать ответ. И даже уже много

раз находил его, ответ. Но вот проходило время, и возвращаясь к анализу того, что было когда-то, Дмитрий находил, что все это не то. Что необходимо было тогда - действовать иначе. Понимая, что если бы сейчас ситуация повторилась, он действовал бы точно также. Так уж выходило...

.....

И все же, конечно, не хотелось бы Дмитрию Галанину быть столь категоричным. Ведь если разобраться, многое в его жизни было так: сначала сомневался, думая, что надо бы иначе. А после оказывалось, что уже как раз тогда он был не прав. А как получилось - так и правильно, так и хорошо.

И стремился в таких случаях он к чему-то хорошему. Да вот знать бы еще - где оно это хорошее? В чем выражается? К каким путям-дорогам стремится. Ведь наверняка,-- размышлял Галанин,-- идет оно каким-нибудь своим путем. Да еще и таким, каким не виделось ему раньше, а то и даже думалось всегда, что и идти возможно.

А вот оказывалось что возможно. И получалось, что это раньше он ошибался. А вот воспользуйся тогда (этим путем), и может, была бы жизнь его иная. И не пришлось бы со временем так раскаиваться, что не выбрал он правильного пути. Ну, или выбрал, а все равно раскаивался. Что хоть и нащупал верное решение интуитивно, да не понял, не осознал правильность его сразу. А оттого и мучился, страдал, да и вообще, иной раз, выдумывал черт знает что. Не к ночи, как говорится, было бы сказано...

В общем, если разобраться - был Галанин дурак дураком. А если приглядеться, то еще вроде как и ничего страшного. Ну, то есть, был нормальным.

.....

..

По прошествии незначительного времени, отведенного на традиционный самоанализ ("в духе Хорни",-- неожиданно

подумал Дмитрий), Галанин решил приступить к осуществлению своего плана. Помимо многочисленных кардинальных изменений (сопутствующих плану), Дмитрий Галанин должен был восстановить на какой-либо территории прежний строй. И хотя в то, что это ему удастся, он особо не верил, -- тем не менее получил Галанин неожиданное предложение, от которого пришел одновременно и в восторг и в панику.

Суть предложения - помощь со стороны кубинских коммунистов. Причем на первый взгляд утопическая идея вполне могла осуществиться. Еще после падения старшего брата, определенные круги в Кубе мечтали о восстановлении "статуса кво". И хоть по всему становилось понятно, что сделать подобное невозможно, кто-то каким-то образом вышел на Галанина. На Галанина и его небольшую команду, состоящую пока из виртуальных друзей. Но ведь так устроен мир, что любая виртуальность (знакомство по переписке) могла воплотиться в самую что ни на есть реальность. Ну а что для этого было необходимо, Дмитрий знал. И он даже уже фактически сделал многое, чтобы в ближайшее время состоялась встреча в реале.

Собраться они должны были на конспиративной квартире в Москве. Москву выбрали не случайно. Там легко можно было затеряться. Притом, как бы на всякий случай, был припасен и Санкт-Петербург. В случае провала явочной квартиры в Москве, друзья по переписке должны были встретиться в поезде Москва-Санкт-Петербург. В одном купе. Билеты были приобретены заранее.

Глава 10

Встреча по независящим причинам не состоялась. Галанин получил визу, и уехал в США. Намереваясь там остаться навсегда.

Только сейчас, оказавшись на территории Соединенных Штатов Америки Дмитрий Израилевич мог признаться, что все, чего ему недоставало - он получил. Прежде всего он

хотел свободы. В Америке свободы было столько, что поначалу он удивлялся, как такое вообще возможно.

Оказалось, возможно.

Осмотревшись, Галанин получил приглашение посетить одного человека, мистера Дожавью. Марк Дожавью был француз, но родился и прожил свои шестьдесят лет на территории США. Занимался мистер Дожавью коммерцией (как он скромно пошутил в день их первой встречи). Таких встреч потом будет много. А коммерция Дожавью сводилась к акционированию ряда крупных предприятия в металлургической отрасли. Причем совсем скоро Галанин узнал, что Дожавью был миллионер. А корни имел русские. Бабка его была из Нижнего Новгорода.

Внешним видом Марк Дожавью походил на некий бочонок. Он и ходил, словно катился. И смеялся заразительно громко, и совсем никого не стеснясь. "Так смеются только очень уверенные в себе люди",--подумал Галанин, первый раз услышав этот смех. Позже он не раз его слышал. Но уже словно бы не обращал внимания. А тогда, в их первую встречу, даже как-то по особенному удивился. Словно бы до того ему такого смеха слышать не приходилось.

А еще Галанина поразила уверенность, излучаемая Дожавью. Казалось, тот вообще никогда ни в чем не сомневался. И даже первое время их знакомства Галанин невольно провоцировал Дожавью. Ему хотелось, чтобы хоть раз франко-американец засомневался хоть в чем-нибудь. Но все тщетно. Тот действительно был уверен во всем. По крайней мере считал что это так. И внешне казался преуспевающим и улыбчивым.

--О чем вы хотели со мной поговорить?--спросил Галанин на третий день знакомства (первые две встречи он пил, курил, и слушал рассказы Дожавью, который неплохо, как оказалось, знал русский язык).

--Поговорить?--не понял Дожавью.

--Ну да,--кивнул Галанин.--Ведь в приглашении, которое вы мне прислали перед первой встречей, вы ясно указали,

что имеете ко мне дело. Любое дело предполагает получение информации и уточнение деталей через разговор. Поэтому я и задаю этот вопрос: о чем вы хотели со мной поговорить?

Марк Дожавью как-то по-особенному (внимательно) посмотрел на Галанина. Казалось, сейчас он заметил в нем что-то новое, что доселе от него как-то ускользало.

Галанин выдержал взгляд, и даже позволил себе улыбнуться. (Видимо, чтобы разрядить обстановку, заполнив невольную паузу.)

--Ну, если вы настаиваете...--медленно протянул Дожавью, все еще изучающе уставясь в Галанина.

--Извините - настаиваю,--произнес Галанин, отчего-то проявив настойчивость в желании идти до конца.

--Ну, хорошо,--рассмеялся Дожавью.--Предмет разговора - революция в отдельно взятой стране. Мне кажется, вы способны возглавить определенные силы. Разумеется, при моей финансовой поддержке,--уточнил Дожавью, и на миг лицо его приняло сосредоточенность, но почти тут же оттаяло. И вообще, как показалось Галанину, Дожавью играл роль простого парня. Так ему было, видимо, спокойнее. Можно было говорить о серьезных вещах. А после, если те не получались или он раздумывал, все можно было списать на юмор. Шутку. Шутку с серьезным лицом. Ведь лицо у Дожавью было серьезное. Это Галанин запомнил, потому что привык замечать детали.

--Вы согласны?--спросил Дожавью.

--Согласен,--зачем-то кивнул Галанин.

--Ну вот и хорошо,--обрадовано произнес Дожавью, и протянул Галанину какой-то сверток.--Здесь необходимые инструкции. Ознакомьтесь. Лучше дома (добавил Дожавью, оглядываясь по сторонам, и видя что Галанин собрался развернуть пакет). А потом, в нашу следующую встречу, вы мне расскажите свои соображения. Договорились?

Дмитрий кивнул, решив про себя, что если что, на встречу может просто не придти. А пакет переслать Дожавью по почте.

--И, пожалуйста,--внимательно посмотрел на него Галанин.--Для меня крайне важно, чтобы эти документы никто не видел. В какой-то мере для нашей с вами

безопасности,--видя недоуменное лицо Галанина, произнес Дожавью.--А теперь прощайте.

Рядом с Дожавью остановился черный автомобиль.

--Да,--обернулся к оставшемуся на тротуаре Галанину Дожавью.--Ответ мне необходим уже завтра. Вам позвонят, и вы скажите только одно слово: "да" или "нет". Все. Об остальном - в зависимости от вашего решения.

Мистер Дожавью сел в машину.

Галанин вскинул руку.

Стекло у машины медленно опустилось.

--Я обязательно должен давать ответ?--спросил Галанин.

--Да,--ответил Дожавью, и машина медленно тронулась с места, набирая ход. Впереди была неизвестность. И Дмитрий поспешил в гостиницу. Он побыстрее хотел посмотреть что в пакете. Ознакомиться с документами. Чтобы больше у него было времени на раздумья. А уж какое он примет решение, Галанин не знал.

Но ему вдруг захотелось вообще не принимать никакого решения. Хотя он тут же понял, что подобное невозможно. Слишком мало он времени в Штатах, чтобы позволить себе вести самостоятельную игру. Пока, знал Галанин, необходимо было подстраиваться под других. Под обстоятельства. И лишь потом пытаться эти обстоятельства переигрывать. Ну а пока только так.

--От этого и будем исходить,-- подумал Дмитрий, и стал подниматься в номер.

Часть 2

Глава 1

Виктор Зарубин, сорокатрехлетний ученый, физик, как-то проходил преддипломную практику в одном очень интересном, и до сих пор засекреченном, месте.

С момента былых лет прошло много времени. Но вот уже почти как неделю Зарубин боролся с неожиданным

желанием посетить институт своей молодости. И несмотря на то, что работал он там когда-то не более трех недель, воспоминания о прошлом навсегда врезались в его память. И ему зачем-то - необходимо было оказаться в том НИИ, где когда-то...

Сейчас он не помнил даже темы исследований. За последние годы на него наслоились новые впечатления от жизни. Притом что жизнь прошедшая -- стала как-то отодвигаться на второй план. И Виктор уже было подумал, что и все. Что все теперь будет по-другому. А ему совсем не надо будет мучить себя невольными воспоминаниями юности. Потому как сейчас ведь и на самом деле все было по-другому. Не так, как было, как могло быть, и наверное даже не так, как ему того хотелось.

.....

Виктор производил впечатление уверенного человека. Он почти не пил, был скромен в быту, старался меньше общаться с людьми, словно ожидая от этих людей какого невольного подвоха. Предательства, другими словами. И при этом, заставь его кто ответить о том, кто его в последнее время предавал, и не вспомнил бы Зарубин ничего. Так, появились бы определенные эпизоды,-- да и те расползлись как-то быстро по его жизни, и фактическим были этой жизнью незамечены.

И что уж точно, не привел бы Зарубин ни одного примера (из прошлого) так-то сразу, с наскока. Задумался бы. Почесал бы свою густую бороду. Да может снял и протер бы очки. И верно, только усмехнулся бы. Потому что ничего такого не вспоминалось. Да и многое, очень многое виделось Зарубину не так. Совсем не так, как было, как могло быть. Все выходило по-другому.

А Виктор?.. А он и не расстраивался. Он давно уже привык принимать жизнь такой, какая она была. И старался...

Ну, сейчас он все же старался найти повод посетить НИИ из своего прошлого. Ему почему-то непременно нужно было

оказаться там. Почему? Зачем? -- Зарубин не знал ответов. Да и никакой ответ его бы сейчас не устроил. Все в его жизни стало как-то иначе. Причем происходить подобное начало недавно. Когда казалось, что словно неожиданно с ним произошло нечто, после чего он стал совсем иначе относиться к прошлой (и к будущей, и вообще) жизни. У него появился даже какой-то особый взгляд. Станный, и как будто бы ни к чему не обязывающий, этот взгляд, тем не менее, был совсем не свойственен Виктору ранее. И только теперь, совсем случайно завидев его (себя - в зеркале) Виктор остановился в нерешительности, и задумался. Задумался над тем, что достаточно любопытна жизнь, если приносит ему такое.

Что и почему, Зарубин не думал. Ну, или вернее, излишне думать он пока опасался. Ему казалось что с ним может произойти нечто такое, чего он никак не предусматривал. При том что он многое вообще предусматривал. Потому как от природы был весьма осмотрительным человеком. Да вот никак все не выходило в его мыслях какой-то - должной и необходимой - структурированности. Отчего казалось, что происходит все совсем не так. Происходит все как-то не так, как это было необходимо ему. Да и вообще, как это ожидалось. Если предположить, что оно вообще ожидалось.

.....

С Галаниным Зарубин был знаком исключительно поверхностно. Судьба лишь однажды их свела, да и то случайно, хотя они и успели друг другу понравиться, но после уже не встречались. Периодически и тот и другой как будто делали попытки встретиться, да все дела да ненужные заботы словно отводили одного от другого. И казалось Галанину, что ему не нужен Зарубин. А Зарубин почти и вовсе не думал о Галанине. Ему было о чем думать. О НИИ, например. Причем он решил во что бы то ни стало в том НИИ появиться. И появившись в нем...

Ну, пока он не знал, что должно произойти тогда. Не знал он, и что будет с ним дальше, и какую роль в его дальнейшей

судьбе сыграет Галанин. А потому когда Зарубин приехал с экскурсией в Прагу и случайно столкнулся с Галаниным в одном из небольших кафешек старого города, то поначалу и не вспомнил того, а вспомнив - обрадовался. Обрадовался неожиданно искренно. И они даже договорились о новой встрече. Ну а то что эта встреча в запланированное время не состоялось, не было ничьей вины. Зарубин внезапно заболел, отравившись, и неделю вообще был выброшен из жизни. А Галанин и вовсе забыл о встрече. Причем он знал, анализируя судьбу, что если какая встреча была необходима, то встретится он с тем человеком обязательно. Пройдет время и встретится. Ну а Зарубин... А Зарубин вскоре покинул Прагу, и после небольшого тура по Германии - оказался у себя на родине, в Санкт-Петербурге.

Глава 2

Конечно, можно предположить, что Дмитрий Галанин как-то излишне нереально относился к происходящему. И потому, например, испытывал некоторые затруднения, которые могли касаться, скажем, его жизни, и появления в этой жизни каких-то знакомых.

Но уже с другой стороны о подобном говорить было все же, наверное, излишне. Причем, даже излишне настолько, насколько вообще могло бы выражаться проявление чего-то мало-мальски значимого для Галанина. А к тому же с некоторых пор он все-таки привык полагаться исключительно на себя. На свое видение - мира. Поэтому какое-то время затишье в его жизни перемешивалось с самой настоящей агрессией и жадной деятельностью. После чего все замолкало, и фактически начиналось сначала. Чтобы после - прекратиться.

Парадокс? Отнюдь. Происходящее вполне было в характере Галанина. Он еще с детства казался сверстникам каким-то отличным от них. Хотя и интуитивно старался от коллектива не отдаляться. Понимал, что быть изгоем значительно тяжелее, чем слушать скучные разговоры малоразвитых товарищей, играя в столь же пустые как и они - игры.

Со временем, впрочем, маленький Дима Галанин нащупал чуть ли не единственно правильное решение, своего рода модель поведения. И как только реализовал подобное, понял как тотчас же стало ему просто жить. Просто и спокойно. А еще, наверное, свободно. Ибо власть и свобода в какой-то мере (по крайней мере в данном контексте) уравнивались в значениях. А маленький Дима Галанин получил настоящую власть, возглавив разрозненные доселе стайки уличных мальчишек. Став у них что-то на вроде верховного жреца, или просто руководителя с неограниченными полномочиями.

С тех пор, конечно, прошло много времени. Но и даже сейчас Дмитрий Галанин невольно подводил (подстраивал) свою жизнь к тому времени, когда он был еще мальчишкой, по крупицам воссоздавая тот мир. То был самый прекрасный мир, и если бы он наступил сейчас, оказалось бы, что больше ничего Галанину и не нужно. Хватило бы. Более чем хватило бы его прошлого.

.....

Папа Дмитрия, Израиль Модестович Галанин был крупный конструктор, физик-ядерщик, работавший в системе закрытых НИИ, и руководивший рядом их. Уже потом Израиль Модестович получил предложение от которого невозможно было отказаться, и перешел в введение исключительного руководства, и сам уже если и касался культа, то делал это столь эпизодически, что можно было сказать, что и не делал вовсе. А раньше... Раньше все необходимые для работы инструменты: рейсфедер (калиберный, двойной, криволинейный), циркуль (волостной, круговой, пропорциональный, кронциркуль...), а также всевозможные другие предметы - угольники, рейшины, линейки, хомутики, пружины, лекала и проч., всегда пребывали на его рабочем месте. И самое это место он предпочитал держать в установленном порядке. И дети (маленький Дмитрий, и одно время росший вместе с ним двоюродный брат - сын сестры папы, Зары Изевны) знали,

что лишнего на рабочем месте отца трогать нельзя. И не трогали.

Мама Дмитрия не добилась каких-то особых результатов в карьере, после вообще став домохозяйкой. Да и папа, Израиль Модестович, любил, чтобы прежде всего его дом содержался в порядке. Поэтому не жалел на уют финансовых вложений. Тем более что было у них два дома. Один находился на краю города, второй - уже фактически за городом (или в черте, как иногда говорил папа, когда пребывал в каком-то особом состоянии духа).

В общем, жизнь с родителями необычайно много дала Дмитрию Галанину. При этом осознание подобного пришло уже позже. Тогда, в детстве, у мальчика еще не было возможности что-то в должной мере сопоставлять, сравнивая жизнь его - с жизнью других, с жизнью сверстников. А вот сейчас... Сейчас и немного раньше (уже видимо начиная с тридцатилетнего возраста) Галанин понял, что, по сути, у него есть к чему стремиться. Есть некие ориентиры, о существовании которых раньше он если и подозревал, то совсем не догадывался об их роли. Притом что теперь эта роль явно выделялась среди всего, чего касался его разум. И размышления о чем пускались в свой таинственный круговорот по его жизни. Сейчас, именно сейчас, в этом времени, пришло неожиданное осмысление происходящего. И ему казалось...

Впрочем, сейчас он уже не обращал внимание на то, что казалось. Просто потому, что казалось многое, а осуществлялось - несравненно меньше. Почти ничтожно. И получалось, что в голове его образовывалась настоящая путаница. Даже можно сказать хаос. Хотя и с этим хаосом он предпочитал бороться, а еще лучше - считал, что не нужно допускать развития его. Ну, то есть, по типу, лучше предупредить в начале, чем - позже - начинать бороться с последствиями.

При том что последствия иной раз могли начаться столь ужасные, что и вовсе создавалось впечатление чего-то непонятного, и даже можно сказать неразумного. Что,

впрочем, если и было, то очень не часто. И все, чего на самом деле добивался Дмитрий...

В общем, точные ориентиры он пока не наметил. Он просил у судьбы еще какого-то времени. Осмотреться, пристрелиться... Да и знал, что всегда сможет наверстать упущенное. Потому что верил, что в любой момент его судьба способна измениться. И вера такая была исключительно по причине того, что знал Галанин (верил и знал), что над всеми есть высший судия. И уже от него, в конце концов, все и зависит. А сам человек... Да он ничтожно мал и несовершенен, дабы решать что-то.

И к подобному пониманию дошел Галанин сам. И предпочитал о вере своей не распространяться. Понимая, что много жаждущих, да мало избранных.

Глава 3

Мария Васильевна Выготская понимала, что жизнь ее еще даже не начиналась.

И это несмотря на тридцать четыре года, которые она прожила, и которые считала безвозвратно потерянными. Потерянными в том плане, что все, что происходило до этого, было слишком печально, и может даже несерьезно, чтобы вообще об этом вспоминать. Хотя иной раз она вспоминала. Но такие воспоминания не приносили душе ее должного успокоения. А может и вовсе - были противоположны. Потому что чувствовала она необъяснимую тревогу. И хоть тревога ее должным образом скрывалась даже от самой Марии Васильевны (девушка работала преподавателем вуза, вела предмет - социология), тем не менее, явно все было не так просто. И почти однозначно, что требовало внесения срочных изменений. Изменений в ее жизнь. Жизнь мрачную, по сути. Жизнь, требующую изменений.

Но вот только какого рода должны были быть эти изменения - Мария не знала. Догадывалась о чем-то, конечно. Но не знала. Хотя и полагала, что все, что происходило с ней, необходимо менять. Срочно и без всяких

попыток к отступлению, и тем более к бегству. Ни от кого (тем более от себя) бежать она не собиралась. Не хотела. Не желала. Предпочитая...

Не знала она что предпочитает. Чего-то хотела - не понимала чего. К чему-то стремилась - не знала к чему. И потому все чаще можно было заметить на лице Марии (красивом лице, между прочим, с правильными чертами, большими глазами, пухлыми, словно напичканными силиконом губами, отсутствием морщин, да и вообще всех признаков старения) этакое легкое недоумение. После чего она полагала, что жизнь ее обязательно должна идти в ином свете, чем была доселе. И что уж точно, ни в коем случае не опускаться до какой-либо посредственной обыденности. Стремиться к лучшему, в общем.

.....

К Зарубину вновь подступило желание немедленно оказаться в том НИИ, в котором он был когда-то. По сути, можно было сказать, что никакое НИИ Зарубину было не нужно. Работа его в последнее время была связана больше с коммерцией, нежели чем с наукой. И хоть он полагал, что использует последнее для лучших результатов в первом, это, должно быть, было не совсем так. Хотя бы потому, что Виктор Иванович предпочитал в достижении своей одной какой-нибудь цели - идти по одному пути; и путь другой - не примешивать.

Почему? Ну, скажем, считал он, что так будет правильно. Что незачем ему излишне наслаивать впечатления от одного - на другое; разбавляя те, да и вообще, превращая уже в нечто странное, непонятное, и может даже нелепое. Загадочное, в общем.

.....

Зарубин встретился с Марией, и влюбился в нее.

Мария, впрочем, взаимность не проявила. И хотя они переспали в первый же день знакомства, дала понять, что

никаких обязательств у нее перед Зарубиным нет. Да и вообще, мол, она женщина свободная, и скорее всего пока не определилась, кого ей в жизни любить.

Услышав подобное, Виктор Иванович хотел, было, послать Марию куда подальше, да вовремя одумался, и предложил дружбу.

Дружбу Мария с негодованием отвергла. С теми мужчинами, с которыми она переспала, она не дружила. Они могли быть ее любовниками (таких набиралось несколько), или на крайний случай просто знакомыми. Добрыми знакомыми, с которыми она уже не вступала в сексуальный контакт, но при случае могла сделать им приятное. Если на нее вдруг накатыт такая блажь.

Иной раз блажь накатывала. Но вот с недавних пор Мария решила изменить свою жизнь. Упорядочить, так сказать. И потому ее мужчины теперь четко разделялись на тех, с кем она спала, с кем общалась, и с кем дружила. Причем дружба и общение тоже разделялись. Дружба предусматривала вообще нечто большее. Что - Мария до конца пока не решила. Но уже практически однозначно, что это должно быть нечто оригинальное, и даже может быть интересное. И что уж точно - совсем-совсем необычное. Может быть даже такое, чего в ее жизни еще не было.

Не было раннее. Теперь же Мария была готова к любым изменениям. И можно сказать не боялась их, идя на встречу тому интересному и любопытному, что ее ожидало.

Глава 4

Можно было конечно сказать, что жизнь Василия была загадочна.

Василий - друг Дмитрия, и его верный поклонник. Поклонник таланта, если учесть, что у всякого человека бывают таланты, а у Дмитрия, можно было допустить, таланты были тоже. Не такие великие, как говорится, и на первый взгляд может быть вообще не заметные, но факт, что они были. Были хотя бы потому, что с ним рядом - теперь чуть ли не безвылазно - находился Василий.

Маленького роста, средней комплекции, Василий казался заметно младше своих тридцати трех лет. И казалось, что ему всегда было двадцать.

Занимался Василий науками. Среди наук предпочитал химию и биологию. Время проводил или в лаборатории (делая какие-то опыты, или просто, сидя за партой и читая), или же в прогулках по городу. Прогуливаясь - он размышлял. Размышляя, он все чаще представлял рядом с собой Дмитрия Галанина. Они когда-то жили в одном дворе. Потом свиделись почти внезапно, и почувствовал Василий какую-то тягу к своему бывшему товарищу. А тот - не противился возобновлению контакта. Видимо в душе будучи вполне готовым к общению, ну или же просто пока не сделал соответствующих выводов, как и что.

То есть можно было сказать, что ему нравилось такое общение,-- а можно предположить, что оно ему было безразлично. Но уже так получалось, что пока он, словно бы независимым от себя образом, с Василием общался. Ну а как должно было быть дальше - обещал подумать. Явно понимая, что пока у него нет причин не дружить с Василием. А Василий...

А Василию Панкееву не то что бы понравилось отношение к нему Галанина... Тут, видимо, следовало рассматривать значительно шире. Потому как Панкеев вдруг вообще понял, что не может без Галанина. Подпитывался он энергией его. Его силой. Будучи преисполненным решимости выкачать все, что возможно со своего старинного приятеля.

Он и раньше так делал. Интуитивно находил того, кто был лучше него, и впитывал все лучшие качества товарища. Понимая, что ничего не может быть лучше, чем помощь друга. Пусть и принятая таким способом. Да и чем,-- рассуждал Панкеев в минуты находивших на него откровений,-- хуже способ, применяемый им? Соглашаясь с собой, что ничем он не хуже. А то может даже скорее и лучше, чем было доселе. Ну а вообще, Василий Панкеев давно уже подозревал, что в его жизни совсем не это было главным. Главное, по его мнению, вообще скрывалось иной

раз столь глубоко в его сознании, что добраться до него обычными методами было трудно, да и может даже нереально. Тогда как намного интересней было бы словно случайно отыскать, увидеть среди многого прочего - именно то, что было необходимо ему. И уже исходить как бы от этого. Чтобы найти нечто, что понадобилось бы ему в будущем. И даже может быть - как-то это будущее приблизить.

.....

Галанин знал о странностях Василия Панкеева. Но Дмитрий Израилевич также понимал, что должен по возможности оказывать помощь друзьям-товарищам. Если, например, чувствовал он, что чем-то мог помочь им - должен, обязан был помогать. И иного тут было не дано. Хотя бы еще и потому, что практически любая помощь при определенных раскладах помогает и самому помогающему. Только не надо намеренно ожидать этого. Потому как относится это к серии того в нашей жизни, что происходит без какой-либо воли да участия человека. И можно даже сказать, что происходит большей частью весьма произвольно. Так, что сам такой человек как будто бы и не думает ни о чем. А потом раз - и все разом случается. А он уже ощущает нечто позитивное и вообще даже доброе, что только может быть.

Так конечно случается. Но если предположить что сам Галанин мог признаться, что многого в этой жизни не понимал, то мы могли бы посчитать его великим чудаком да провидцем. Потому как он давно уже заметил (иной раз, до сих пор боясь себе в этом признаться), что случалось, происходило в его жизни как раз то, о чем вообще он бы иной раз и не подумал, что подобное может случиться да произойти. А вот на тебе, как будто бы случайно сбывалось это. И о чем когда-то он только подумал, пожелал, даже может просто мысль о том промелькнула в его голове, являлось наяву.

А еще оказалось, что будто бы навсегда забыта какая мысль, а тут раз - и выплывает она из подсознания каким-

нибудь чудодейственным образом. И оказывается даже очень важной для него, для его, даже может быть, дальнейшей жизни.

И что уж точно, совсем непонятно как что-то будет (должно быть) дальше. И даже кажется, что если бы не случилось чего-то подобного, то и вообще бы тяжело было ему, Дмитрию Галанину, без этого. И не знал бы он, как и что должен был делать, чтобы как-то разрешить назревшую проблему. А тут раз, и словно бы даже уже и проблемы нет никакой. А все стало понятно, и на душу - свободно.

И понимал он при этом, что состояние легкости души, быть может, самое дорогое и желанное, к чему он только вообще мог когда-то стремиться. Потому как было это совсем иное чувство. Не испытывал он подобного ранее. Ничего вообще ранее не было похожего на то, что было сейчас. И от того ощущал Галанин какую-то удивительную силу, расхлывшуюся по телу. Словно бы он - был даже и не он. Словно переполняла его какая неземная энергия. И чувствовал он этого какую-то даже *избранность*.

Вообще удивительно, но Галанин вспомнил сейчас, что раньше он тоже каким-то незадачливым образом подходил к чему-то подобному. Но, приближаясь, в последний момент сворачивало его восприятие жизни куда-то в сторону. И казалось что вроде как и рядом все было, близко оставалось до цели, а вот на тебе, и уходил он в сторону. И уже какое-то время даже не приближался он к этой цели, а словно бы и наоборот - отдаляясь от нее. Загадка,--задумчиво произнес Галанин. Но и при этом был спокоен он, что ничего такого уж страшного в его жизни не случится, не произойдет. Да и вообще, он мог быть спокоен за будущее. Виделось оно ему даже иной раз очень светлым и замечательным. И казалось, что ничего такого уж не понятного действительно не случится.

.....
..

Несмотря на видимость понимания жизни, Василий Панкеев как-то всегда был уверен, что все это действительно только видимость. И выходило так, что, понимая это в очередной раз, он как-то удивительно расстраивался, когда происходило подобное *понимание*.

Но ведь при этом и изменить что-то он не мог. Оказывался, можно сказать, неспособен. Неспособен всякий раз противостоять чему-то, что давно уже угадывал в себе. И при этом - всячески настраивал себя, что это все лишь временно. Что на самом деле он другой. Что жизнь идет совсем по иному кругу, чем, быть может, у большинства из тех, кого он знал. И зная это - Василий даже как-то по особенному сочувствовал и себе и им. Находя, что жизнь на самом деле может быть совсем даже иной. И что уж точно - совсем не такой, как была у него.

Но вот "иную" жизнь он до конца и не улавливал. И даже путался иной раз, не зная, что же должен на самом деле сделать такого, чтобы повернулось время вспять. Ведь вполне могло получиться так, что совсем и не обязательно поворачивать вспять. Что все могло быть по-другому. И надо было наверное только узнать, что из себя представляло это другое. А он пока не знал.

Глава 5

Мария Выготская обманула уже немало мужчин.

Можно было даже сказать, что мужчины Марии (были, были таковые, считавшиеся ее мужчинами) беззаветно верили этой женщине. А она крутила ими, юлила и обманывала.

И считала она, что ей верили.

А ей не верили.

Каким-то образом почти разом ко всем мужчинам Марии пришло прозрение в ее лживой сущности. И даже вышло так, что сказали они ей о том сразу. А она, посетовав какое-то время, решила завести себе других мужчин. Искусственно забыв старых, да и вообще - списав отношения с ними на нечто, чего не может, не должно было быть.

Но как бы не так. Нашлись те (Зарубин, например), кто попросту не дали ей этого сделать. И с тех пор попала Мария в капкан собственной алчности. А они ругали ее (про себя и в присутствии ее) да и вообще, решили, что могут теперь, в качестве наказания, пользоваться ее телом когда им - а ней, как раньше - этого захочется.

И Мария терпела, ощущая в себе мужские органы страсти. А они насильовали ее, вымещая страдания, которые испытала их душа от этой женщины.

И нельзя было сказать, правильно это было или не правильно. Но что уж точно - подобное было справедливо. Потому как невозможно все время обманывать. Можно и запутаться. А запутавшись однажды - необходимо было искупать свою вину. Потому как,-- считал Зарубин, инициатор подобного,-- за все надо платить. И если надумал человек обмануть другого, то обязан был знать он, что возвратится все через время к нему. И никак иначе.

.....

Могло показаться удивительным, но, проживая жизнь, Мария отчего-то верила, что к ней благоволит судьба. Подобное можно было и вовсе посчитать странностью, но девушка действительно считала так. А значит мы как минимум обязаны были считаться с подобными ее взглядами на жизнь. Тем более что жизнь была действительно ее.

Кроме того Мария пока не могла признаться, но внутри нее жила страшная сила, именуемая любовью. Вкратце суть подобного могла заключаться в том, что девушка чувствовала непреодолимую тягу к мужчинам. Пусть это было и временно,--оправдывала она себя,--но в то же время могла заметить, что время-то как раз проходило, но ничего не изменялось. И даже, иной раз, ей начинало казаться, что с каждым прожитым годом все только начиналось. От чего, видимо, Марии становилось грустно, и как-то по-особенному обидно. Да и что, в конце концов, она могла сказать. Ведь выходило так, что она и сама не отдавала отчет, отчего влечет ее к тому или иному представителю мужского пола.

С женщинами она как-то научилась совладать с собой. Многих женщин Мария оценивала с позиции конкуренции. И что уж точно, они совсем не вызывали в ее душе тех впечатлений, которые рождало общение с мужчинами. А вот мужское общество было иное. В нем как-то по особенному девушка ощущала себя. И можно было сказать, что та роль, те правила, которые исходили из необходимости следования определенным стандартам-стереотипам, тут как бы особенным образом и не приветствовались, и им вполне не уделялось того внимания, какое наверняка затрачивалось бы, если девушка ощущала какую-то внутреннюю свободу да раскованность. И она иной раз ощущала эту раскованность. Но это как бы было уже совсем несерьезно. И что уж точно, все казалось совсем не так, как то должно было бы быть. При том что Марии, как и любой женщине, и любому человеку, хотелось свободы. Хотелось вообще многого. И чувствовала она определенную скованность, понимая, что как раз это многое было под запретом. Было не так, как хотелось бы, как ей казалось - было у других людей.

И уже выходило иной раз, что ей совсем и не надо было дальше так жить, мучиться, быть может даже страдать. Ведь что такое страдания? В большинстве случаев люди сами выдумывают их. Просто в какой-то момент все вдруг начинает идти не по тому пути, по которому шло доселе (ну или идти было должно). Словно что-то неожиданное пересекает запланированную дорогу. Начинается некий хаос, приводящий в итоге к пути в никуда.

И была тогда еще какая-то надежда, потому что задумывалась Мария, что можно сделать такого, чтобы все еще стало не так, по другому, чтобы стало лучше чем было.

Но уже по тому что ничего не получалось у нее, понимала она, что, видимо, еще слишком рано о чем-то говорить ином. И пока, как минимум пока - говорили она себе - необходимо было принимать жизнь такой, какая эта жизнь была. Ни больше, ни меньше.

.....

Зарубин каким-то образом догадался о подобных размышлениях Марии. И сразу словно что-то изменилось в его душе. Это раньше он был груб и бессердечен. Но теперь вдруг понял, что вся грубость ни что иное как маска, за которой скрывался он от всего мучившего его. И прежде всего от боязни самой жизни. Так же как девушка Мария существовала с маской порочности. Когда такой - не была. А в мужчинах искала защиты, бессознательно отыскивая проекцию этой самой защиты от их силы. Силы природной. Силы физической и духовной.

Виктор Иванович даже мог признаться, что по иному, благодаря Марии, взглянул на мир. И мир этот больше не представлял для него цепочку каких-то недоразумений. Ведь это раньше все было запутанно и несерьезно. Теперь все грозило быть совсем иначе. По другому. И что уж точно - заметно лучше, чем было доселе. Когда словно всепроникающий туман окутывал его сознание; подчиняя бегу в никуда. Отчего задыхался Зарубин, и неестественным образом болел, страдая и отчаиваясь от всего происходящего. Теперь все было не так, иначе, по-другому. Он мог сказать что по-другому. Он мог сказать, что многое могло бы и раньше получиться у него не так, если бы он только вовремя почувствовал приближение этого непонятного чувства, от которого совсем не мог никуда ни спрятаться, ни скрыться. Но ведь и вынужденно терпел он, зная, что все равно все в итоге изменится; и изменится в положительную сторону. А в иное он не верил.

.....

.....

Дмитрий Галанин знал о взаимоотношениях Марии и Зарубина. Более того, он даже предостерегал Виктора Ивановича, чтобы тот не верил женщинам вообще, и Марии в частности. Но сейчас оказалось, что если и предостерегал, то как-то так... Неохотно, и по всему - непродуктивно. Тогда как все могло повернуться иначе. Хотя и всегда что-то может

идти совсем иначе. Разве что получается, что люди часто ошибаются. Словно бы будучи уверенны, что как раз с ними многого не произойдет. Тогда как практика как раз показывает, что рано или поздно происходит со всеми. Разве что только не бывает каких-то провалов с теми, кто изначально относится к делу иначе. Считая, что все в мире может идти, руководствуясь каким угодно порядком, но вот только по отношению к ним все будет в минус - если пустить на самотек. А они, значит, и не пускают на самотек. Стремясь все вокруг себя как минимум упорядочить. Да и вообще сделать так, чтобы чего-то такого уж отрицательного не было. И хотя чтоб было только положительно - поверить было сложно, тем не менее всегда хочется верить в свое могущество. Другой вопрос, что кто-то реально подкрепляет это могущество какими-то делами-действиями, а кто-то полагается на нечто и вовсе неосуществимо-нереальное. И от того зачастую потом страдает; запутываясь в самых простейших ситуациях. И с удивлением находя выход из ситуаций посложнее. Что, в конечном итоге, только вводит его в какое-то заблуждение. А через время становится ясно, что и вовсе ничего не ясно. Но такое бывает.

.....

В то же время сама Мария мучилась вполне серьезным вопросом. Как-то так вышло, что она не могла в последнее время никого обмануть. И даже если предположить, как уверяла девушка себя, что она вообще никогда никого не обманывала, видимо кому-то свыше было известно немного больше. И потому девушка сейчас стояла перед дилеммой: как-то изменять жизнь, подстраиваясь под новые условия, или же - перебарывать сложившуюся ситуацию, и жить, как жила раньше.

Но в том-то и дело, что она действительно уже не могла врать и обманывать. А смирившись с этой истинной, неожиданно поняла, что судьба в очередной раз сделала ей подарок. Ибо оказалось, что новая жизнь ее обещала быть намного интересней, чем все это было доселе. Притом что

то, что будет в перспективе - должно быть намного интересней и вообще всего, чего она только могла вообразить. Ведь получалось, что Мария совсем и не жила раньше. Больше тридцати лет она приспособливалась к существованию, не зная, что жизнь на самом деле любит не таких как она. Других. Конечно же, других. Честных и открытых. А всякую излишнюю предприимчивость, совесть отодвигает на второй план. Считая, что это нечто не нужное, и даже может быть вредное (зловредное). Тогда как по всему выходило, что судьба на самом деле действительно знает, как и что должно быть. Помогая каждому человеку какими-то чудодейственными намеками. И другой вопрос - как этот человек сумеет этими намеками распорядиться. Ведь чаще люди ошибаются, подменяя истину - ложью. И только когда они уже окончательно запутываются в происходящем, оказывается, что надо срочно останавливаться, и делая шаг назад - готовиться к разбегу в другом направлении. После чего какое-то время должно быть все правильно, или, если можно так сказать - безошибочно. Угадывая именно ту истину, которая в итоге и приведет к удаче.

Но Мария была не такая. Пусть и не так давно, но в девушке что-то изменилось. И теперь она была преисполнена решимости добиться многого из того, что упустила когда-то. Ведь так получалось, что природа как бы давала ей еще один шанс. И по этому шансу должна была Мария Васильевна в какой-то мере даже искупить свою вину. Сделать так, чтобы не только все в ее жизни стало по-другому, но изменилось и в жизни тех людей, которые когда-то были рядом с ней. И потому - словно бы первым шагом на пути подобного исправления - она предложила себя в качестве законной жены Виктору Ивановичу Зарубину.

Зарубин от такой перспективы обомлел, обалдел, и, почувствовав, что почва закачалась под ним, присел прямо на асфальт, крепко задумавшись обо всем на свете. Мария опешила от подобного подарка судьбы, и еще даже серьезно не представив что было бы, если бы Зарубин действительно стал ее мужем - пустилась наутек. Точнее, она сама не ожидала от себя подобного, но ноги ее уносили. И девушке совсем не хотелось ни оглядываться, ни тем более

возвращаться. Словно повторения какого кошмара, вспоминала она свои недавние слова, и ей становилось как-то необычайно грустно за себя. Ведь она никогда такой раньше не была. И справедливо почувствовав вмешательство каких-то сверхъестественных сил, дала себе зарок - не принимать до срока каких-либо судьбоносных решений. Словно бы опасаясь натворить в это время чего-то такого, от чего в будущем еще долго придется ей расхлебываться собственной плотью и кровью за совершенное. И потому получалось, что Мария чуть-чуть не совершила очень важную в своей жизни ошибку. Ведь она еще никогда не выходила замуж. Словно бы бессознательно ожидая такого мужчину, за которого не выйти было бы невозможно. А тут чуть не оказалось, что она бы вышла вообще за первого встречного. Ведь при всем их долгом общении с Зарубиным (подобное общение простиралось на годы; они даже не раз вступали в сексуальную связь, не получая, впрочем, от этого какого-то особого удовольствия) оказывалось так, что он для Марии был совершенно чужим человеком. Причем, если учесть, что в сексуальную связь она вступала со многими мужчинами - это вообще еще не было никаким не показателем. Что бы она об этом раньше не думала. Сейчас она поняла - что ей всегда не хватало в мужчинах чего-то другого. До сих пор она еще не могла сказать, чего же, но теперь, после своего невольного признания Зарубину в любви, поняла, что до конца еще и не знает, чего же ей не хватает. Как будто в ее представлении это должно быть некое качество, которое совсем бы отличало одного мужчину от другого; и в то же время чувствовалось бы в этом мужчине что-то близкое и родное. Отчего не могла бы она с ним расстаться. А если бы рассталась - непременно захотелось бы оказаться рядом. И даже просто находиться. Пребывать. И больше не думала бы она тогда ни о чем. А просто наслаждалась таким моментом жизни. Да и саму жизнь (что не делала уже давно) признала бы счастливой и удавшейся.

Более-менее удавшейся. Ведь понимала Мария, что подобная удача простиралась лишь в плоскости отношений между ней и ее ссуженным. А если разлюбит он - то будет

тогда в ее душе великая скорбь от подобной потери. И быть может раньше (да и до сих пор) она и боялась открыться во всем мужчине, потому как боялась за себя когда разлюбит он ее. Притом что разлюбить ее он может уже просто удовлетворив свою страсть, воспользовавшись ее телом. И даже не то, чтобы она как-то берегла свою девичью честь; практика показывала, что Мария как раз довольно часто бросала свое тело на алтарь любви. Словно бы и думая о том, что когда-нибудь это принесет свои результаты. И она станет самой счастливой женщиной на свете. Хотя бы в масштабах самой себя.

Не тут-то было. Над ее телом надругались, а ее бросали и обманывали. Вернее - пока она сама всегда оставляла за собой право выбора. И без жалости оставляла мужчин, словно бы зная, что через время все равно они оставят ее. А так, получалось, вроде как инициатор всего она.

Но вот теперь-то как раз и задумалась Мария, что может выходило так, что она-то как раз и совершала ошибку. Что среди ее многочисленных мужчин (а их действительно было много) как минимум мог быть один, который любил ее искренне; и быть может даже влюбившись навсегда - мог пожертвовать ради нее своей жизнью.

Ей не очень, конечно, хотелось, чтобы кто-то жертвовал ради нее своей жизнью. Но мысль об этом тешило самолюбие девушки. Да и вообще, ей как-то по-особенному хорошо становилось на душе, когда она думала о чем-то подобном. Видимо будоражил ее воображение какой архетип рыцарства, дам сердца, и средневековой любви. Когда ради своих возлюбленных устраивались турниры. И когда женщину возвеличивали, поднимая на высоты, к которым теперь, в новом мире, никто никого уже не поднимет. Ну, разве что когда появятся исключения.

И Мария уже хотела, чтобы как раз в ее жизни были такие исключения. Она хотела, чтобы ее жизнь, чуть ли не с этого часа, часа осознания подобного, изменилась, подняв ее на необычайную высоту, и придав всем своим существом совсем иное значение всему, что ее окружало. Ведь это раньше она не придавала значение тому, что ее окружало. Сейчас... Сейчас все обещало быть совсем по иному. И самое

главное, что она знала - что заслуживает этих изменений. И верила - что они в ее жизни наступают. А значит,-- все будет хорошо...

Глава 6

Дмитрий Галанин верил, что жизнь должна быть иной.

Правда, он и раньше находил эту веру немного странной. И даже готов был признаться, что запутывался во всем.

И при этом допускал, что что-то на самом деле может быть не так. Что на самом деле все еще только начинается. А как будет - не знает никто, кроме того, кто стоит над всеми нами.

.....

Он все чаще понимал, что его жизнь скорей непредсказуема, чем можно было ожидать в ней какой-то упорядоченности. Как бы обстояло дело так, что то, что выходило с ним, было иной раз то удручающе печально, то наоборот, достаточно светло и естественно. Ситуация кроме того несколько омрачалась тем, что Дмитрий никак не мог что-либо подобное просчитать. Выходило, что он иной раз и серьезно ошибался, предусматривая тот или иной поворот сюжетной линии своей жизни. А на деле оказывалось совсем иное. После чего он начинал было серьезно задумываться о жизни, пока не понимал, что этого на самом деле делать не нужно. Потому что независимо от нашего отношения к реальности, все равно произойдет нечто, непредугаданное нами. Почти совсем независимо от нашего отношения к процессу. То есть можно и горевать-раскаиваться, анализируя ситуацию и подходя в разрешении ее с разных сторон, а можно пустить на самотек. Своим участием мы все равно не сможем ничего изменить. Разве что отдалить или приблизить какой жизненный момент. Так еще совсем не известно, что было бы лучше - естественный ход процесса, или же наше вмешательство в него.

.....

Происходило так, что Галанин почувствовал некую нереальность своего недавнего желания изменить жизнь. Жизнь в какой-то мере еще можно было изменить свою (а уже через это изменение взглянуть на жизнь окружающую, заметив там тоже изменения). А можно было - как он, было, задумал - попытаться сразу изменить жизнь вокруг. И уже посредством этих изменений как-то придти к изменению и собственной жизни.

Сейчас он подумал, что такой путь мог быть ошибочен. Ничего не может быть ошутимее для человека, чем его собственные изменения. Быть может и парадокс состоял в том, что мир вокруг оставался неизменным всегда (что-то разом изменить в масштабах планеты трудно). Просто в какой-то временной период изменялось видение отдельного индивида относительно себя, и проецировалось уже такое видение на все, что было вокруг. А человек ошибочно полагал, что все также изменяется.

Не изменяется. Сейчас Галанин мог сказать, что ничего не изменяется. И, допуская что его новая жизненная теория может быть несколько ошибочной, он, тем не менее, был преисполнен решимости стоять на ней до конца. По крайней мере, пока сам не поймет, что такую теорию необходимо подвергнуть немедленной корректировке.

Все, что произошло после подобного осмысления реальности, Дмитрий первое время наблюдал как во сне. Прежде всего ему стало как-то грустно, что до многого мы доходим своим сознанием не тогда, когда хотелось бы. После этого Галанин начал было думать еще о чем-то, но мысли таинственным образом возвращали его к вопросу, над разрешением которого он оставил себя уже давно, не в силах тогда ни приблизиться к этому вопросу, ни отдалиться от него. Суть проблемы -- восстановление СССР. По великой державе Дмитрий скучал, но сейчас, находясь за границей, он как-то не верил, что в силах изменить ход истории. Он даже мог признать, что он слишком слаб, чтобы оказаться способным войти в историю под именем освободителя народов мира. Не мог. И прежде всего понял Галанин, что не хватало ему теоретической базы.

Он вдруг как-то разом почувствовал тоску и печаль. Что было говорить, если и труды Ленина, Маркса и Энгельса он читал только в рамках институтской программы. А в институте (по его специальности) этому уделялось не так много времени. Специальность его словно предполагала, что работать по ней можно и без знаний работ основоположников марксизма-ленинизма. При этом только недавно Галанин стал читать Сталина. Труды Иосифа Виссарионовича захватывали Галанина. В них, именно в них стал находить он необходимую силу, черпал мудрость и знания. Попутно Галанин стал изучать Ленина и Маркса-Энгельса, а также Плеханова, Мартова, Троцкого, Бухарина, и вскоре читал вообще все, что попадется из трудов политических деятелей тех лет. Ему хотелось понять, как они смогли совершить октябрьский переворот (Галанин узнал что до последнего большевики называли события октября переворотом, и только позже стали именовать революцией).

Вскоре у Галанина уже сформировалась определенное видение ситуации тех лет. Список необходимой литературы он теперь значительно расширил, присовокупив к тому ученых нашего времени. Прежде всего он остановился на работах Александра Зиновьева и Сергея Георгиевича Кара-Мурзы. Вот уж где была действительно сила. И если к Зиновьеву у Галанина поначалу было двоякое чувство (все-таки поначалу диссидент, а позже человек, осознавший свои заблуждения, и увидевший, по меткому замечанию Кара-Мурза, что целился в коммунизм, а стрелял в Россию), то уж самого Кара-Мурза Галанин полюбил сразу и бесповоротно. Именно Сергей Георгиевич открыл ему глаза на все происходящее с его странной за последнюю сотню лет ее существования. Сейчас, именно сейчас Галанин вдруг разом понял все, и вся имеющаяся информация в его голове сошла там удивительным образом. Явив собой пример удивительного счастья для него. И счастье прежде всего заключалось в осознании происходящего. Кара-Мурза научил его правильно расставлять акценты этой действительности, своего прошлого и недавнего настоящего.

И Галанин, осознав все как-то сразу, понял - что не надо ему участвовать в авантюрах по восстановлению режима власти. Что это пытались делать другие, и еще наверняка будут пытаться, но тут изменения должны быть иного рода, и начинаться именно с изменением в сознании масс. Посредством тех же средств массовой информации необходимо было в течении как минимум какого-то времени подготавливать народ. Ведь сознание того, в результате реформ, оказалось в должной мере расщепленным, и неспособным уловить суть да истину. Да и многое уже стало не так. И Галанин понял, что потворствованием своему желанию во что бы то ни стало совершить неосуществимое, он, быть может, обрекает себя на гибель. Ведь уже точно было, что необходимо - и он понимал это - действовать ему по-другому. Сейчас так вообще, быть может, жить, смирившись с тем что было вокруг, и подстраиваясь под существующий строй и режим.

Но уже не мог Галанин делать так, как наверняка сделал бы раньше. Он снова возвратился в Россию. Поселился сначала в номере гостиницы "Прибалтийская", а позже снял квартиру на Мойке, сразу оказавшись жителем исторического центра Петербурга.

Дни Галанин теперь проводил в библиотеках или в Университете. Он поступил на вечернее отделение Университета, решив освоить должным образом философию и социологию.

Глава 7

Василию Панкееву жизнь почему-то временами казалась не совсем такой, какой он хотел ее видеть. И даже не то, что представляла эта жизнь для него в каком-то диком свете. Свет был, но он совсем не раздражал его. Но вот хотел Василий, чтобы перед ним открылась истина. И истина эта была такая своеобразная, что иной раз он ловил себя на мысли, что не очень-то и жаждет, чтобы все было так. А с другой стороны - все, чего он хотел - свободы. Той внутренней свободы, когда ему не надо будет оглядываться на окружающих. А он будет

жить столь прекрасно, как, быть может, еще никогда не жил. А если и жил, то уж точно - не в этой жизни.

Но ведь он хотел пожить как раз в этой жизни! Вот в чем вопрос-то... И Василий с каждым прожитым днем был преисполнен решимости добиться в этой жизни всего, к чему так долго шел, чего достигнуть хотел, да и вообще - к чему так долго стремился. Оставалось дело как будто за малым: расставить правильные ориентиры - и вперед. Позади него не должно было оставаться ничего лишнего. Все, чем он жил, требовалось кардинальным образом пересмотреть. И в итоге все должно было получиться более замечательно, чем он даже предполагал. Иначе быть не могло,--решил для себя Василий, и задумался, на кого бы он мог в этой жизни положиться.

Сейчас ему был нужен даже не помощник, а скорее - учитель. Тот учитель, который мог привести его к долгожданной победе. Вывести к тем результатам, к которым он стремился; чтобы - попутно - преодолеть те трудности, которые возникали на его пути; которых он ранее опасался. Но ведь то было ранее. Он знал, что теперь должно быть все иначе.

.....
.

Прежде всего Василий решил начать с изменения своего имени. Оно давно уже ему не нравилось. По его духу его следовало назвать каким-нибудь более богатым именем типа Станислав или Роберт. Василий решил остановиться на Георгии. Георгий или Жора (как его могли называть друзья) было именно то, что ему большей частью сейчас было нужно.

--Теперь я не Василий а Георгий,--решил Панкеев. Фамилия его устраивала. Он ее оставлял. А вот именем теперь назывался другим. И хотя это предполагало определенные трудности ("общество будет немного не готово к подобному",--подумал Панкеев), тем не менее он готов был идти достаточно далеко в собственных

преобразованиях себя. А потому решил никоим образом не обращать внимание на общество.

--Какое-то там общество,--сказал сам себе Панкеев, и ему сразу стало как-то легко и свободно. Он словно бы разом освободился от того, что ему мешало. Теперь он должен стать другим человеком. И ничто, совсем ничто не должно было мешать ему.

.....

Конечно, Георгий Панкеев понимал, что одним изменением имени результата не добиться. Но ведь он и не рассматривал только изменение имени. У него имелись еще заготовки. Ну, например, Панкеев прежде всего верил, что все изменится к лучшему. Но ведь одна вера, не подкрепленная делами, еще почти и ничего не значит. Поэтому Панкеев в скором времени решил, что действительно должен неким таинственным образом измениться и сам. И пусть пока он опасался произносить в своих мыслях характер подобных изменений, тем не менее он верил, что почти все в его жизни действительно изменится. И веру все-таки он рассматривал как нечто важное и первостепенное. Понимая, что в человеке важен в первую очередь дух. Именно он формирует отношение к действительности. А уже вслед за ним - должны подогнаться и дела. Которые, в свою очередь, должны привести к соответствующему результату.

Но вот видимо не все было так просто. И прежде всего Георгий Панкеев серьезно задумался о том, что не все в его жизни до сих пор было гладко. И при этом он явно стремился не допускать ошибок. Словно бы внимательнейшим образом ощупывая пространство вокруг. И решая, каким же все-таки образом ему придти к цели. К цели, где больше не будет возникать каких-то серьезных трудностей. А сам вопрос-загадка (возможный вопрос и возможная загадка) будет уже, таким образом, убран из сферы его мыслей. Потому как ведь не очень хотелось ему думать о чем-то лишний раз, тем более если это то, отчего они всяческим образом стремился всегда избавиться.

.....

....

Дело заключалось в том, что Георгий все еще блуждал по жизни. Он вроде как и угадывал нечто, что нравилось ему, но распознавание подобного оставлял на потом. А когда наступало это потом - не приближался к его разрешению; считая, что просто неким таинственным образом должен поступать совсем иначе. А как иначе - не знал. Даже может быть не понимал. Хотя и признаться в том опасался.

Он вообще опасался признаваться во многом. Так уж вышло, что Панкеев держался единожды выбранной для себя схемы жизни. И никак не хотелось ему нарушать ее. Словно бы вообще, что-то могло при этом самым таинственным образом измениться.

Не изменялось. Чаще всего не изменялось, оставаясь одинаковым и безупречным.

И должно быть именно это, своеобразным образом, удручало Панкеева. Не думал он на самом деле, что будет так все путано и туманно. Ведь если разобраться, он всегда стремился к какой-то истине. А оказывалось, что именно эта истина уводила его в сторону, запутывая. А потому и не знал он, где на самом деле тот выход, который ему так был необходим.

Глава 8

Дмитрий Галанин всегда стремился к справедливости. Но вот какого рода могла быть эта справедливость? Что на самом деле таилось за ней, за осознанием этой правды. Ведь понимал Галанин так, что справедливость -- это и есть правда. И ставил между ними не только знак равенства, но и вообще, рассуждал он, это одно и то же.

И рассуждая так - этого же и опасался. Словно бы не могло быть как-то иначе. Словно получалось, что Галанин всяческим образом собирался добиться этой правды, а она сама - уводила его в сторону. Запутывала, получается. А,

запутавшись - он совсем не хотел повторения собственных ошибок. Решая впредь вообще не допускать их. И стремился, по сути, только к прекрасному.

.....

Получилось так, что, возвратившись на Родину, Галанин был вынужден вновь уехать. Марк Дожавью приехал сам за ним в Петербург. И уговорил погостить у него на Кубе.

Дмитрий, было, пошутил, что Кубе строила коммунизм и частных владений там не было, но Дожавью на удивление болезненно воспринял его слова, и Галанин решил больше не поднимать эту тему; рассудив, что пока он не имеет достаточно фактов, чтобы судить о чем-то, а потому разумнее держать свои мысли при себе.

В итоге Галанин оказался на Кубе.

Справедливости ради было сказать, что существовало несколько стран, в которые Галанин как-то искренне стремился. И среди этих стран (там была еще Чехия, с городом Прага, Австрия, Франция, Германия и почему-то Шотландия) была и Куба.

Впрочем, на Кубе Дмитрий долго не задержался. Вскоре он переехал в Америку, где, как оказалось, у мистера Дожавью тоже было имение. Причем значительно большее по размерам, что, видимо, объяснялось,-- как рассудил Галанин,-- большей стабильностью страны. Хотя и позже он понял, что ошибался. Дожавью был миллионер. И как у любого миллионера были у него некие странности, в которые Галанин предпочел не вдаваться. Все равно все было слишком путано, чтобы он мог что-то разрешить в своих представлениях об этом человеке.

К концу недели, когда Галанин уже начал задаваться справедливым вопросом что он здесь делает, Дожавью познакомил его с мистером Саксом (американцем африканского происхождения), и красивой девушкой по имени Сара. Сара Бернар в прошлом году приехала из

Голландии. Но Дмитрий почему-то решил, что жить она хотела не в Америке, а в Израиле.

Он ошибался. Сара Бернар всю жизнь мечтала жить именно в Соединенных Штатах. И год назад мистер Дожавью предоставил ей такую возможность, оплачивая ее нахождение в цитадели демократии.

Впрочем, зная Дожавью, Галанин уже начал томиться, что приготовил этот миллионер для него. Ведь Дмитрию было известно, что просто так тот ничего не делал. А значит...

Не знал он пока, что было это значит. Рассуждал, конечно, о многом, строил различные теории, но не знал. Не знал и фактически не верил, что сумеет обо всем догадаться. Что означало, в свою очередь, что необходимо было просто ждать, пока мистер Дожавью сам обо всем расскажет.

Прошла еще неделя и общество миллионера уже начало тяготить Галанина. Выходило, что тот для него что-то уготовил, а что - Дмитрий не знал. Он анализировал слова, сказанные ему Дожавью за все время их общения, вспоминал слова Дожавью сказанные другим (в присутствии Дмитрия), но ни к чему путному так и не пришел. Слишком все казалось ему туманным и запутанным. Что-то может, конечно, и приближало его к истине, но все же оставалось слишком запутанным, чтобы мог он что-то должным образом понять и оценить.

А еще через два дня Дожавью признался Галанину, что возлагает на него определенную надежду.

--Что я должен делать?--напрямую спросил Дмитрий, открыто посмотрев на Дожавью.

--Должным образом ничего,--улыбнулся старый плут (так с недавних пор про себя окрестил его Галанин).--Ну или почти ничего,--добавил Дожавью, подтверждая самые мрачные предположения молодого человека.

--И все же?--настоял Галанин на каком-то разрешении мучивших его противоречий.

--Ну, скажем, мне хотелось бы, чтобы вы участвовали в одном достаточно любопытном проекте,--уклончиво произнес Дожавью, и Дмитрий видимо посмотрел на него

столь растерянным взглядом, что тот поспешил уверить уважаемого Дмитрия (Галанин знал - если тот вставляет слово "уважаемый", значит задумал какую пакость), что самому Галанину это совсем не будет ничего стоить. Все расходы оплачивает он, Марк Дожавью, из специального фонда,--подчеркнул мошенник.

Галанину было неудобно, но он почему-то считал Дожавью мошенником. Быть может подобное выходило от того, что выросший в Советском Союзе Галанин всех миллионеров-капиталистов считал мошенниками. Но уже с другой стороны - они ведь как раз таковыми и являлись. В большинстве, как говорится, случаев.

--Так в чем же должна заключаться моя роль?--спросил Галанин, решив про себя ни за что не отпускать Дожавью без ответа.

--Роль?--обескуражено переспросил Дожавью.--О, поверьте, Дмитрий, я не потребую от вас чего-то, что будет как-то противоречить вашим идейным взглядам.

Дмитрий посмотрел на него более заинтересованно.

Однако неожиданно подошедший мистер Сакс (они беседовали в офисе Дожавью) перебил беседу, уведя ее в иное русло. Это вообще было особенностью Сакса. Этот длинный нескладный человек каким-то образом производил весьма гнетущее впечатление. И выходило так, что если появлялся он, вы уже не могли спокойно говорить о прежних делах. А если вдруг пытались, что Сакс каким-то ненавязчивым образом вмешивался в беседу (причем достаточно было его взгляда побитой собаки, чтобы вы забыли ход мыслей, и потеряли желание рассуждать о чем-то позитивном и важном).

.....

Так выходило, что Галанин чувствовал, что судьба неким таинственным образом готовит для него ловушку.

--Если только предположить,-- рассуждал он,-- что ничего не могло быть в его судьбе настолько скрытного, что удосуживался он роли вспоминая это горевать, то что уж тогда было говорить ему о том, что могло еще произойти. Да

и самому Дмитрию как-то все показалось более чем странным. Но и при этом - казалось оно еще и занимательным. Весьма занимательным, чтобы задумался он о том, что вообще способно еще случиться с ним в его жизни. При том что уже даже и к самой жизни относился он с особого рода тревогой. Да и зачастую догадывался, что все происходящее с ним есть некий фарс; то есть нечто не существующее, до осмысления чего дело может вообще никогда не дойти.

.....

Галанин в очередной раз постарался собраться с мыслями. Выходило так, что размышлял он в последнее время о многом, но все это становилось весьма туманным при попытке какого-то осмысления.

Но разве мог он противиться подобному?

--Нет, не мог,-- сказал сам себе Галанин, и почувствовал первые признаки разраставшегося в душе успокоения.

По всему выходило, что это успокоение было тем нечто, что должно было в конце концов спасти его, излечив его душу. А то, что душа его нуждается даже не в излечении, а хотя бы в сочувствии - Дмитрий знал. Знал и понимал сейчас как никогда раньше. И быть может еще потому, что он запутался,-- он старался не раскрывать каких-то секретов и тайн, которые наверняка таились вокруг него. Он просто понял, что жизнь представляет из себя ту загадку, мучаться разрешением над которой ему предстоит все оставшееся время.

--Быть может предстоит, а может и нет,--сказал сам себе Галанин. И при этих словах все как-то разом сошлось в его голове. Но стало ему не только понятно многое, но и он знал, что пройдет еще какое-то время, и он вновь окажется наедине с сомнениями, мучившими его.

И окажется так, что прошло уже достаточно времени, а еще ничего на самом деле не разрешено. И не видно даже конца и края его страданиям. Страданиям как будущим, так и настоящим. Хотя вполне может быть, что он и не страдал.

Как-то разлюбил Дмитрий упоминания этого слова. А значение его так и вовсе ненавидел. Почему? Этого он тоже не знал.

Но что уж точно, Дмитрий Галанин осмысливал письмо, полученное незадолго до своих размышлений. Письмо было от Сакса. Сакс писал со слов мистера Дожавью. И обращаясь к Дмитрию Галанину, просил того самым таинственным образом отнестись по дружески к словам его. Причем Галанин совсем некстати подумал о том, что не были они друзьями. Да и вообще жизнь самого Сакса была Галанину откровенно безразлична. Но ведь не могло же от этого пострадать осмысление письма Сакса. А писал он о том, чтобы Галанин был готов к преобразованиям, которые должны начаться в самое ближайшее время в его стране. И хоть Сакс не упоминал о сути этих преобразований, Дмитрий понимал, что должны были сводиться они к революции. Ожиданием революции вообще были преисполнены все строки. И уже получалось так, что как раз Дмитрию отводилась какая-то - весьма занимательная, отметил он про себя - роль. При том что до сих пор обо всем, что должно было произойти, он не только не знал, но и, уже получалось, кроме странного письма Сакса ("из которого,-- подумал Галанин,-- могло следовать вообще что-то другое") его никто не вводил в курс дела.

Но что это было за дело, Галанин уже понимал и сам. Ведь и с мистером Дожавью они сошлись как раз на почве стремления (и, в первую очередь, необходимости такого стремления) к преобразованиям. И уже наверно был другой вопрос, что пока так и не вышло у них повода более предметно обо всем поговорить друг с другом. Ведь могло так получиться, что это на самом деле было и не важно. А важно было как раз то, что и Дмитрий и Дожавью обо всем понимали и так. Ведь между ними улавливалась некая тайная нить, которая скрепляла их отношения самым таинственным образом.

И Галанин уже знал, что будет на самом деле ждать столько, сколько решит, что необходимо для этого сам Марк Дожавью. И даже если в итоге тот так ни о чем ему подробно и не расскажет, сам Галанин о лишнем его не спросит. Он

просто понял, что значит необходимо было, чтобы происходило все именно так. И совсем не нужно было пытаться подгонять события. И даже рассуждения его о предмете стали сводиться после этого к чему-то не так-то и важному. И словно бы сами они начали удалять его от необходимости ожидания какого-то разрешения. Потому что обстояло все таким образом, что ждать он будет готов вечно. А когда закончится та - то еще столько, сколько потребуется.

Глава 9

Марии как-то одновременно было и мучительно, и грустно, и вместе с тем - до боли обидно. И при этом она как бы понимала, что оснований ни до грусти ни до обиды у нее нет. Она просто вдруг перестала улавливать нечто очень важное, что наверняка было. Вернее, это ей казалось, что было это что-то--важное. Тогда как таковым оно могло и не быть. Да и вовсе могло существовать нечто, что просто запутывало девушку. Уводя ее вдаль от чего-то важного в ее жизни. И наверняка даже получалось, что все это запутывало ее основательно.

При этом Мария все еще боялась признаться, что ей нравились мужчины.

--Видимо излишки цивилизации,--рассуждала иной раз девушка. При этом не сказать, чтобы она так-то уж верила своим словам. Скорей всего - ей просто хотелось найти нечто, что вывело бы ее к верному решению в ее жизни. Ведь она считала, что не может так-то уж всю жизнь ошибаться в людях. И должно существовать нечто, что привело бы ее к какому-то результату. Притом что сам результат пока еще если и виделся ей, то был столь расплывчив, что она не могла придти к единому знаменателю: в чем же он, собственно говоря, должен был заключаться.

А все обстояло даже таким образом, что она верила сама - в то, что запутывала себя.

Причем запутывала иной раз так, что уже готова была махнуть рукой, считая что так, собственно, все и должно быть. Хотя и при этом почти знала, что так быть не должно.

.....

В своих отношениях с мужчинами Мария все чаще попадала впросак.

И даже если ей нравился какой молодой человек, она как-то не очень охотно признавала, что он ей действительно нравится.

--Скорее,--рассуждала девушка,--это было весьма все условно и временно.

Притом что как оно было на самом деле - Мария не знала. Даже можно сказать - терялась в разрешении вопроса, в который вводила себя сама. Ей просто не верилось, что как-то это может легко разрешиться. И вместе с этим неверием - девушка ощущала какой-то незначительный внутренний подъем, словно бы так все и должно быть. И не только должно было быть, но и даже на самом деле было. И при этом - Мария Выготская нисколько не верила ни себе, ни другим. Считая что все выходило по меньшей мере странно.

И уже теряясь в такой своей странности - пускалась на всяческие ухищрения, интуитивно угадывая их, дабы только избежать в своей жизни чего-то такого, отчего потом она будет испытывать муки совести.

Как ни странно, но Мария Васильевна действительно испытывала легкие укоры совести. Иной раз создавалось впечатление, что она и вовсе виновата чуть ли не во всем, что происходило с теми, кто общался с ней.

И хоть через время она уже усмехалась, и чуть ли не ругала себя,-- в минуты страданий ей было вовсе не до смеха. Какая-то печаль тогда окутывала ее сознание. И казалось, что непременно должно произойти нечто, отчего она должна будет раскаиваться и горевать.

А потом все проходило. И так внезапно, что она уже совсем не находила первоисточков недавней грусти. Считая, что все это как минимум выдуманно, да и вообще - до ужаса нелепо.

И не чувствовала она уже никакой ответственности перед другими. Считая, что не только ни в чем не виновата, но и при желании начинает скорей выглядеть в роли жертвы, чем какого-то ответчика. Да и не в чем было ей отвечать. Она была права. Права настолько, что уже следующим этапом у девушки вполне могло начаться избиение себя; если бы только предположить наличие у нее каких-то садо-мазохистских наклонностей.

И самое любопытное, что они у нее действительно были. Правда, пока если и реализовывались, то только в самой незначительной степени. И проявлялись разве что в обычной жизни, но нисколько не в постели. В постели у Марии все было до обыденности просто и неинтересно. Зачастую секс ей вообще удовольствия не доставлял. И она считала его что-то наподобие некой механической работы, о которой было известно, что она необходима для здоровья, но пока получалось, что разве что только для физического здоровья, но никак не душевного.

Душу Марии могли успокоить только деньги. Если их было достаточное количество - ее настроение улучшалось само собой. И сохранялось стабильным до какого-либо финансового краха. Стабильность для Марии - сумма от пяти тысяч долларов. Если выходило немного меньше - она еще не горевала. Но если меньше намного,-- на девушку нападала депрессия. И погружаясь в этот бич цивилизации (у первобытных людей и варваров времени на депрессию не было), Мария Васильевна Выготская могла начинать выискивать в своем характере столько отрицательным качеств, что было достаточно сложно оторвать ее от самоедства. И, опять же, оторвать от подобного - негативного для ее души - занятия оказывались способны только деньги. Ну, или - в отдельных случаях - мужчины; приносившие видимо эти деньги.

.....

Свою работу Мария рассматривала как некий обязательный труд на благо общество. За столь громкими словами когда-то стояло девичье желание оказаться полезной людям. А после все как-то сгладились с годами. И если сейчас что-то из себя представляло, то видимо это был долг перед другими людьми. Перед людьми, когда-то поверившими в нее (коллеги-преподаватели, прежде всего декан) или поверившими ей (студенты, мужская часть из которых была влюблена в нее, а женская - старалась на нее походить; хотя бы внешне).

Сама Мария как-то осознав все это, достаточно оторопело взирала на все. И поняла, что у нее просто нет права самолично что-то менять. Просто нет права.

Глава 10

Так получалось, что только сейчас Дмитрий понял, что всем, чем он до сих пор жив, он был обязан своей памяти. Именно воспоминания о прошлом помогали ему выжить в этом современном мире. Мире, который, будь его воля, он ни за что бы не принял. Слишком мрачен и печален казался тот он. Слишком многое хотелось изменить. И даже если и не изменить, то просто вернуть обратно. И возвратившись в прошлое - наслаждаться им.

Тогда, в прошлом, Дмитрий угадывал столько много совершенных им ошибок, что просто не понимал, как еще могло произойти, что он перешел в будущее. Оно, будущее, оказывалось ему совсем не нужным и безразличным. И если и было необходимо, то лишь только для возвращения того, что было когда-то. Возвращения прошлого.

.....

Его интересовал жизненный период, когда он был мальчишкой. Скажем, лет этак от пяти до двенадцати. Даже

до десяти. Все, что было после - уже представляло из себя то, чего ему совсем было не нужно. Когда уже начинались те изменения в его душе, которые он так стремился сейчас из себя изжить.

--Ведь только подумать,-- бывало, восклицал он, чтобы после замолкать, погружаясь в свои воспоминания.

И выходило так, что прокручивая в своей памяти события прошлого, Дмитрий Галанин понимал, сколько же он упустил, что тогда был столь мал, чтобы по другому оценить то, что имел. Ему хотелось чтобы сейчас, чтобы хоть однажды, повторилась какая ситуация из прошлого. И при этом он понимал, что может быть и не так все плохо. Что повторись какая ситуация сейчас, и может быть не смог бы он принять то правильное решение, о котором ему не пришлось бы раскаяться много позже. Но уже с другой стороны, он также и понимал, что его нынешние эпизодические попытки говорить что-либо в противовес - есть ничто иное как проекция его неуверенности, которая хоть и была умело замаскирована применяемыми им адаптивными способами приспособляемости к жизни, на самом деле все являлось не так.

И Галанин понимал, что надумай кто копнуть поглубже, и посыпится все. Правда совсем потеряет актуальность. А грубость и ложь - вылезут наружу. Чтобы уже окончательно погубить его. Сделав неспособным воспринимать адекватно реальность. И быть может даже - повергнув в шок.

Повторения многого не хотелось Галанину. В какой-то момент он даже стал умолять создателя отпустить его грехи, забрав те вместе с воспоминаниями.

Но тут же понимал, что такое фактически невозможно. Что получалось так, что он вроде как стремился к чему-то, но это "что-то" просто пока даже не обозначилось окончательно в его голове. А иной раз в его голове и вообще начинал царить хаос. От чего Галанину хотелось сунуть голову в прорубь, или подвесить ее на клюк, пережав веревкой кислород.

Но он всегда одумывался. Уже несколько лет Дмитрий старался держать в ежовых рукавицах свою психику. Не

позволяя той излишне распоясываться, да и вообще вести себя неподобающим образом, довлея над Дмитрием, и уводя его размышления в какую-то бескрайнюю степь.

Хотя и, конечно, не все было так плохо и категорично. В иные моменты можно было даже заметить какой-то особый блеск в глазах у молодого человека. Он вроде как даже и понимал, что совсем рано ставить в его жизни какую-то точку, а то и даже запятую. Ведь было точно, что он не сказал еще своего решающего слова. Да и, если разобраться, все было как-то непонятно, чтобы делать какие-то выводы.

И при этом он явно замечал интерес к себе со стороны непонятных персон. Понимал, что они преследуют какой-то свой интерес в общении с ним.

При этом Галанин никому не говорил, но ведь и у него тоже был интерес. И он не был так прост, как, быть может, бессознательно стремился кому-то казаться.

Когда-то давно Дмитрий Галанин выработал для себя подобную манеру общения. Казаться слабее, чем есть на самом деле,-- дабы избежать излишней ответственности.

А когда будет надо - ударить ничего не подозревающего и расслабленного противника.

Так выходило, что за метафорой скрывалась целая жизнь. Ничего не подозревающий человек медленно и ненавязчиво фактически обрекал свою душу на страдания. Ведь уже становилось понятно, что одно дело придумать для себя какую-то модель поведения, и совсем другое - пунктуально следовать ей. То есть, уже получалось, что должны были начаться сбои.

Они и начинались. Общаясь с ним, люди делали о нем несколько ошибочные выводы. И когда Галанин неожиданно показывал характер - приходили в явное замешательство. Ведь в их подсознании уже сложилась определенная модель восприятия психики Галанина. А тут он как будто показывал совсем другой характер, демонстрируя явно не свои черты. Или свои? И где тогда правда?..

Поиском правды был занят и сам Дмитрий Галанин. Совсем неожиданно оказалось, что он сам себя перехитрил. И уже совсем нельзя было говорить о том, что он знал, каким на самом деле быть ему предпочтительнее. Да, он не знал.

Не знал, и при этом старался не думать о подобном. Молодой человек уже знал, что такие мысли приносят страдание. А страдание в душе - обрекает и жизнь на неудачу. Чему результатом - депрессия, и явно нехорошие мысли. Мысли, от которых Галанин всегда так хотел избавиться. Мысли, избавиться от которых у него не получалось. Или же получалось,--но лишь на время. А после они возвращались вновь.

.....

Друзья Галанина, каждый по-своему, стремились помочь ему. Но уже можно было признаться, что никто из них реальным образом не преуспел в этом. Они просто не знали, в чем должна была заключаться их помощь. С какой стороны она должна была подступить.

Разобраться, конечно, было можно, но для этого требовалось как минимум внимательно и поэтапно проанализировать ситуацию, охватив достаточно длительный временной период. Но разве мог кто-то из знакомых Галанина справиться с подобным? Нет, не мог. Не мог уже хотя бы потому, что никого он на самом деле близко к себе не приближал. Ему было так спокойнее. Ведь до конца Галанин был уверен только в себе. И приближение какого-то товарища просто говорило о том, что через какое-то время Дмитрий не разочаруется в нем. Ведь он так часто разочаровывался в людях. Быть может даже слишком часто...

.....

..

Конечно, сомнений пока было слишком много, чтобы он мог чему-то поверить искренне и окончательно.

Но уже с другой стороны, Галанин всю жизнь собирал какие-то правила, которые помогли бы ему выстроить некую матрицу в его подсознании, по которой смог бы он выстроить и свои отношения с жизнью.

И можно было сказать, что сейчас ему почти удалось сформировать канву той системы, которая довлела над его жизнью, и согласно которой - жизнь его обещала быть лаконичной и законченной по своему величию. Ведь выходило так, что, в конце концов, ему удалось, почти что удалось, нащупать именно ту модель поведения, согласно которой все должно было выйти у него если не идеально, то около того. И то, что со временем у него получится все окончательно, Галанин уже не сомневался.

Глава 11

Все что казалось Дмитрию таким запутанным, было, по всей видимости, не очень значимым и даже не интересным. Ну, или - весьма интересным, но вовсе не значимым. Он путался во всем этом, и не знал, к чему на самом деле могут привести все эти его раздумья. По всему - не очень к чему-то хорошему, да значимому. Если еще предположить - они способны были и вовсе его запутать.

При этом как бы само собой разумеющемся являлось то обстоятельство, что Галанин все равно стремился ко всему дойти сам. И знал - что дойдет. Дойдет рано или поздно. Проблема, быть может, была лишь в том, что не понимал он еще пока - на каком этапе ему необходимо было остановиться; да и необходимо ли? Потому как об обратном словно бы тоже говорило многое. Ну, например, то, что на самом деле проблем вокруг совсем не было. А Дмитрий искусно запутывал сам себя.

При этом словно бы создавалось впечатление, что все это было как бы если и важным, то не таким уж и значимым, чтобы чему-то он уделял свое внимание.

Хотя, конечно, внимание он уделял многому. И даже мог признаться (если бы его спросили, например) что вообще - анализирует все и вся. Просто в анализе чего-то не

признается даже себе. И при этом думает он уж точно обо всем. Стремится думать, размышлять, в общем, по всему, даже не очень близким людям Дмитрий казался весьма обстоятельным мужчиной. Что уж тут было говорить о тех, кто его знали близко?

.....

Так сложилось, что через какое-то время обычной, даже скорее обыденной, жизни, у Дмитрия появилось некое чувство, согласно которому он чувствовал внутреннюю неудовлетворенность всем тем, что с ним происходило.

Как бы уже получалось так, что он вроде как и жил, и стремился жить своей жизнью, но вот чувствовал, что этого всего мало. Что он попросту до конца не раскрывается. Что существует нечто, что должно будет ему помочь предстать перед окружающим миром другим человеком. Причем, так получалось, что кроме подобного понимания Дмитрий не мог ничего сформулировать. То есть получалось, что...

Он не знал, что получалось. Он только верил, что все равно все разрешится.

Но так получалось, уже думал он, что и раньше была у него какая-то уверенность. Но до чего-то конкретного не доходило. И он вроде как и знал что да как, да...

В общем, Дмитрий Галанин в очередной раз готов был запутаться. Он не любил такие состояния. С недавних пор он приказал себе на что-то подобное не реагировать. Собственно, он и раньше-то так жил. Мы уже как-то говорили о том, что жизнь Дмитрия Галанина была как минимум с многополярным укладом. И он мог думать об одном, говорить вам об этом же самом вопросе другое, а при этом еще умудряться и иметь про себя чуть ли не противоположную точку зрения. То есть получалось, он никогда не хотел останавливаться на чем-то одном. Потому и было все в его жизни различно. Весьма различно. Весьма.

.....

Так получалось, что Василий Панкеев (он вновь вернул себе прежнее имя, решив, что хватит чудить) вдруг решил разом измениться, и стать другим человеком.

Справедливости ради стоило заметить, что таким он хотел стать и раньше. Подобные желания вообще периодически посещали его. Но вот сказать, чтобы оно хоть в чем-то находило реальное воплощение?.. Нет, так говорить было слишком рано. Просто получалось, что он вроде как и хотел, и стремился к другому, да все что-то оттягивало его назад.

И получалось, что ни к чему конкретному добраться он не мог. Да и вообще - затуманивался иной раз его разум самым невообразимым образом. Быть может потому и стремился он как-то выбраться из своего такого состояния.

Но одно дело желать этого, и другое как-то над подобным бороться. Последнее было сложно и весьма запутанно. В том плане, что не получалось у него ничего. И если уже можно было говорить о каком-то его стремлении, то...

В общем, все было не так просто. И даже может быть - весьма и весьма непросто. Одни - периодически случавшиеся с ним - ночные кошмары чего стоили. Да и вообще, многое в его жизни явно было не так. Но вот то, что он всякий раз после начала своих кризисов стремился от этого избавиться, уже как бы говорило о том, что начало Василий имел позитивное. Да и вообще, много чего хорошего и доброго рождалось в его голове. Так что уже можно было заметить, что перспективы он имел неплохие. И со временем все у него могло получиться.

.....

Галанин вдруг почувствовал, что ему, собственно, безразлично его окружение. И не сказать, чтобы он раньше как-то цеплялся за ближних. Он вообще, если можно в этом признаться, проявлял удивительную беспечность в отношении других.

Но вот теперь, с учетом того, что проходил возраст, и Дмитрий становился старше, -- ничего в его жизни не изменилось. А то и даже стало так получаться, что было безразлично.

Мог ли он дать сейчас какую-либо адекватную оценку происходящему?

Скорей всего нет. Ведь если предположить, что Дмитрий стремился к ощущению какого-то результата, то было бы слишком преждевременным говорить о том, что он так-то подобного на самом деле желал. А то и можно было предположить, -- порой даже противился чему-то явному, наслаивающемуся в его сознании на какие-то факты, уже имеющиеся там.

И по всему даже оказывалось, что все не только было странно да загадочно (то, что касалось его души), но он и вовсе пускался в некую авантюру, когда чувствовал, что ему приходится подвергать какое-либо недавнее поведение оценке. Справедливой оценке, можно было бы сказать, но, по сути, так говорить было нельзя, да и, наверное, преждевременно.

Конечно, Дмитрию Галанину не хотелось думать о чем-то таком, да вот получалось, что уже понимал, что попросту запутывает себя. И так получалось, что считать, что нечто подобное происходило намеренно - значит уже изначально ошибаться. Если бы только предположить, что Дмитрий мог как-то регулировать все это, происходящее в его душе.

Совсем даже нет. Если что-то и происходило, то весьма произвольно, и даже как-то ненавязчиво для его многострадальной души. И уже получалось, что он если и стремился к чему-то - это все чаще теперь удалялось от него. А бег за ним был не только бесполезен, но и, по мнению Дмитрия, более чем неоправдан. Правда случалось, что все получалось у него как-то разом, так что после этого становилось приятно и свободно в его душе. Но вот с другой стороны, это все было и как-то уж слишком неоправданно, что ли. Судя по тому эмоциональному состоянию, в которое погружался после всего Дмитрий. Которому казалось, иной раз, уже совсем черт знает что. И иногда, впрочем, виделось нечто светлое, доброе, и хорошее.

И в таких случаях спускалась на Галанина какая-то загадочная благодать. И ему даже не приходилось какое-то время копаться в собственной душе. Потому как было и действительно в его душе легко и свободно.

.....

Панкеев знал о подобном состоянии Галанина. И не только знал, но и, уже получалось, стремился к этому приобщиться. Причем, если считать, что попытки его могли увенчаться результатом, то скорей всего подобное было если и возможно, то лишь на какой-то не очень продолжительный срок. И даже получалось так, что Галанин замечал интерес к своей персоне со стороны Панкеева. Но то ли списывал на интерес того как ученого, то ли просто уже изначально принимал Панкеева за шизика, но только получалось так, что он как-то не считал необходимым подобную ситуацию воспринимать всерьез. Ну, так уж получалось.

Глава 12

Вера Сергеевна Паланина была добрая тридцатитрехлетняя женщина, с высокой грудью, из-за которой терпела немало недоразумений.

Помимо доброты была Вера еще весьма застенчивая. Но вот стоило ей не рассчитать одежду (обычно предназначение одежды для Веры - прятать ее объемную грудь под балахонами, обезличивая фигуру), и она оказывалась весьма под пристальным вниманием мужчин. Некоторые из которых, считала Вера, готовы были ее... ну, в общем - готовы были тут же, и во все места.

Конечно, от подобных мыслей ей становилось как-то уж слишком неуютно, и даже стыдно.

--Но что поделать,-- рассуждала девушка, фактически смирившись с тем, что происходило. Она чувствовала, что порой оказывает какое-то гипнотическое влияние на мужчин. Но и при этом понимала, что необходимо как-то обратить подобное влияние во благо себе.

Понимать-то понимала, но само по себе понимание еще ничего не значит, если не рождаются мысли как подобное осуществить. А у нее как раз такие мысли пока не рождались. И хорошо было, если это действительно только "пока".

Роста Вера была чуть выше среднего. Волосы носила длинные и светлые (делал мелирование). Черты лица имела правильные. Страстью к сексу не отличалась, но и при этом не исключала, что подобное в отношениях между мужчиной и женщиной возможно. В общем, была вполне обычной девушкой. Разве что все не могла встретить мужчину мечты. А теми, с кем периодически встречалась - не могла отказать в удовлетворении возникающих у них желаний. Тем самым в какой-то легкой степени подчиняя их себе, но ровно настолько, насколько могла подчинить отличных друг от друга людей страсть. Тем более что сама страсть, случалось, вспыхивала внезапно, даже можно сказать неожиданно, а после (по крайней мере, с ее стороны) также быстро угасала. Вера, быть может, и вообще была бы согласна только дурачить мужчин, не вступая с ними в интим (как делал ее подруга Мария Выготская), да неудобно было как-то девушке обманывать мужские ожидания. Да и понимала она, что, глядя на ее внушительную грудь, мужчина уже и мало о чем думал, подчиняясь инстинкту мять эти необъятные груди, и вообще - любить ее за них.

А она не отказывалась. Тем более что со временем научилась извлекать от такого общения пользу. И корячившись под тем или иным мужиком - представлять в своем воображении мужчину другого. Появлявшегося в ее воображении посредством фоторобота. И это, в ее случае, было нормально. Например, как вариант извлечения пользы из сексуальных утех с ней различных представителей мужского пола.

И все же Вера, конечно же, была не так проста, как казалась внешне. То ли работа в банке (в должности руководителя филиалом), то ли два мужа (неизвестно как появившихся в ее жизни и так же из жизни уйдя - к другим

женщинам), но все словно бы говорило о том, что Вера только внешне была спокойная и застенчивая. А как касалось дела...

Впрочем, о делах Вера говорить не любила. Работала она сейчас в агентстве недвижимости (руководителем одного из филиалов в пригороде Петербурга). Но уже собиралась сменить работу, выбрав более спокойную. И при этом как-то так получалось, что мало кто способен был разгадать, что представляет из себя Вера на самом деле. Она и думала как-то странно, и говорила иной раз непонятно, но люди все равно тянулись к ней. Она считала,-- тянулись, интуитивно угадывая в ней доброту. А на самом деле людей манили ее необъятные груди. Инстинкт.

.....

Познакомившись с Галаниным, Вера сразу в него влюбилась. Вернее - поначалу она только почувствовала искреннюю симпатию к этому человеку. А на следующий день готова была признаться ему в любви.

Так уж получалось, что она мало кому признавалась в любви. Даже с теми мужчинами, которые с ней изредка спали (вступали в половой контакт), она могла толком и не разговаривать. И не то, что все происходило хаотично. Нет. В этой девушке в первую очередь как раз чувствовалась обстоятельность.

Но вот если не хотела она разговаривать с мужчинами, могла и не общаться. А только лишь предоставляла свое тело как бы в пользование им. Веря, видимо, что все это продлится недолго. И когда-то случится так, что она сможет встретить мужчину своей мечты. Ну, или -- как минимум определиться по поводу будущих ориентиров.

Глава 13

Зарубин чувствовал себя сволочью. Явной и откровенной.

Нельзя сказать, чтобы подобные ощущения его не имели под собой реальной почвы. Конечно же, имели. Да и сволочь он был, конечно, порядочная. Хотя видимо и не больше, чем многие другие. Просто так получалось, что среди других мало кто воспринимал нечто подобное всерьез. А если и думал о каких-то несправедливых поступках, то достаточно быстро забывал о них. Тогда как Зарубин считал, что попросту не имеет права что-то подобное забыть. И понимая это, он стремился к чему-то хорошему. Хотя и почти тут же вынужден был признать, что это хорошее получалось у него не всегда. И в таких случаях он весьма расстраивался. После чего пускался, было, и в вовсе какие-то пространные размышления. Но уже одергивал себя, приказывая не суетиться, да и вообще, жить по совести.

Жить по совести означало умело подстраиваться к окружающему миру. Но проблема была, что так делать Зарубин не умел. Ему претило какое-то унижение. И он предпочитал страдать и идти до конца.

.....
...

Было бы достаточно странным считать, чтобы Виктор Иванович в действительности испытывал какие-либо внутренние сомнения (рождающие тревоги) в отношении происходящего с ним. И он если и улавливал, что нечто может происходить не так, как на это рассчитывал ранее, то уж точно, заставлял себя не воспринимать подобное всерьез. Тем более так получалось, что многое в его жизни было как бы предугадано изначально. Он это понимал и сам. И стремился не усугублять собственную жизнь какими-то ненужными домыслами и фантазиями. Притом что (уже, получалось, независимо от этого) он продолжал улавливать все то, что происходило в его душе. Так же как и составлял в своем сознании некую проекцию подобного происходящего в отношении окружающего мира и своего взгляда на этот мир. Интуитивно внося в него все изменения, на которые

фактически оставался способен даже несмотря на участвовавшую критику со стороны Марии Выготской, отношения с которой представляли для Зарубина некий клубок вымученных противоречий и прочей собственной безалаберности. Ему бы вовремя проявить твердость характера, да послать девушку идти своей, ну то есть ее, дорогой. А он не мог. И до сих пор, уже решив, что она ему не пара, продолжал общение с ней. Сначала боясь ее невольно обидеть отказом, а после -- переживая из-за того, что вроде как поначалу обманул ее, а теперь желание разрыва с ее стороны покажет всем, какой он нехороший человек. А то, быть может, и сволочь.

Сволочью Зарубин быть не хотел. Ему вообще всегда хотелось, чтобы о нем говорили и думали только хорошее. И даже если предположить, что подобная установка была в его сознании, но он ей не следовал,-- так считать было нельзя. Потому как не раз уже люди, общаясь с Зарубиным, убеждались, что происходит все так, что поначалу вроде как становится и непонятным поведение Зарубина; а после именно оно условно выбирается как чуть ли не единственно правильное и значимое. А то и даже получается, начинают ругать себя люди в том, что с их стороны все произошло так. Тогда как на самом деле...

Трудно было сказать, что и как было на самом деле. Притом что сам по себе Зарубин был человеком весьма скрытным, и даже кто шутил - не совсем адекватным.

Но какой-либо агрессии у него не было, разум также способен был делать правильные выводы относительно плохого и хорошего в жизни, и тогда уже получалось, вся неадекватность его сводилась к совсем ошибочным представлениям некоторых из тех, кому довелось общаться с Зарубиным. Да и серьезно этих людей можно было и не воспринимать. Потому как все то, что было на самом деле (и Виктор Иванович давно уяснил для себя подобную истину) - всегда было не совсем так, как это кто-то представляет. А то, что различаются взгляды разных людей на одну проблему - для Зарубина всегда было бесспорно.

.....

На самом деле Виктор Зарубин в свои сорок три года все еще оставался романтиком.

Хотя и профессия физика накладывала на него определенный отпечаток, внося в его мысли и рассуждения тот необходимый практицизм, который - верил Зарубин - не раз (не раз и не два) помогал ему, способствуя какому-то иному отношению к нему со стороны окружающих.

И даже уже получалось, что Виктор Иванович чувствовал какое-то даже уважение со стороны окружающих. Причем как бы получалось, что подобное вскоре подкрепилось и реальными делами. И даже несколькими. Сначала Зарубин получил назначение начальником лаборатории НИИ. Через неделю он уже курировал одно из направлений ведущего исследования своего института. А ровно через месяц после первого назначения - получил должность заместителя директора института. И его был великолепный подарок к его сорока четырехлетию (столько ему исполнилось на днях).

Но вот если предположить, что что-то изменилось в его характере - не изменилось. Да и жизнь Зарубина оставалась такой же, как и была. Он только первое время как-то стал раздумывать: а не изменить ли ему эту самую жизнь. Тем более, что и повод вроде как нашелся убедительный.

Но почти само собой оказалось, что Зарубин менять ничего не стал.

Более того, он отчего-то решил, что если и не должен оставаться таким как был, то по крайней мере ему следовало временно отложить какое-либо разрешение конфликта на потом. Причем, уже судя по всему, это "потом" было весьма неограниченно, да и вообще, получалось, ничто так не беспокоило его сейчас, как какие-то другие дела да заботы. А то, о чем он вроде как еще недавно и собирался вынести на первый план - внезапно отошло в тень. В тень его безразличия ко всему, что его теперь окружало. Окружало в

его новой жизни. Ибо и старую, прежнюю, жизнь он уже не воспринимал так, как, быть может, ему хотелось ранее.

А все, что было в жизни новой - казалось светлым и праздничным. Ну, так ему казалось.

Но и даже несмотря на то, что так ему казалось, Виктор Иванович совсем не хотел прекращать свои новые мечтания-размышления. По крайней мере, верил, что это на сегодня будет оптимально и правильно. А будущее, как говорится, покажет.

Часть 3

Глава 1

Марк Дожавью на самом деле от начала до конца выдумал свою биографию. И если бы кто спросил его -- как было на самом деле,-- то уже явно что он никогда бы не ответил правду. А потому эту самую правду знал лишь очень ограниченный круг людей. Причем это были такие люди, которые о любых своих знаниях предпочитали молчать. В силу профессиональных привычек. И уже получалось, что может кто бы и смог восстановить события многолетней давности, но ведь и Михаил Георгиевич Циберман постарался. Да и Циберманом он стал уже в институте, взяв фамилию матери. А по отцу он был Новиков.

Простая русская фамилия Новиков поначалу ни к чему не обязывала Михаила Георгиевича. Но вот потом он почувствовал нечто загадочное, происходящее в его душе. И видимо с тех пор взяло начало все то, после чего Михаил Георгиевич уже постепенно стал меняться. И тогда же стал проделывать нехитрые (сначала нехитрые, потом, по мере опыта, все более изощренные) финансовые махинации. После чего как-то оказалось, что ему и нельзя уже иметь прежнюю фамилию. И для того чтобы запутать следы - необходимо взять иную.

Несколько ниже среднего роста, плотный но не толстый, Михаил Георгиевич со временем расстался со многими предрассудками. Изменяя себя, и одновременно с изменением собственных привычек, становившихся чертами характера, он постепенно обретал все то, чему позже, попадая в действительно критические ситуации, мог быть только благодарен. Они помогли ему выстоять, когда он находился под следствием (пять раз). И даже тогда, когда его отправили в ссылку, Михаил Циберман не только нисколько не отчаялся, но и сумел извлечь из этого определенную пользу.

А еще через время (уже в горбачевские времена) случилось так, что Циберман вынужден был покинуть страну.

У него был выбор - уехать или сесть в тюрьму. Он выбрал первое. Во Франции, где он оказался, Циберман выправил документы, женившись на француженке, а позже разведясь с ней, и женившись еще раз, уже на другой.

Посчитав, что таким образом он запутал возможную погоню (к слову сказать, его никто не искал, и после отъезда из России о нем благополучно забыли), Дожавью (его последняя фамилия) переехал на постоянное место жительства в США.

Там он и познакомился с Сарой Бернар и мистером Саксом.

К слову сказать, идеи Дожавью о мировой революции, высказанные в беседе с Галаниным, были Марку Дожавью безразличны. Как и вовсе был безразличен какой-либо политический режим. Его интересовали только деньги. Та прибыль, которую он может извлечь с того или иного предприятия.

Если же говорить о том, к чему ему потребовался тот разговор с Галаниным, так это объяснялось какими-то размышлениями Дожавью того времени. Может он подумывал вернуться на Родину, где с приходом к власти Ельцина люди подобные Дожавью могли надеяться на поддержку государства. Может у него были еще какие размышления. Но как бы уже получалось, что с недавних пор Дожавью к Галанину потерял какой-либо интерес. В его

голове появились уже другие проекты. И до поры времени мировую революцию Марк Дожавью решил отложить.

К слову сказать, и сам Галанин постепенно если и вспоминал о своем разговоре с Дожавью, то уже не придавал этому разговору какого-либо серьезного значения. Тем более понимая, что любая ситуация всегда способна если и не измениться окончательно, то что уж точно - повернуться совсем не тем боком (восприятия). А потому уже как бы выходило, что об этом и не надо было думать.

Глава 2

Герман Евгеньевич Завгаев чувствовал, что все, что происходило с ним - не было так уж просто.

Получалось, Герман Евгеньевич был что-то на вроде провидца. Ну, или как минимум, любил проводить анализ собственной жизни, для того чтобы...

Значит так. Чтобы долго не перечислять достоинства и недостатки Завгаева, скажем, что он только на первый взгляд мог казаться престранной личностью. На самом деле он мало чем отличался от тех своих знакомых, которых выбрал в качестве таковых. Ну, разве что, имел ряд особенностей, присущих, уже получается, только ему.

Ну, например, Завгаев считал, что всем обязан стране, в которой родился. И несмотря на периодически появляющиеся предложения покинуть оную (Завгаев совмещал в себе два таланта, был художник и реставратор, специализировался на иконах и утвари средних веков), подобные варианты даже не рассматривал. Хотя те, кто его знал давно, могли бы сказать, что когда-то Завгаев носился с идеей уехать за рубеж. Но тогда - не получилось. А после, то ли Завгаев изменился, постарев, то ли действительно проникся любовью к родине, но, в общем, уезжать никуда он не желал, хотя и в последнее время был в его творческой работе некий кризис. Точнее - работу делал он по-прежнему. А вот финансовое обеспечение от нее получал несколько меньшее, чем предугадывал что мог бы.

Если бросить на холст еще пару штрихов к портрету Завгаева, то наверняка следовало бы выделить его несколько излишнюю полноту. Которая, впрочем, вступая в некое взаимодействие с его ростом (он был достаточно высок) скорее символизировала некую дородность, и явно располагала к себе какой-то загадочной доступностью, о которой говорила не только улыбка Завгаева (улыбка монолизиса, как шутили еще его однокашники,--Завгаев когда-то учился в художественной гимназии, что попутно с художественной школой и последующим окончанием института - давало ему неплохой задел в плане творческого мастерства), но и вероятно нечто, что каждый, глядя на него, мог интерпретировать по-своему.

И уже получалось, что Завгаев действительно был достаточно увлекательным человеком. Хотя и, надо сказать, говорил он мало. Причем со временем становилось понятно почему: если разговор переходил определенный временной промежуток, то Завгаев каким-то поразительным образом терял нить разговора. А еще через время его мысли пускались в такой прерванный бег, что можно было сказать, что он и вовсе не понимает что происходит. Так же как, впрочем, видимо это же не понимал и собеседник Завгаева.

А вообще Герман Евгениевич был в разные часы и дни различен. Причем иногда он мог быть одновременно и грустный и веселый, и смешной и загадочный, и даже иной раз очень тупой, а в другой - вполне догадывался, о чем вы ему хотели сказать.

И это предугадывание мыслей иной раз оказывалось весьма полезным. Потому как совсем непонятно было, на первый взгляд, как так выходило, но в исключительных случаях Завгаев наделялся некими - сродни сверхъестественными - способностями. И в такие времена он представлял собой исключительно прерванную личность. Которую невозможно было понять, разгадав его тайну. И к которой чувствовали вы какое-то загадочное уважение. Словно бы этот человек знает то, что не знаете вы. И если будете себя хорошо вести - он сможет поведать вам о чем-то таком, отчего ваша жизнь разом изменится в исключительно положительную сторону. Причем, казалось, Завгаеву было

совсем безразлично - как вы считали раньше, или как полагаете на самом деле. Через время общения с ним (даже просто присутствия его - рядом) вы начинали чувствовать какой-то жизненный подъем. А также уверенность в своих исключительных способностях. Причем совсем невозможно было разгадать, в чем эти способности заключались. Все получалось как-то действительно странно и загадочно.

.....

Глава 3

Так вышло, что Галанин понял, что если и далее он станет продолжать жить в том же духе, то обречет свою жизнь на более чем тягостные страдания.

И он уже мог признать, что большинство из того, что получалось, инициировал исключительно он сам.

Впредь он решил не делать ничего подобного, что могло бы омрачить его существование.

Но решить-то он решил, даже произнес подобное несколько раз про себя, но вот сделать так, чтобы что-то реально сдвинулось с мертвой точки - не мог.

Отчего как-то разом понял, что способен запутаться окончательно.

Что было ему делать? Дмитрию хотелось тут же разрешить задачу, но вот находил он, что не знает ничего, чтобы способствовало такому ее разрешению. Разве что постараться на время о ней забыть?

Но то, что получалось раньше, еще совсем не значило, что удастся теперь. И еще через время (размышлений) Галанин вынужден был признать, что если будет так продолжаться и далее, то он запутается окончательно. Он и так уже чувствовал, что клубок размышлений запутывается еще больше. А все его стремления обрести какую-либо истину - уводят его в сторону. После чего он уже начинает понимать,

что все это не более чем ошибка, совершаемая им как когда-то, как всегда.

.....

Молодой человек опечалился, что это так. Сколько раз, бывало, он уже размышлял по этому поводу. Точно так же как когда-то дал себе зарок вообще не думать о чем-то подобном. И при этом - затуманивался его взор какой-то неестественной печалью, погружавшей его в мрак размышлений, который, по всему, не могли заканчиваться ничем, кроме как выстраиваемой в тумане сознания дорогой, по которой он должен был пойти.

Но легко сказать пойти. Дмитрий знал, что если сейчас не найдет себе достойного занятия (до сего дня он преподавал в университете методологию науки, но это ему постепенно переставало нравиться - желание получить специальности философия и социология - как результат некоторого недовольства того, что было), то и вовсе погрузиться в какой-то хаос. Хаос мысли, прежде всего.

Что будет тогда - Галанин предпочитал не думать. Он вообще, в который уж раз, вынужден был признаться, что не должен был столько думать. Ведь мысли не всегда приводили к разрешению вопроса. Они иной раз и наоборот - чрезвычайно затуманивали разум. Подводя самого Галанина к чему-то поистине непредвиденному. Когда следовало бы говорить о чем-то положительном, но...

Галанин вновь вспомнил о своей способности вводить людей в заблуждение.

То, что это было заблуждением, становилось понятно позже. А тогда, когда Галанин приводил самые достойные доводы, какие только могли появиться в том или ином вопросе, для убеждения очередного оппонента в правильности взгляда на предмет именно Дмитрия, Галанин искренне верил в собственную правоту. И это добавляло ему силы, забирая их в том числе и от тех, кто пытался в чем-то ему противостоять.

Сказать, что он искренне заблуждался - можно было только много позже. Тогда же Галанин отчего-то верил именно в себя. Если же противник не сдавался (любой оппонент через время становился противником), Галанин всячески высмеивал его, приглашая в невидимую дискуссию (невидимую для "оппонента") других людей. Бессознательно очерняя своего противника в глазах их. И расставляя своего рода ловушки и разбрасывая мины замедленного действия.

И уже получалось так, что через время оказывалось, что так, как считает Галанин - считают и другие люди. И то, что в большинстве своем такие люди находились в кругу общения оппонента - делала его дальнейшее сопротивление бессмысленным.

Да и вообще, если разобраться, мало кто сможет до последнего противостоять общественному мнению (а другие - уже общество; тем труднее, что членов такого общества вы еще к тому же и знаете).

И уже получалось так, что перед Дмитрием Галаниным недавние противники сникали. Сдавались, в общем. А он, чувствуя свою победу, благосклонно взирал на их поражение. И при этом уже со временем зная (такую закономерность он вывел сам), что вскоре изменит собственное решение. Признавая ошибочность уже своих взглядов. Хотя и опасаясь сказать об этом вслух.

От чего репутация его вроде как не страдала.

Но в душе Дмитрий чувствовал себя после каждого такого раза весьма прескверно.

.....

Совсем нельзя было сказать, что Дмитрий считал, что так будет продолжаться и дальше. Он вполне даже мог полагать все это исключительно временным явлением в его жизни. Особенно зная, что саму жизнь никогда до конца невозможно просчитать.

Но вот в том-то и дело, что, даже считая так, он не верил, что в ближайшее время это закончится. И в его душе наступит какое-то единение между бередившими его душу тревожными мыслями, и быть может теми же самыми

мыслями, но которым у него было заметно более оснований верить. Ведь часто так выходило, что могли оказаться ошибочными и те и другие. Тогда как среди всего того, о чем он когда-то размышлял, как раз и скрывалась частица той правды, которая и была ему на самом деле нужна. Вот, правда, при всем стремлении отыскать ее, Дмитрий порой самым настойчивым образом себя же и запутывал.

После чего выкуривал несметное количество сигарет, да и вообще - мучился да переживал в поиске истины, которую искал.

Искал и не находил. А когда его способности вводить других людей в заблуждение достигали своего апогея, Галанин делал лишь слабые попытки противиться этому.

Но уже быть может потому, что такие попытки не доводились до сознания (а происходили исключительно в подсознании), какой-либо эффект от них становился возможен значительно позже.

.....
...

И все же Дмитрий Галанин решил не изменять себе. --Зачем?-- задавался он вопросом, понимая что так выходит, что оказывается прав. Причем уже как будто и независимо от того, насколько вся эта правота ему была нужна или даже необходима.

Рассматривая собственное отношение к жизни, Дмитрий на миг усомнился в собственных возможностях решать чью-то судьбу, вынося в противовес неумение решить судьбу собственную.

Хотя и, наверное, так выходило, что еще совсем нельзя было что-то изменять ему как-то быстро и кардинально. Ведь могло получиться (об этом он как раз подумал сейчас), что все, к чему он раньше шел, но что до конца и не получалось - окажется как раз необходимым ему. И уже после этого произойдет в его душе нечто, после чего он выровняет свой жизненный путь. Точнее, тот совсем незаметно станет правильным и нужным ему. А его

невольные размышления о том, что якобы не получалось в его жизни и было ошибочным - словно бы само собой отойдет на второй план. После чего все словно бы независимо ни от чего станет на пути своя. И уже не будет казаться, что когда-то он совершал какие-то ошибки или нелепости. А все будет более чем главным и правильным. И необходимым в своем продолжении.

Глава 4

Загадочный человек был Костя Неелов.

Двадцатиоднолетний парень в зависимости от ракурса смотра на него выглядел и зрелым мужчиной, и парнем своих лет. И при этом в большинстве случаев все же казался он каким-то не всем понятным.

Причем необычность его начиналась со внешнего вида (высокий какой-то, и излишне худой, с живыми глазами и активной жестикуляцией), подтверждалась речью (сбивчивой, или наоборот - льющейся словно поток реки по каменистым склонам), и заканчивалось все уже анализом тех поступков, которые совершал Костя Неелов, и которые нехотя (или лучше сказать, -- вынужденно) оценивали окружающие.

Впрочем, заметим, что последних было немного. Даже среди студентов его многочисленной группы (Костя заканчивал факультет археологии) постоянно общающихся с ним было немного. Еще меньше было желающих такого общения. И по большому счету, если говорить о предпочтениях Константина Неелова, то уже можно заметить, что как раз ему мало кто был нужен. Хотя и, конечно же, нужен. Просто все общение его было скорее вынужденно, чем действительно по велению души. Да и какая душа, если еще с детства Неелов привык руководствоваться только личными интересами. Можно даже сказать, что он начинал какое-либо мероприятие, если явно чувствовал в заключении его явную выгоду. Если же оной по каким-то причинам не намечалось, Константину все было не нужно, и на самом деле даже неинтересно.

И при этом он был достаточно приветливый молодой человек, носил окладистую бородку (невольно прибавлявшую ему несколько лет жизни), да и вообще, лицо его явно излучало доброту и улыбку к окружающим. Ну а то, что разум Неелова в действительности молниеносно просчитывал любые компоненты возможной прибыли (прибыли с любого возможного мероприятия), то уже оказывалось, что он и вовсе был страшным человеком. Ну и еще -- достаточно циничным, и неохотно признающим какие-либо компромиссы. (К слову сказать - компромисс становился возможен в случае, если Неелов заранее просчитал какую-либо выгоду-прибыль намечавшегося мероприятия).

По своим жизненным пристрастиям Неелов представлял из себя этакое смешение различных пристрастий, от веры в необходимость каких-то действий, и до неизменного желания на самом деле ничего толком не делать. Если это не приносило морального (а позже, с возрастом, и материального) удовлетворения.

Вообще, так получалось, что Неелов вскоре действительно перестал делать что-либо такое, что, в его представлении, не приносило бы ему какой моральной выгоды.

Причем даже выходило, что выгода со временем превращалась в некое материальный достаток. Но это уже скорее происходило как бы само собой, нежели чем в подобном необходимо было искать какую каверзную заинтересованность кого-либо, и, прежде всего, самого Неелова. Ну, так уж действительно выходило.ак уже получалось, что выгода со временем превращалась в некое материальный д

ое приносило бы ему какой моральной выгоды.ого же

Глава 5

Следовало признать, что Галанин неким чудодейственным образом выстраивал собственную жизнь. Жизнь, прежде всего, заключалась в тех механизмах, которые он оттачивал. И судя по всему - которые у него выстраивать получалось.

Прежде всего было удивительно (и сей факт хотелось бы отметить), что все ближайшее окружение Галанина волей-неволей исходило из его установок (попросту - плясало под его дудку). Причем только поначалу можно было сказать, что у самого Галанина подобное происходило лишь на некоем интуитивном уровне. Но он был вполне смысленный молодой человек. И видимо сопоставив что к чему - стал (вполне даже еще не осознавая - умысел видеть в его поступках не хотелось) весьма искусно пользоваться подобным. Причем вреда никому он не наносил (это бы противоречило его принципам), а вот пользу видимо все же извлекал. И даже если признать, что в такой пользе не просматривался никакой меркантильный интерес, тем не менее стоило заметить, что со временем у Галанина заметно улучшилось настроение. И он даже мог сказать, что все в его жизни как бы устаканилось. Причем глупо было бы считать это дело вмешательством каких-то сверхъестественных сил. Хотя и, разумеется, все было не так просто.

.....

Почувствовав реальную силу, скрывавшуюся внутри, Дмитрий Израилевич как-то даже внешне разом окреп и возмужал. И при этом (что, должно быть, было самое любопытное) у него изменилось внутреннее мироощущение.

Другими словами, он стал по-другому мыслить. И даже если предположить, что поначалу подобного он не замечал, со временем все-таки осознал, что из всего этого можно извлекать несомненную пользу. Ну и стал продолжать действовать дальше. Живя той жизнью, вкус к которой почувствовал самым неожиданным образом.

Глава 6

--Панкеев Василий Петрович, сорока восьми лет, уроженец города Сочи...--зачитывал человек в форме лейтенанта милиции, периодически поглядывая на стоявшего перед ним самого Панкеева.

--Меня в чем-то обвиняют?--спросил пораженный Панкеев.

Василию Петровичу не понравился взгляд милиционера, которым тот одарил его. В этом взгляде можно было прочесть все что угодно. Сам Панкеев читал в этом взгляде недовольство на себя, и даже может быть (если предположить) какую-то затаенную злобу со стороны сотрудника милиции. Хотя и Панкееву было непонятно, в чем его могут обвинять.

--Я в чем-то виноват?--вновь обеспокоено спросил он, стараясь казаться расслабленным, но тело его дрожало, как будто он и на самом деле совершил какое-то преступление.

--Свободны,--сухо произнес милиционер, сунув в руки Панкееву паспорт, и повернулся, чтобы уйти.

--Вы не можете так просто уйти,-- произнес Панкеев.

Милиционер повернулся и с удивлением посмотрел на Панкеева.

--Вы не можете так просто уйти,--сквозь обуявший его страх проговорил Панкеев.

Лейтенант медленно осмотрелся по сторонам, и, убедившись, что поблизости никого нет, коротко ударил Панкеева под дых, а после еще пару раз пнул ногой скрючившегося от боли Василия Петровича.

Неожиданно из-за поворота показалась семья (папа, мама, и двое детей). Быстро махнув кому-то, лейтенант стал приподнимать Панкеева. Рядом притормозил УАЗик. Вместе с вышедшими из него сержантом и водителем лейтенант затолкал Панкеева вовнутрь машины, и та, взвизгнув тормозами, уехала.

Никто ничего не понял. А труп Панкеева через время обнаружили на окраине города. Причем по всему было заметно, что его сбили машиной, а после уже оттащили на окраину шоссе, сбросив в канаву (разыграв несчастный случай).

Естественно, убийц не нашли (практика довольно распространенная в России). Естественно, о милиционерах никто не подумал (определенная часть преступлений в России совершается "оборотнями в погонах"). А значит, и невозможно было узнать о причинах убийства. Галанин и остальные знакомые Панкеева приняли это как один из

фактов, которые понять было так же трудно, как и осмыслить.

Глава 7

Завгаев Герман Евгениевич казался одновременно и престранной личностью и в то же время весьма любопытной. Да и сам по природе человеком был любопытным, и даже можно сказать удивительным. Ну, разве что, сам бы удивился, скажи про него кто такое. Завгаев вообще не любил, когда про него что-то говорили. И старался как-то незаметно спрятаться за спины других, нежели чем проявить какую-то свою самостоятельность.

Впрочем, в пятьдесят два года (столько было Завгаеву) не так-то и просто куда-то да за кого-то спрятаться. Можно даже предположить, что в иные разы Герман Евгениевич чувствовал, что совсем не должен прятаться.

И тогда он словно незаметно старался выпячиваться, вылезая вперед, и стремясь каким-то образом обратить на себя внимание.

Следовало сказать, что это у него не всегда получалось. И даже, иной раз, не получалось и вовсе.

Но вот все время стремился Завгаев к чему-то важному в его жизни. Пусть и даже не улавливая толком что это было за важное, он, тем не менее, обычно добивался хоть каких-то поблажек для себя. И эти поблажки совсем не были из области чего-то материального. Совсем нет. О подобном нисколько не только не говорили, но Завгаев даже и ни о чем подобном не хотел слышать. Но зато если дело касалось его души (или того, что могло принести этой душе счастье и радость), то Завгаев сразу как-то преобразовывался неожиданным образом. И даже получалось, что он больше не чувствовал себя откровенным мерзавцем. Тогда как, находясь в обычном своем состоянии, он-то как раз мерзавцем себя чувствовать был обязан.

Когда-то у Германа Завгаева была другая жизнь. Ровно до двадцати двух лет он жил жизнью, о которой в течении еще

десяти лет всячески стремился забыть. Причем, избавление от воспоминаний еще совсем не означало, что воспоминания эти были печальны для Завгаева. Можно сказать что нет. Тем более если предположить, что прошло еще лет двадцать уже после попыток забыть эти воспоминания, и Завгаев стал стремиться непременно вспомнить нечто, что случилось с ним когда-то. И уже эти воспоминания, в свою очередь, могли принести ему (в зависимости от контекста желания) или пользу или вред.

Можно было сказать, что Герман Евгениевич нечасто в последнее время мучился какими-то сомнениями или нелепостями, заполнявшими его светлую голову. С недавних пор все неким таинственным образом действительно изменилось. Причем, насколько это получилось продуктивно (для его психики и последующей проекции по отношению к жизни) уже можно судить хотя бы потому, что Завгаев как-то странно изменил и свою жизнь. Прежде застенчивый и практически нелюдимый (разговоры с людьми ограничивались деловыми встречами и разрешением совсем уж наболевших вопросов), теперь Герман Евгениевич завел себе двух любовниц (меньше он считал несолидным), как-то быстро нашел десяток людей, которых стал считать товарищами, да и вообще, изменения коснулись и его восприятия жизни. Прежде всего, он сменил работу (невзрачный клерк - а таковым считал себя художник Завгаев -- вдруг возглавил спортивный комплекс - когда-то Завгаев неплохо стрелял из пистолета). И понял, что эта жизнь ему нравится заметно больше. Да больше он стал и зарабатывать (заметно больше, и никак раньше - хаотично и непредсказуемо, а стабильно и много). И как-то уже словно бы незаметно перешел в другой круг. Теперь его друзьями стали писатели, ученые, бизнесмены, люди театра и кино. В общем, какая-никакая элита. Причем так получалось, что Завгаев стал считаться среди них своим. Правда, для того чтобы совсем уж не нуждаться, он вынужден был брать взятки. Но как раз именно взятки позволили ему вскоре перейти на государственную службу. И даже так получалось, что его там уважали.

Вскоре, слегка подправив документы (был такой грех, о котором он тут же постарался забыть) Герман Евгениевич возглавил определенную должность в министерстве культуры (местном, Питерском, министерстве). И теперь даже мог решать кое-что серьезное. От него стало что-то зависеть. Он стал... Ну в общем, так получилось, что у Германа Завгаева неожиданно все устаканилось (в его голове и мыслях). И он даже стал подумывать, не жениться ли ему на дочери какого бизнесмена-олигарха, чтобы тем самым стать еще ближе к элите, но вспомнил про возраст, решил пока ограничиться тем, что взять на содержание еще двух девушек. Теперь его любили (за деньги и постоянно) четыре девушки. И он даже подумал о том, что жизнь в какой-то мере удалась. Да, быть может, так и было...

Глава 8

Галанин почувствовал, что непременно в самое ближайшее время должен что-то делать, потому как...засиделся.

Ведь так выходило, что хоть в его голове периодически и возникали какие-то образы, но ведь до чего-то серьезного (и действительно нужного ему) дело никак не доходило. Более того. Выходило так, что он периодически удалялся сам от себя в желании себя же разгадать. Понимая тогда, что о себе он уже знает достаточно. И быть может после одного из подобных "осознаваний" Галанин и решил более подробно изучить тех, кто его окружал.

Имелся в виду, конечно, ближний круг. С небольшими натяжками к таковому можно было отнести Зарубина, Завгаева, и Неелова. Были две девушки (Вера Паланина и Мария Выготская), но их Дмитрий Израилевич, что называется, держал в уме. А Панкеев был мертв (случившееся до сих пор вносило сумятицу в мозги Галанина, и потому он старался об этом не думать).

Галанин неожиданно вспомнил Марка Дожавью. И тут же зазвонил телефон. Дожавью подтверждал свою способность напоминать о себе, когда о нем вспоминали.

--Дмитрий?--осведомился Дожавью, и получив утвердительный ответ, попросил возможности срочно приехать.

--Приезжайте...-- растерянно протянул Галанин, пока не сообразив, отчего американец спрашивает у него разрешения о приезде в Россию.

--Я действительно могу приехать?-- уточнил Дожавью.

--Я вас уже жду,--отрезал Галанин и положил трубку, улыбнувшись и тут же чертыхнувшись (может наоборот).

Сейчас для его мозгов получилась новая работа. Ему необходимо было в срочном порядке разобраться во многом. И прежде всего, продумать модель встречи с Дожавью.

--По всему,-- подумал Галанин,-- американец приезжает не зря. Скорей всего у него вновь возник план использования моего потенциала,--предположил Галанин. Ну, или же...

Вот как раз что это было за "или же" -- Дмитрию и требовалось разрешить до приезда Дожавью. Чтобы, так сказать, подготовиться к встрече.

.....

Марк Дожавью неожиданно понял, что в России создались предпосылки для его возвращения. За тот бизнес, который он раньше вел, теперь не сажали. Да и вообще в России бизнес теперь стал в законе. Поэтому Дожавью подумывал даже вернуть себе прежнее имя и стать вновь Михаилом Георгиевичем Циберманом.

Впрочем, пока что-то решать кардинально он опасался. И решил приехать в Россию прежде всего осмотреться. Ну а потом уже решить, стоило ли возвращаться окончательно.

И хоть возвращаться окончательно Циберман (Дожавью) не собирался, сейчас думать о возможности подобного поворота ему было как-то по-особенному приятно. Ну и, кроме того, он решил вдруг все же использовать Галанина и возможные связи того. Причем о связях Дмитрия он не знал, но догадывался. И даже если бы тех не было, ход истории уже было не переписать. Потому как у Дожавью возникла идея попытаться создать русскую коммуну на территории Америки. И собрав там эмигрантов - попробовать переиграть

историю. Воссоздав частичку Советского Союза, пусть и в заметно уменьшенном формате.

Прихоть - а приятно, как говорится. Дожавью понимал, что реального подтверждения действительностью его проект вряд ли будет иметь. И даже вполне возможно, что у него совсем ничего и не получится. Но с другой стороны,-- у Дожавью были деньги. Свободные деньги (лишними деньги бывают только в исключительных случаях). И он вполне мог позволить часть суммы на, своего рода, развлечение. И не для этого ли когда-то купил он землю на границе с Мексикой. Причем, по своим размерам и скрытости от ненужных глаз (частная собственность в Америке охранялась соответствующим образом) все как нельзя лучше подходило для задуманного Дожавью эксперимента. Ну а на роль главного исполнителя - был выбран Галанин (с семьей к тому времени Дмитрий расстался, так что ничто ему не мешало и не сковывало).

.....

Галанин как-то быстро узнал о призрачности проекта, который собирался ему предложить Циберман. Видимо сыграла роль и информация о ложной сущности Цибермана. Сопоставив искреннее уверение того в том, чтобы называли его Марк Дожавью (тогда), и открытые карт сейчас, дали эффект более неожиданный, чем предполагал Циберман. И вместо того чтобы сблизить, тем самым он невероятно отдалил от себя молодого человека. Причем тот не только стал его сторониться, но у него даже промелькнуло предположение сдать Цибермана - Дожавью соответствующим органам (в Большой дом, например), и тем самым помочь Родине найти врага.

Впрочем, любая форма предательства Дмитрию претила. Поэтому он решил просто оставить в покое чудака Цибермана. Чтобы тот, получается, жил своей жизнью. И если хотел что-то сделать подобное тому, о чем так и не успел рассказать Дмитрию, но о чем Дмитрий неким таинственным образом узнал,-- то отчего ж, как говорится,

подобное и не сделать. Тем более что так получилось, что Галанин хотел Дожавью добра. А, понимая, что и тот хочет того же, он решил просто оставить старика в покое. Мол, пусть наслаждается собой, своим видением ситуации. А сам Галанин...

А вот у Галанина видимо были далеко идущие планы. Потому как через время он понял, что многое в той ситуации, что происходила вокруг него, его не устраивала. А значит уже так получалось, что он вполне имеет право на какие-то изменения. Пусть даже пока он толком и не знал, в чем такие изменения должны происходить.

Глава 9

Костю Неелова на самом деле совсем не устраивала ситуация, когда с ним мало считались. Он был, конечно, весьма деятельным молодым человеком. И если были у него недостатки, то явно все перевешивала его молодость. Когда он чувствовал, что понимает иной раз на порядок больше чем других, и при этом вынужден был с этими другими считаться.

Тогда как о многом он вообще мог не говорить, представляя людям догоняться самим. Но вот Неелов так не мог. Ему в какой-то мере было даже жаль людей. Потому как получалось, что он чувствовал, что если совсем уж отпустит собственное бессознательное, то окажется в некоем вакууме. При дальнейшем нахождении в котором будет способен если и не сойти с ума, то что уж точно, считаться с наличием некоторых отклонений у себя. А этого ему не только не хотелось, но он знал, что подобное и вовсе перечеркнет все его невольные достижения в жизни. И пусть пока эти достижения измерялись лишь тонкой гранью чего-то невидимого, простиравшегося в границах между сознательным и бессознательным. Тем не менее было уже вполне явно заметно, что все это больше непонятнее, чем, быть может, является на самом деле. При том что Неелов (настоящая фамилия его была Оленев, но он ее стеснялся и взял псевдоним Неелов) и на самом деле чувствовал многое, что еще не только могло быть, но и наверняка было. Вот

только получалось так, что мало что он угадывал в том мире, в который все чаще вынужден был погружаться. И даже если предположить, что сам Неелов о чем-то подобном бы и не догадывался, на самом деле становилось более чем вероятно, что все же дошел бы. И даже осознал бы... Со временем, видимо, он многое бы осознал. Даже решив...

Впрочем, Константин Неелов все же был не так прост. И если что-то ему хотелось чтобы о нем думали, то лишь означало бы, это что все это было действительно так.

.....

Завгаев отчего-то решил, что жизнь, подобная той, которую вел он, не совсем приемлема. В первую очередь было бы нечестно продолжать обманывать надеждами женщин. И хотя он понимал, что их, в общем-то, и не обманывает (жениться никому не предлагал, да и девушек, судя по всему, устраивало нахождение в роли содержанок), тем не менее по факту - это все равно был некий обман, потому как было не совсем правильно поступать так. А значит, уже получалось, подобное положение необходимо было менять. И менять сразу и принципиально.

--Ты так действительно считаешь?-- удивленно посмотрел на него Зарубин, и Герману Евгениевичу Завгаеву показалось, что Виктор Иванович Зарубин был действительно прав. Однако он не показал вида, и даже наоборот, с некоторым вызовом посмотрел на Зарубина.

Виктору Ивановичу был безразличен и этот взгляд, и общий фон беседы со своим приятелем, потому как он никогда ни в чем не был уверен. Разве что любил показать видимость уверенности. А равно предположить, что в чем-то если он и мог сомневаться, то все это было не так важно в момент этих сомнений. Хотя и становилось несколько тревожно после. Но все было в пределах нормы.

--Послушай, Виктор Иванович,-- внимательно посмотрел на Зарубина Завгаев.-- Ведь у тебя никогда не было оснований мне не верить.

--Не было,-- поспешил кивнуть Виктор Иванович.

--И значит, если я тебе сейчас кое-что предложу, ты обещаешь, что перед тем как отказаться, крепко подумаешь.

--Обещаю,--секунду помедлив, кивнул Зарубин.

Завгаев еще раз видимо что-то взвесил, а потом предложил своего рода сделку. Он, Завгаев, сводит Виктора Ивановича Зарубина с неким человеком, а тот за это ему...

--Я согласен на многое, но не на все,--поспешно произнес Герман Евгениевич и улыбнулся.

--Подожди,--поднял руку Завгаев. И дождавшись пока приятель успокоился ("небольшое перевозбуждение",--отметил про себя Завгаев, в свободное от работы время изучавший популярную психологию), поведал ему, что у него возник чрезвычайно занимательный план, согласно которому появится возможность разом решить финансовые проблемы.

--Финансовые проблемы?--переспросил Зарубин, явно не ожидавший подобного поворота событий.

--Вот именно,--выразительно посмотрел на него Завгаев.--Только не говори, что таких проблем нет.

Завгаев, который последнее время как раз активно решал финансовые проблемы, несколько удивленно посмотрел на собеседника. Свои проблемы он привык решать сам. Да и пока оказывался в состоянии сделать так, чтобы подобных проблем не было. Хоты бы пока он работал на соответствующей - денежной - должности.

Ну и примерно о чем-то таком он сказал Зарубину. А тот, разом изменившись в лице и посчитав про себя, что его товарищ предатель - вывалил на него ушат грязи из обвинений и прочих словесных мерзостей. После чего развернулся и гордо ушел.

--Сволочь,--чуть слышно выдохнул Завгаев, искренне не понимая, чем он мог так обидеть товарища.-- Сволочь, сволочь, сволочь... --повторил он, и круто развернувшись на носках (в свое время Завгаев готовился стать офицером, да передумал) зашагал прочь, напевая себе под нос какую-то песенку. Песня была о том, что с песней легче на сердце и в душе, и возможно построить все, в том числе и свое будущее.

.....

Виктор Иванович Зарубин на самом деле был не так прост, как его кто-то (большинство его приятелей, например) мог представить на первый взгляд. И даже иной раз получалось так, что мысли его переполняла какая-то одна гениальная идея. А сам Виктор Иванович особо не переживал, что эта идея оказывается в сущности мистически-невыполнимой. И даже может оказывается так, что...

Впрочем, все было не так просто. Посвятив себя карьере ученого, Виктор Иванович считал, что ничего в жизни его не должно интересовать, если было направлено на что-то иное, кроме науки. Физику он любил с детства, пронес любовь через юность и молодость, и теперь, находясь в относительно зрелом возрасте, понял, что он на самом деле ничего и не потерял. И если предположить, что сам он еще не так стар, а впереди у него поистине много чего прекрасного и великого - то оказывалось, что все шло своим, необходимым ему, чередом. И ни о чем не нужно было не только печалиться, но и как-то даже тревожиться, что ли.

Галанин, Дмитрий Израилевич Галанин разделял пристрастия друга.

Знал он его уже десять лет. Все эти годы можно было признать, что они и на самом деле дружили. Причем, дружба -- это еще совсем не значит ежедневное общение.

Притом что общались они как раз чуть ли не каждый день, будучи соседями по лестничной клетке.

Такое случалось нечасто. Часто как раз соседи остаются соседями, а друзья - друзьями. Здесь же словно бы получилось так, что вполне совмещалось одно с другим. И наверно трудно (а сейчас, пожалуй, уже и невозможно) сказать, когда между ними пролегла та грань, которая стирается любые границы и обращает двух как будто бы еще недавно доселе посторонних людей - в сначала приятелей, а потом уже и друзей. Ну, или бывает (в редких случаях, но бывает) когда два человека, живших до этого каждый своей жизнью, вдруг начинают общаться самым тесным образом. И

оказывается, что они действительно друг другу необходимы. А мысли одного - самым невероятным образом оказываются схожи с мыслями другого. После чего наступает в душе каждого из них то умиротворение, благодаря которому быть может и хочется жить. И что уж точно, хочется дружить, общаться, видеть этого человека. И если это женщина - испытывать к ней влюбленность (Галанин, например, назвал бы это так; а Зарубин вполне с ним согласился бы), а если мужчина - самую настоящую привязанность.

Но они дружили, и быть может совсем об этом не думали.

И как-то так получилось, что именно Галанин, заметив, что чело духовно близкого ему человека все чаще опечалено, чем весело, вскоре узнал причину. Причем, узнал он, что причиной был Завгаев и мысли Зарубина о несостоявшемся разговоре. А уже сам Галанин догадался о чем тот хотел поговорить с ним. И сопоставив имеющуюся у него информацию о том, что некто Марк Дожавью (Михаил Циберман) продолжает носиться с идеей Переворота (или как минимум - восстановления строя бывшего государства на вверенной ему территории), тут же обо всем рассказал Зарубину. Чем весьма успокоил того, потому как оказалось, что тот, конечно же, совсем не собирался принимать подобное предложение; даже независимо от кого бы оно не исходило.

--Сволочь,--выругался Завгаев, узнав о состоявшемся между двумя друзьями разговоре. Но то ли действительно он собирался переговорить с Зарубиным именно об этом, то ли просто уже счел нецелесообразным вообще о чем-то с ним разговаривать, но вышло так, что на какое-то время он не только отстал, но и совсем потерял из вида и Зарубина и Галанина.

Ходили слухи, что Завгаев уехал за границу. Но до конца еще и веря и не веря им, Дмитрий Галанин вскоре узнал, что Герман Евгениевич Завгаев находится в мексиканской тюрьме. Причем вменяемая ему статья, по всей видимости, не позволяла выйти сухим их воды. И когда прошел не один месяц, а о Завгаеве ничего не было слышно, Галанин как-то быстро о нем забыл. А Зарубин так и вовсе вычеркнул

Германа из списка своих знакомых. Ну, или точнее, знакомым он был, а вот товарищем...

Глава 10

Он мог бы сказать, что ему многое безразлично. И при этом знать, что обманывает себя.

С другой стороны Воронов не так-то верил и себе. А что касается других - отчего-то старался доверять. Получается, он себя обманывал чаще, чем кто-то его?

На самом деле Коля Воронов не ставил вопросов, и не ожидал ответов. Как то так вышло, что его вполне устраивало то, что было. И даже если предположить, что что-то до сих пор в его жизни было не так, Коля не придавал этому такого уж серьезного значения. Считая подобное мелочью, или же просто не утруждая себя излишними измышлениями. Справедливо полагая, что со временем жизнь все равно расставит все по своим местам. Отбросив лишние, и выделив главное.

Николаю Воронову было уже достаточно лет, чтобы более-менее осмыслить жизнь, придя в этой жизни (и по поводу ее) к каким-то серьезным измышлениям. А потому он как-то особенно не переживал.

Светлый, с длинными, вьющимися кудрями волосами, Николай никогда не видел перед собой жизненных преград. А если возникало подобие оных - не обращая внимания, шагая дальше.

Шагал он обычно с улыбкой, отмеривая своими длинными ногами сразу заметное расстояние, так что вместо одной дистанции ему всегда удавалось проходить две. И лишь однажды он подумал, что может и не стоило ему проходить эти две дистанции, когда другие довольствуются одной. Воронов был весьма совестливым человеком. И никогда не спешил взять себе больше, чем другим. А потому всего лишь раз задумавшись над происходящим, он впредь стал весьма ответственно относиться к происходящему вокруг. И даже если предположить, что в чем-то он ошибался (а это было

так), то никогда не огорчался. И стремился двигаться исключительно вперед. Навстречу новым свершениям, и, наверное, ожидаемым (вряд ли запланированным) успехам-результатам.

С Галаниным Воронова кто-то познакомил. Кто - Галанин не помнил из-за того, что голова его в последнее время все больше была забита чем-то другим. А сам Воронов никогда и не вдавался в подобные вопросы. Считая, как минимум, что раз познакомили - значит так и надо. А если не помним, кто познакомил, - значит, встреча не случайна, и об этом позаботилась судьба.

Глава 11

Совсем неожиданно у Галанина все стало на свои места. Если прежде он еще в чем-то сомневался или выискивал какие иные пути разрешения проблем, то теперь шел прямо. Не пугаясь остановок, и считая их вынужденно-необходимыми, не больше. После чего шел дальше, не взирая на временные трудности или какие иные нелепые обстоятельства, забиравшие когда-то много сил и времени. Теперь же он мог позволить не обращать на них внимания. Чему был, признаться, искренне рад. Да и вообще изменился Дмитрий Израилевич. Он даже стал выше ростом. Сбросил несколько иногда мешавших ему килограммов. Лицо его озаряла улыбка. А жизненный путь (как и вообще будущее) теперь преисполняла решимость вывести жизнь к новым высотам. И за счет этого вообще изменить свое существование.

.....

Так получалось, что Дмитрий пришел к уразумению, что многое в его жизни (им же самим) ранее делалось не так, как это не то, что надо было сделать, а скорее сделать было возможно.

И уже принимая во внимание подобные обстоятельства, он решил диаметрально противоположно изменить свою жизнь. И первым делом разобраться со всеми попутчиками, кто примазался к нему за время его каких-то неуверенностей, да и вообще жизненных сомнений. Полагая что...

Он и раньше хотел от них избавиться. Но именно сейчас понял, что настал к этому момент. Когда все свои бывшие знакомства можно было оборвать разом. И даже пока не искать им никакую замену. А если через какое-то время так уж захочется общаться - разом (или постепенно) выдумать все и вся. Но вот отличие будет заключаться в том, что теперь он будет подбирать связи более выверено. И в общении с ним не попадут случайные люди, как было доселе.

Часть 4

Глава 1

Как только Галанин наметил правильные ориентиры будущего, это будущее стало вырисовываться правильными ориентирами. Причем еще как будто не сказать, что он согласен был все в нем принять. Но и то, что обещало быть - привлекало Дмитрия Израилевича своей какой-то поразительной открытостью да веселостью. И даже если могло еще показаться что-то не так (как хотелось бы), то все подобное казалось совсем даже не важным.

.....

Изменив в какой-то мере свою жизнь, Галанин неожиданно предположил, что он ведь может не забывать задуманное некогда дело. Пусть и речь о Перевороте не шла, но вот сейчас предложение Дожавью ему вдруг показалось вполне разумным.

Дело осложнялось тем, что в число исключенных из круга общения Марк Дожавью входил наравне с остальными. И если дать поблажку ему - найдет ли Дмитрий тогда обоснование удержат точно также и остальных?

"Вряд ли",--громко произнес Галанин, обращаясь к себе, и встав, принялся отмеривать комнату большими шагами, словно надеясь через какое-то время обязательно что-то придумать.

Придумать не удавалось. Из личного опыта Галанин знал, что стоит дать поблажку в малом, как тотчас же придется вносить коррективы и во все остальное. Тогда как если предположить, что он может попросту забыть о Дожавью и попытаться найти еще такого же деятеля, согласного на то, чтобы на его участке...

"Абсурд",--перебил себя Галанин. Он понимал, что никого другого не найдет. Он понимал, что сейчас намечается некая кульминация событий, согласно которой или его жизнь перейдет на новый виток (наметив следующий - удобный ему - оборот), или же все пойдет прахом. А значит, вполне может получиться так, что уже совсем ничего Галанину решить не удастся. А некая намечаемая истина как будто случайно отдалиться на второй план. Точнее - сначала на второй, а после и вовсе грозило все закончиться. А значит может так случиться...

Вновь перед Дмитрием появлялись загадки. В какой-то мере ему уже удалось в процессе длительных размышлений ранее - избавиться от части таких загадок. Но вот если предположить, что сейчас придется продолжать в том же духе...

В общем, Галанин решил от прежнего плана отказаться. Новую империю не строить. И не рассчитывать также восстановить империю старую. Потому как все, что было новое в его жизни, вполне возможно оно вносило свои, доступные сознанию, коррективы.

.....

Галанину было больно от своего прошлого. Несмотря на то, что он обязал себя не возвращаться в него, совсем избавиться от воспоминаний означало бы для него, быть может, и вообще прекратить жизнь.

И так получалось, что иной раз все... ну даже не ошибки как таковые. Просто он вспоминал, сколько раз по вине его пострадали близкие люди, и ему становилось больно от того, что он еще продолжает жить. Хотя и почти тут же говорил себе этот человек, что его жизнь как раз и есть лучшее подтверждение того, что жизнь других людей была не напрасна. Он, именно он должен создать им посмертный памятник не только своей жизнью, но и, главным образом, достижением в этой жизни того многого, на что эти люди рассчитывали. К чему не только стремились они, но и что они хотели воплотить в нем. И так уже получалось, что родители Галанина (Лидия Васильевна и Израиль Модестович) как бы своей жизнью, своим существованием (после Перестройки родители уехали на ПМЖ в Израиль, где погибли в результате теракта совершенного арабом-смертником, взорвавшим себя в супермаркете) стремились заложить в мальчика (Дмитрий был единственный ребенок в семье) максимально много из того, что было в их силах. И учитывая, что в советские времена в их силах было действительно многое, Галанин-младший получил прекрасное образование. Владел двумя языками. И, в общем-то, если бы не его архи-неудачный брак (в какой-то мере подорвавший здоровье папы и мамы), можно было сказать, что жизнь Дмитрия удалась. Притом что и с браком в конце концов ему удалось развязаться. Да и вообще, получалось, многое, что в его жизни было отрицательного, он сам накручивал себе. Нагоняя совсем не те мысли. И ведя себя как откровенный предатель. То ли искренне заблуждаясь, то ли попросту от какой особой глупости и безразличия в том числе и к себе.

Как-то получилось так, что Галанин почувствовал, что совершенно случайно оказался на пути великого преобразования собственной жизни. Причем, обнаруженное им показалось ему столь интересным и значимым, что он уже несколько не сомневался, что действительно находится

на правильном пути. Разве что еще оказывалось, что концепция (а все эти годы, как оказалось, Дмитрий работал над определенным учением; что можно даже считать делом его жизни, хотя видимо были и другие дела) была настолько значимая и необходимая (необходимая не только ему; на нем, в первую очередь, происходила апробация подобного), что он понял, что вполне может рассчитывать выйти с этим в свет. Точнее - представить разработанную теорию жизни. После чего...

Ну, Дмитрий знал, что все равно придется и дальше продолжать работать. Причем, после достижения какого-либо результата он начинал работать еще быстрее и эффективнее. И это тоже он знал. Хотя вот так получалось, что иной раз какие-либо реальные знания несколько противоречили друг другу. И даже иной раз оказывалось, что еще ничто не было предугадано на самом деле. Да и какие-либо предположения, по сути, не играли существенной роли. Все было...

Дмитрий задумался. Совсем неожиданно в его голову пришла идея все же принять предложение Дожавью. Он тут же достал записную книжку и нашел номер телефона бывшего предателя.

На звонки Дожавью-Циберман не отвечал. Галанин позвонил на мобильный. Там тоже молчали.

Дмитрий уже хотел, было, выругаться (чтобы облегчить себя от ненужного расстройств), как Дожавью перезвонил сам. И с величайшей предосторожностью объяснил Галанину, где они должны встретиться.

--Хорошо, я приду,--сказал Галанин и повесил трубку.

Встреча предполагалась через час. На Невском проспекте. Галанин жил на улице Восстания. До Невского ходьбы несколько минут. Он решил выйти заранее и осмотреться.

Привычка приходить на любую встречу заранее была у Галанина с давних пор. То ли какие кинофильмы про шпионов да разведчиков заложили подобную программу в его подсознание, то действительно у него был легкий невроз (как предположил кто-то из знакомых психотерапевтов), но

уже как бы то не было, Галанин приходил на местность иногда и за час (обычно за полчаса, или как минимум - за четверть часа), помещал свое тело в какое скрытное местечко, осматривался, потом переходил в другое место, проделывал ту же процедуру, и только уже ближе к назначенному часу выходил из укрытия, являя себя обескураженному от внезапного появления Галанина товарищу-знакомому.

Так было и на этот раз.

Однако разговор с Дожавью не получился. То ли человек этот изменился с момента их последней встречи, то ли сам Галанин после своего "прозрения" стал другой, но как-то не претило Дмитрию Израилевичу заниматься делом, в которое он вдруг перестал верить. В чем он честно и признался Дожавью.

Цибberman воспринял слова Галанина с некоторой обидой. И хоть старался подобного не показывать, но было ясно, что ни дальнейшей беседы, ни вообще какого-то разговора в будущем уже не получится.

Наскоро попрощавшись (получилось скомкано и нелепо) знакомые разошлись, чтобы уже никогда не встретится.

А Галанин же подумал, что теперь вообще не было смысла встречаться ни с кем из бывших знакомых. Он видимо и действительно стал другим (как предположил недавно). И уже просто не может воспринимать информацию от бывших знакомых на том уровне, на котором воспринимал ее ранее.

Глава 2

Так получалось, что Галанин несколько запутался в своих измышлениях. Ведь получалось, он к чему-то пришел. И даже делая какие-то выводы, вполне надеялся, что они принесут свои результаты.

Но вот не так-то и легко было на самом деле убедить себя в том, что все, что могло (или что должно было) получиться - было так-то необходимо и обязательно ему.

И тогда он стал вспоминать дальше. Ведь он вполне мог открыть секрет: все что получалось и могло получиться у него сейчас - имело основу в недалеком (учитывая, что был

он еще молодой человек, 20-25 лет) прошлом. И даже сейчас его жизнь, как оказалось, это ничто иное, как повторение пути, который, по всей видимости, он и должен был пройти, и не мог, и шел, и сбивался с пути, да и вообще, оказывалось, что Дмитрий Галанин на самом деле верил, что его путь несколько иной, чем у других. И что он его также пройдет (должен пройти) по-другому.

Так получалось, что всякий раз натыкаясь на нечто трудное и непредсказуемое, Галанин все равно знал, что будет продолжать движение вперед.

И если даже предположить, что он мог сбиться с пути, если даже в каком-то полубреду допустить, что шел он все это время не туда,-- уже как бы получалось, что все равно перед ним маячила некая путеводная звезда. Звезда, которая, воздействуя на него на интуитивном (бессознательном) уровне - вела его к той цели, которую он должен был достигнуть несмотря ни на что. Несмотря на что-то такое, от чего приходилось ему шарахаться в сторону. А быть может когда-то и просто звать на помощь.

Но если это было так когда-то, то в последнее время случалось подобное все реже.

И получалось, что, несмотря на какие-либо сомнения, иной раз возникающие в его душе, Галанин все равно верил, что достигнет намеченного. И уже действительно несмотря ни на что.

.....
..

Погружаясь в своих воспоминаниях в детство, Галанин чувствовал, что находится на правильном пути. Ведь ему необходимо было начать не разматывать клубок назад, а как бы оставив один - приняться наматывать новый. Уже как бы с оглядкой на старый.

Решив действовать подобным образом, Дмитрий понял, что сейчас он не только находится на пути к цели, но и по

улучшению своего состояния явно заметил, что цель эта правильна, и в будущем способна принести немало положительного.

.....

Дело обстояло таким образом, что Галанин уже как бы угадывал свое поведение, планируя его, и считая, что попросту не должен теперь совершать ошибок, чтобы хотя бы в будущем вновь не заниматься исправлением их.

Что он мог сказать о себе. Всю жизнь он испытывал противоречивые чувства. С одной стороны ему казалось, что делает он все правильно. И за исключением мелких ошибок (да и, по сути, незначительных) верил, что жизнь живет не зря. И в скором времени ему удастся в полной мере осознать свое жизненное предназначение.

Но с другой стороны получалось так, что Галанин попросту ошибался. И дело даже, быть может, было не в какой одной принципиальной ошибке. А ошибочен был сам путь. Фактически этот путь не мог привести ни к чему, кроме как...

Галанин внезапно прервал свои размышления. Получалось так, что он чуть не признал сейчас, что его путь был ошибочен. А как же тогда объяснилось бы то, что сейчас-то ему пришло что-то навроде откровения. После чего он уже не считал, что совершает ошибку, и даже зная, что для обретения каких результатов должен исследовать прошлое (быть может как раз и попросту отмотав клубок), отыскав там что-то упущенное ранее.

И уже после этого - придти к единому знаменателю в стремлении наметить определенный план на будущее (пусть даже план этот будет пока достаточно абстрактным и только в общих чертах). Что уже означало, что результат будет достигнут. И этот результат будет положительным.

.....

Оглядываясь на прошлое, так получалось, что Дмитрий Галанин по-прежнему замечал, что что-то он мог бы сделать и по-другому.

--Но ведь с другой стороны,-- отвечал он сам себе,-- уже так выходило, что в то время когда он, собственно, и совершал какие-то поступки, он видимо руководствовался более трезвыми расчетами, исходящими, прежде всего, из той реальности, которая существовала на тот момент. А значит, сейчас он как бы и неволен в чем-то обвинять себя. Ведь так могло случиться, что как раз ошибается он именно теперь. А на тот момент попросту и невозможно было поступить иначе.

Разрешив, таким образом, периодически мучившие его противоречия, Дмитрий Галанин понял, что попросту не должен вдаваться в излишние потребности найти нечто, что как-то изменило бы его жизнь. Ведь так получалось,-- понял он,-- что жизнь его все равно движется по заданному свыше кругу. И если только предположить, что станет возможно нечто иное, то он тут же,-- решил Галанин,-- признает свою ошибку.

Но в том-то и дело, что ничего иного не намечалось.

--А значит сейчас,--сказал себе Галанин,--он должен жить если и не как раньше, то, что уж точно - с оглядкой на прошлое.

И что самое главное (Галанин улыбнулся при мысли об этом) сейчас, в своем настоящем, совершать меньше того, что в последующем (еще через 5-10-20 лет) будет приводить его в какое-нибудь недоумение, сопровождаемое попыткой разрешения наболевших вопросов.

Глава 3

Можно предположить, конечно, что Дмитрий Галанин допускал какое-то время на раскачку. После чего, решил он, самым настоятельным образом подойдет к поиску себя.

Но вот в том-то и дело, что себя-то он уже не искал. Как-то достаточно схематично наметив прерогативу жизненного

выбора, Дмитрий почувствовал настоящее облегчение собственного состояния. То есть он еще, конечно, продолжал думать о какой-либо ерунде, -- но это уже было не столь важно (понимал он). И если пройдет еще какое-то время, то вполне возможно, что все забудется. По крайней мере, его сознание (его мозг, прежде всего) уже не будет столь настойчиво воспринимать нечто, не нужное ему. А в остальном он мог вполне положиться на себя. На свою веру в избранность существующего.

И уже так получалось, что сама цепочка противоречий вдруг самым загадочным образом стала разрушаться. Галанин видел, что это так. Его уже совсем не беспокоило нечто, что могло бы привести в каком-то необратимым последствиям в факторе восприятия его психикой социума (контактов в социуме). И подумав обо всем этом, Дмитрий Израилевич Галанин удовлетворенно потер руки, предвкушая величие момента. Да оно, наверное, и было. Потому как он заметил, что ему вдруг стало совсем не нужно врать или изворачиваться. И все, о чем он когда-то мечтал - начинает медленно сбываться.

И так получалось, что он как-то разом обрел новые перспективы того, что могло (что должно было) с ним произойти. И совсем невзирая на какие-либо обстоятельства, Дмитрий Израилевич принялся жить жизнью, к которой фактически все время стремился. И если рассудить как это должно было быть на самом деле, то уже получалось, что он как раз интуитивно нащупал верный путь. Пусть, который должен был в итоге привести его к такому нужному результату. А значит и будет оправданна фактически вся его жизнь. Какой бы запутанной эта жизнь не была.

Глава 4

Галанин чувствовал, что жизнь его на самом деле даже более упорядочена, чем он доселе мог бы это представить. Например, он совсем случайно открыл, что перед началом какого-то важного события в его жизни (если событие: 1) обещает таким быть; 2) действительно является таковым в

результате последующего анализа-воспоминаний), что получает он некое предвидение, начало которого становится возможно в результате особого рода сопротивления. Когда ему кажется, что как будто нечто в его сознании (мысли?) начинают наслаиваться друг на друга. И уже кажется, что как будто необходимо во что бы то ни стало подчиниться этому движению. Что вроде как если дать какую поблажку - подобное состояние уйдет. И будет неизвестно ("совсем неизвестно", --отметил про себя Галанин) возвратится ли оно к нему когда.

--Так может получиться, что не возвратится,--отчего-то подумал он, и тут же поспешил избавиться от подобных мыслей.

Он всегда теперь избавлялся от таких мыслей. Уже выходило так, что они совсем не несли в себе какого-то положительного заряда, которым характеризовались ранее. И даже если предположить, что через время возвращались на привычный круг, все равно Дмитрий испытывал какое-то неудовлетворение. Словно бы опасаясь, что в любой момент все может разом прерваться; и, закончившись на полуслове - уже не вернуться обратно.

Это было, наверное, самое мучительное время. В такой период жизни Галанин искренне расстраивался, что все происходит именно так. И ему если и хотелось, чтобы все как-то разом и быстро прекратилось, то он уже был не волен приказывать себе. Допуская при всем при том, что и продолжение мучений как бы будут обрекать его на рождение в его бессознательном чего-то до странности мучительного, и в итоге все равно все это не приведет к какому-то единому знаменателю.

--А лишь, быть может,--подумал Дмитрий,--еще больше запутает и то, что есть, то, к чему он уже пришел (в своих размышлениях), то, что таким трудом удалось как-то систематизировать.

И вот все это грозило разом закончиться.

А единая цепочка мыслей, мыслей, которые удалось с таким трудом собрать в единую цепочку, оборваться разом и навсегда.

Этого он не мог допустить. Шаткий мир согласия между своим внутренним миром и миром внешним (тем, что его окружало: социумом, обществом) как вроде бы установился, и должен был во что бы то ни стало поддерживаться. Ведь если допустить, что он разрушит его ("а такое становилось возможно,--верил Галанин,--в результате его исключительно ошибочных действий"), то придется начинать все сначала. Ведь он уже знал, что единый раз испытал нечто похожее, уже не сможет отказаться от этого. А значит будет вновь и вновь возобновлять свои поиски. И уже это, в свою очередь, способно сопровождаться какими-то новыми мучениями как для него, так и для людей, которых его окружали.

--И при этом,--подумал сейчас Галанин,--его ведь, так получается, окружает и не так много людей. С некоторыми он вполне сознательно разорвал отношения. С некоторыми просто перестал общаться, и они словно бы сами отстали от него. А ведь были и такие,--вспомнил Дмитрий,--которые хотели вроде как и восстановить общение с ним. Но то ли его холодный тон ("который не был таким никогда",--подумал Галанин), то ли скорей всего его безразличие, которое угадывалось бессознательно (замечалось на интуитивном уровне), отпугивало этих людей. И уже так получалось, что он оставался или совсем один, или...

Один он не оставался никогда. Выходило так, что на место бывших знакомых заступали новые. Которые несли свою вынужденную вахту без тени упрёка, хотя и до поры до времени.

После чего вновь сменялись.

И на место им заступали другие.

И так уже получалось, что процесс этот обещал быть достаточно длительным. Особенно если предположить, что все, о чем бы ни размышлял Галанин, через какое-то время воплощалось в действительность... И это, пожалуй, было особенно загадочно.

--Подумать только,--встрепенулся Дмитрий он внезапно пришедшего в его голову откровения.--Если бы я и раньше научился что-то похожее замечать, улавливая в том, что все это время пребывало вокруг, я бы может...

Он задумался. Окончания фразы Галанин не знал, но отчего-то ему показалось, что закончится она должна была как-то по-особенному. Быть может даже наметиться некий сверхъестественный поворот, после чего все обернется разом и иначе.

Дмитрий с трудом удержался от продолжения разговора с собой. Такое уже было. Начавшись внезапно, Галанин только через какое-то время разговора понимал, что он на само деле с кем-то разговаривает не в своем внутреннем мире, не про себя, а ведет беседу наяву, и даже настойчиво пытается в чем-то убедить собеседника.

--Скорее оппонента,--непроизвольно подумал Галанин, и вновь встрепенулся, осознав что в комнате кроме него никого нет (он находился в своем загородном доме), а подобное продолжение беседы уже будет фактически означать, что он сходит с ума.

--Медленно сходит с ума,--усмехнулся Галанин.--Или же уже сошел,--добавил он, задумавшись над тем, отчего все так странно происходит.

Скажем, что происходило все и действительно несколько странно, и может даже загадочно. Хотя и, по сути, мало что загадочного улавливалось в таких вот откровениях нашего героя.

Однако уже был почти однозначен ответ на когда-либо поставленный им вопрос: сам Галанин нисколько не скрывал, что стремится перевернуть как минимум собственную жизнь. Поэтому в последующие несколько дней он сделал очередную рекогносцировку окружения, убедив себя, что глупо было бы отказываться ему совсем от тех людей, с которыми когда-то свела его жизнь. И почти сразу (совпадение?) как решил он это, в дверь его квартиры позвонили.

--Ты?--искренне удивился Галанин, увидев на пороге собственной квартиры Василия Панкеева, который, как он знал, не только погиб, но и никогда не знал где живет Галанин.

Панкеев прошел в квартиру, попутно освобождаясь в прихожей от плаща и шляпы (начиналась ранняя Петербургская осень), молча прошелся по всем комнатам, и

только после этого позволил себе устало вдавить грузное тело (он как будто раздобрел сразу на десяток килограммов с последней их встречи), и молча уставиться на Дмитрия.

Дмитрий смотрел на бывшего товарища, и не знал, какие чувства на самом деле испытывает. Сказать что радость, так особой радости как будто не было. Однако он и не печалился.

--Скорее всего,-- подумал о себе Галанин так, как если бы наблюдал себя со стороны,--в его глазах легкое недоумение перемешивалось с самым настоящим любопытством. Но ведь ему и на самом деле было любопытно что произошло с Панкеевым с того времени, как тот пропал.

--Где ты был?--спросил Галанин, бессознательно выдавая свое любопытство.

--Подожди, не все сразу,--попросил Панкеев, оглядываясь по сторонам.

То ли в комнате Галанина не было ничего интересного (вполне обычные: мебель - диван и два кресла, книжный шкаф, телевизор, компьютер, музыкальный центр), то ли он уже действительно рассудил, что прошло время, необходимое чтобы опустить вступление, но Василий еще какое-то время помешкал (вдохнул, прокашлялся, снова вдохнул, попытался найти в комнате еще что-нибудь примечательное - жил Галанин в однокомнатной квартире), и рассудив, что видимо уже нет причин дальше тянуть время, наконец рассказал что с ним за все это время произошло.

Оказалось, у Василия Дмитриевича и на самом деле случился, было, конфликт с органами правопорядка. Однако только сейчас он признался, что сам конфликт на самом деле был инсценирован самим Панкеевым. Оказалось, один его давнишних приятелей втянул Василия Дмитриевича, старшего научного сотрудника НИИ, в некую финансовую авантюру. В итоге ничего, конечно, не получилось, да вскоре все и закончилось, их совместное предприятие закрылось. Но тут вдруг оказалось, что Панкеев вместе с товарищем остались должны денег. Товарищ как бы сразу исчез, и все долги повесили на Панкеева, пригрозив, что в случае если он их не отдаст...

Ну, в общем, Василий Дмитриевич решил не искушать судьбу, и вскоре придумал достаточно хитроумный план, рассудив, что если он вдруг исчезнет так же как и его приятель - то вроде как и отдавать уже будет ничего не надо. А к тому времени...

--А к тому времени надеялся, что что-нибудь да изменится,--улыбнулся Панкеев своей наивной улыбкой, посмотрев на молча внимающего ему Галанина.

Галанин поймал себя на мысли, что Панкеев совсем не так прост, как он всегда о нем думал. И еще подумал Галанин, что, пожалуй, должен будет впредь держать с ним ухо остро. Но еще раз посмотрев на Панкеева (который сейчас пытаюсь прикурить, щелкав зажигалкой из которой видимо только что вышел газ), несколько устыдился собственных размышлений.

--Как ты теперь?--спросил Дмитрий, решив уточнить кое-что для себя.

--Случайно встретил сбежавшего приятеля, и узнал, что мы на самом деле ничего не должны,--быстро проговорил Панкеев, посмотрев на Галанина с таким измученным видом, что Галанину даже стало его жаль.

--То есть?--не понял он.

--Ничего не должны,--повторил Панкеев.--Причем мне подтвердили это и те, кто на меня наезжал,--сказал Панкеев.

Галанин сделал недоуменное лицо. Он и действительно пока мало что понимал.

--Все просто,--пояснил Панкеев.--Как оказалось, бандиты на нас наехали по недоразумению. Им нужны были совсем не мы, а фирма с точно таким же названием. Ну, в общем,--улыбнулся он,--почти сразу после того, как они мне тогда озвучили угрозу, они случайно наткнулись на настоящую фирму, которая, кстати, им полностью возместила имеющиеся долги. Ну а мне они уже сказать не могли, ведь меня как бы убили менты,--добавил Панкеев.--Да и приятеля, с которым мы вместе открывали фирму, тоже как бы не было. Вот ребята и решили...

--Подожди, подожди,--перебил его Галанин.--И после этого оказывается, что ты совершенно случайно встречаешься...

--Да,--кивнул Панкеев.--Я встретил Владика ("компаньона",--пояснил он) на площади Декабристов. У меня там живет тетка, временно я отсиживался у нее...

--Ты все это время находился в Петербурге?--не понял Галанин.

--Ну конечно,--кивнул Панкеев.--А куда мне бежать. Город большой, каждую квартиру прочесывать не будут, адрес тетки никто не знал (я жил даже не у нее, а у ее воздыхателя, который как раз перебрался к ней, предоставив квартиру в мое пользование), поэтому я жил...

--А сколько ты собирался так жить?--перебил его очередным вопросом Галанин.--Хотя подожди,--попросил он, несколько виновато посмотрев на Панкеева.--А как ты договорился с ментами...

--Да это как раз воздыхатель тетушки,--улыбнулся Панкеев.--Он оказался какой-то бывший сотрудник главка. Ну и придумал всю эту схему, когда я случайно натолкнулся на тетку и его, мирно идущих под ручку... кажется на канале Грибоедова,--задумался Панкеев, как будто и на самом деле вспоминая, где тогда повстречал тетушку с ее "воздыхателем".

--А сколько лет тетке?--спросил Галанин.

--Да уже лет 70,--улыбнулся Панкеев.--Ну, не семьдесят, конечно. Но то, что за шестьдесят, точно.

--Странно,--тихо произнес Галанин.

--Что?--переспросил Панкеев.

--Я говорю все слишком странно,--признался Галанин.--Как-то слишком много случайностей.

--Ну, брат,--развел руками Панкеев.--Жизнь как раз и состоит из таких случайностей.

--И закономерностей,--добавил Галанин.

Панкеев заинтересованно на него посмотрел, но промолчал. Быть может, как ученый он тоже знал о цепи жизненных случайностей, перераставших иной раз в закономерности, которые порой как раз не так-то и просто разрешить, разве что хотя бы на какой-то миг отпустить сознание, дав волю тому, что скрывается за границами бессознательного индивида.

Но уже если предположить, что мир на самом деле сугубо материален, и подобного сверхъестественного ничего не существует...

--Послушай,--обратился к Панкееву, закурившему вторую сигарету, Дмитрий Галанин.--А как же теперь твоя работа?

--Вот сам думаю,--улыбнулся Панкеев.--Меня же вроде как и нет. Звонил на работу, спрашивал себя, сказали, что я умер. Теперь вот думаю, стоит ли объявляться, или можно как-то получше использовать свою мнимую смерть?

--Да-а-а,--протянул Галанин, тоже закуривая.--Получается, судьба тебе как бы дала шанс прожить жизнь по другому, иначе. Ну, или воскреснув - начать жить как жил.

--Как жил я уже не хочу,--быстро ответил Панкеев.-- Понимаешь,--пояснил он, видя что Галанин как-то загадочно на него посмотрел.--Я тут рассудил, что если такое случилось, то может и правда кто-то свыше как бы дает мне шанс измениться. Ну, пожить другой жизнью, что ли,-- задумался он.

Дмитрий посмотрел на Панкеева, и вдруг поймал себя на мысли, что ведь и на самом деле, придуманное Панкеевым оказалось совсем даже неплохо. Быть может он бы и сам пожелал вот так, внезапно исчезнув, появиться через время, начав жить совсем иной жизнью, чем жил доселе. Причем, все как будто уже привыкли именно к тому, что он ведет такую жизнь. А у него появится право разорвать круг стереотипов. И выбравшись наружу из окружавшей его среды ("от которой он уже начинал задыхаться",--признался себе Галанин), зажить как бы жизнью иной.

--Ну а почему нет?--обратился Галанин к себе, и уже готов был признаться, что это и на самом деле может получиться очень интересный и увлекательный план. Причем уже как будто получалось, что как раз его ничто не связывает. Какое-то время он продолжает жить обычной жизнью. А потом исчезает. И уже оказывается...

Галанин даже взмок от внезапно пришедшей к нему идее.

--Давай отметим твое возвращение?--предложил он Панкееву.

Но оказалось Панкеев в новой жизни пока не пил. Вернее пояснил, что пока он не решил, должен ли пить после своего

возвращения также как и пил раньше (раньше он пил, не сильно, конечно, но иногда напивался вдрызг, совершая разные загадочные поступки, после которых на утро чувствовал себя предателем и подонком, после чего вновь достаточно долго не прикасался к спиртному).

Расставшись с Панкеевым (они пообещали друг другу встретиться завтра, но и один и другой знали, что найдут причину, чтобы как раз завтра не встречаться; и не из-за чего-то такого, а просто так обоим было привычней: встречаться тогда когда хотели, и не встречаться если...), Галанин удобно расположился в кресле, достал сигары (которые позволял курить в ознаменование каких-то событий), налил коньяк в рюмку (что говорило исключительно о важности момента, потому как обычно Галанин пил коньяк фужерами, не считаясь с количеством выпитого), и решил еще раз серьезно обдумать идею, на которую его неожиданно натолкнул объявившийся Панкеев.

--Ведь так получалось,--сказал себе Галанин,--что, быть может, как раз это и был тот удивительный шанс, то нечто, чего он так долго ждал, и что как раз способно было внести в его жизнь что-то новое, и на самом деле увлекательное и даже интересное.

--Ну а почему нет?--спросил Галанин сам у себя, и понял, что сейчас у него действительно нет оснований себе не верить. Он как бы случайно оказался на пороге некоего открытия, которое могло изменить судьбу. И разом опрокинув в себя рюмку коньяку, Галанин быстро наполнил другую, закурил, и неспешно задумался о жизни. Спешить как будто ему было действительно некуда.

Глава 5

Виктор Зарубин вот уже почти две недели беспробудно пил.

Еще совсем нельзя было сказать, что он был пьяница.

--Выпивать любил, но знал меру,-- при случае говорил Зарубин о себе.

Правда, случались срывы.

Но в последнее время они были столь редки, что он уже считал, что, по сути, и не случится с ним такое.

Случилось.

Почти на все срывы у Виктора Ивановича имелись причины.

Причины могли простирались от каких-то проблем личного характера (непонимание окружающих было одной из таких), до проблем характера общенационального. Но это, конечно, было, если бы кто спросил Зарубина о том, отчего он пьет?

Сам же Виктор Иванович хорошо знал, что пьет он в первую очередь оттого, что в свои годы (было ему за сорок) испытывает некоторое непонимание со стороны людей, которым всегда очень хотел доверять. По сути, он им и доверял. Но вот оказывалось, что эти люди пользовались его доверием. И даже можно сказать, что когда они этим доверием пользовались, то насмехались уже над самим Зарубиным. Так казалось ему. В этом он убедил себя сам. И даже вообще получалось, что, несмотря на попытки не думать о каком-либо негативе, Зарубин непременно думал как раз о нем.

Причем уже словно бы оказывалось, что сделай он попытки как-то высвободиться от всего этого, и наверняка у него не получится. А в то, что не получится, Виктор Иванович верил сам. Он вообще стал в последние годы излишне доверчивым. И понимая, что судьба таким образом готовит ему испытание, с гордостью противостоял земным трудностям. Представляя из себя мученика. По крайней мере, как раз такой образ он, видимо, возвел в себе. И уже даже если бы и пожелал от него избавиться,-- сделать подобное оказалось бы не так просто.

--Да, наверное, очень даже непросто,--сказал сам себе Зарубин, и улыбнулся.

Некогда случайно узнав о привычке ведения бесед с собой Галанина (своего давнишнего товарища, тот как-то сам поделился с ним в минуты откровений, иногда спускавшихся

на Дмитрия Галанина), Зарубин первое время все стремился помочь другу от такой привычки избавиться.

А потом вдруг оказалось, что и сам стал беседовать с собой. Причем, выяснилось, что он находит в этом нечто достаточно интересное. И что уж точно, не было в этой привычке какого-то явного негатива,-- как, было, подумал Зарубин вначале.

Причем, как-то вышло само собой, что уже не думая об этом, Виктор Иванович все чаще стал вести сам с собой продолжительные беседы. И даже (об этом он пока стеснялся признаться даже себе) видел себя в таких беседах совсем другим человеком. Как будто бы это еще по-прежнему был он, но уже точно и не он. И даже если предположить, что как раз во время таких бесед вместо Зарубина с ним разговаривал кто-то другой, сам Виктор Иванович наверное был бы этому более рад, чем если представлять что это по-прежнему был только он. Потому как даже оказывалось, что нисколько такому раскладу сам бы Завгаев не поверил, скажи ему (когда-нибудь) кто другой.

А тут как будто слышал от себя же, и отчего-то подобному верил.

Верил Ззарубин вообще многому. Вернее сказать, как раз в последнее время чему-то он верить перестал. Но все было как-то не по настоящему, что ли. И даже уже оказывалось, что, несмотря на какие-то попытки Виктора Ивановича повлиять на собственные умозаключения (а он стал очень много в последнее время размышлять), оказывалось, что все подобные попытки если и приводили к чему-то, то к чему-то даже вовсе загадочному.

А иной раз оказывалось, что в голову Зарубина лезут черти. Те, ухмыляясь и корчя мордочки, обосновывались там, казалось, надолго ("если не навсегда",--думал в такие минуты Зарубин), и наверняка ни за что их уже было не вытащить обратно.

Причем Зарубин уже понимал, что любые просьбы будут совершенно безрезультатны, и даже могут принести обратный эффект. И ведь как раз "обратного эффекта" опасался Виктор Иванович. Ему иной раз и так было

тоскливо в душе, а стоило представить, что станет еще хуже...

В общем, в такие тягостные минуты Виктор Иванович уже старался не искушать судьбу. И как раз когда-то он попробовал в такие минуты пить. Алкоголь, разливавшийся живительной влагой по членам, успокаивал мозг и давал отдых мышцам. Те наливались тяжестью, немного деревенели, а вместо негатива в душе, на Зарубина даже спускалось какое-то просветление свыше.

И тогда ему очень прекрасно работалось.

И хоть он понимал, что фактически обманывает и себя и судьбу, тем не менее со временем как-то получалось так, что Зарубин перестал находить нечто страшное в такого рода препровождениях отведенного ему на жизнь времени. И даже решил, что это в какой-то мере даже лучше, чем вовсе забиться куда-то в угол, и страдать.

Он и страдал, конечно. Но все больше такие страдания уходили в прошлое. Можно даже сказать - забывались. А на самого Виктора Ивановича спускалось сверху некое просветление. И ему начинало казаться, что весь мир к нему удивительным образом благоволит. И быть может даже так получается,--заключал он,--что совсем не нужно больше так-то уж о чем-то переживать. Ведь если пить...

Пока подобное просветление спускалось к Зарубину только когда он начинал пить.

Можно сказать, что выпивая свою первую небольшую долю алкоголя, Виктор Иванович вдруг обретал ту уверенность, к которой фактически всегда стремился, и которой никак не мог достичь, несмотря на отчаянные попытки добиться этого.

За всю жизнь он перепробовал разные способы, и все они в какой-то мере оказывались или безрезультатны, или же заманивали его чем-то по истине прекрасным (и может даже удивительным), но после как-то предательски оставляли его.

И уже оказывалось, что находится Виктор Иванович Зарубин под властью чьих-то непонятных чар. И даже если предположить, что он еще чувствовал, что в силах разорвать силы невидимого притяжения, то это все же было не так

реально, что ли. И почти всегда возвращало Зарубина обратно. Как раз к тому, с чего он начинал свой бег по горизонтали жизни.

Ведь так получалось, что это действительно оказывался бег по горизонтали. И даже если предположить, что на каком-то этапе Виктору Ивановичу удавалось выйти в отрыв,-- после этого все равно все (нелепо и загадочно) возвращалось на круги своя. После чего уже становилось понятно, что ему не следует так-то уж верить в удачливость попыток выбраться. Потому как получалось, что даже если бы выбраться ему удавалось, то не знание того, из чего он выбирался (а неумение расставить точки над "и" всегда удручали Зарубина-ученого), по всей видимости немедленно ввергло бы его обратно. И уже так бы получалось, что чего-то конкретного у него бы не получилось. Ну, или другими словами -- не вышло.

А сам бы он с тех пор оказался отброшен еще больше назад. Что означало, что приходилось бы ему начинать свой путь уже с иных позиций, чем были те, которых он достиг за это время.

Все это по-своему вводило Зарубина в чудовищный негатив.

И он даже опасался, что если когда и сможет возвратиться к привычной жизни, то уже все это будет не так радостно ему. Потому как забудет он себя настоящего. И вместо себя настоящего - придет тот образ, в котором находился Виктор Иванович Зарубин сейчас. И это его достаточно удручало.

А потому он и пил. Пил и ждал момента, когда что-то изменится само. Когда уже не нужно будет ему так-то уж страдать. Когда то, что должно произойти, окажется совсем даже другим, нежели чем то, что словно бы и было, но было как бы уже не по настоящему...

Глава 6

Николай Эльдарович Воронов, 36 летний инженер-зоотехник, работавший в системе Агропрома в Ленинградской области, на самом деле не так часто

приезжал в Питер. А потому, в таких поездках интуитивно стремился совместить приятное с полезным (как он это называл).

То есть другими словами, Николай считал необходимым решить какие-то рабочие вопросы (в Санкт-Петербург он обычно приезжал в командировки), и посетить какое-нибудь культурное мероприятие.

Можно было предположить, что он был чудик. Мало кто из жителей Петербурга сейчас стремится посетить какое культурное мероприятие. Но вот тут ошибались те, кто так считал о Николае. Ибо он на самом деле никаким чудиком не был. А если и был, то старался не вводить этим чужих людей в заблуждение. Да и вообще с городскими Воронов старался общаться поменьше. Словно чувствуя в их поведении нечто непонятное для себя. Да и, если разобраться, Николай Эльдарович стремился свою жизнь подчинить чему-то поистине важному. А помимо работы этим важным были книги.

В Петербурге Воронов всегда посещал книжную ярмарку в ДК им. Крупской, и всегда Дом книги на Невском.

Невский проспект Николай вообще любил (причем любовью Андрея Белого, Достоевского и Гоголя одновременно). И оказывалось так, что заряда от часового путешествия по историческому центру Воронову часто хватало на очень длительное время. И даже если предположить, что бывало в Питер он приезжал каждый месяц, Николай все равно не отказывал себе в подобных путешествиях. И даже искренне радовался, когда удавалось побродить по городу несколько дольше.

Николай Эльдарович был, конечно, не совсем обычным человеком.

Можно даже сказать, что как раз таких людей как он -- сейчас мало встретишь. И не только его какая-то особенная обстоятельство завораживала людей. Скорее даже здесь дело было в другом. Он просто действительно был не такой, как все, как другие. Причем и с другими старался общаться. Но как-то поверхностно, что ли. А они - и замечали и не замечали этого. Например Воронов любил говорить правду и по возможности в лицо. Он словно бы не замечал, как люди

смущаются при этом, и продолжал развивать свою тему. При этом старался во время разговора высказаться окончательно. Потому как давно заметил, что если что-то не договорит до конца, то на основе сказанных им слов люди не смогут сделать правильных выводов из разговора его - с ними. И даже в большинстве случаев окажется, что они на него будут сердиты за что-то. За что? Воронов поначалу не понимал. А потом решил, что все дело как раз заключается в том, что он не успевал договорить до конца. А ведь именно в окончании его фразы, иной раз, заключался главный смысл всего разговора. И тогда уже оказывалось, что обрывая его на полуслове (в буквальном и в переносном смысле), никто не получал того удовлетворения, которое испытываем мы, рассказывая другому человеку о чем-то. Потому что здесь как бы должен наблюдаться обоюдный интерес. Один получает возможность выговориться. Другой - слушая, замечать, как нечто начинает удивительным образом срастаться у него из того, о чем думал он раньше.

И оттого уже получается, что между такими людьми наблюдается некое единение. После чего они вполне охотно допускают, что в перспективе могут общаться. Тогда как если первый раз (первый, второй, третий - количество на самом деле не играет роли; люди могут сблизиться после первого раза, почувствовав единение, а могут прекратить - или сократить - общение и после долгих лет тесного общения) что-то не наладилось, то вроде как это и не означает, что надо как-то серьезно воспринимать подобную ситуацию. Хотя бы из-за того, что может быть другой раз, в который прежнее решение невообразимым образом изменится. А на душе станет легче.

Воронову всегда было тяжело на душе. Со временем он научился угадывать подобное состояние. После чего - уже не обращал на него внимания. И ему становилось заметно легче. И даже иногда хотелось громко смеяться.

Но так уже выходило, что подобное было не всегда. Да всегда быть и не могло.

Глава 7

Вера Паланина совсем не верила, что в ее жизни возможно личное счастье. Можно сказать, что именно подобное отсутствие веры как раз убавляло у нее сил (стоило ей только подумать о подобном).

Но внезапно все изменилось. Даже несмотря на то, что Галанин не ответил взаимностью на ее чувства (намекала она, по ее мнению, более чем откровенно), он как-то быстро подыскал ей - на выбор - несколько мужчин, каждый из которых Вере понравился.

Более того: она и захотела их разом, и переспала с ними тоже за раз.

После этого перед девушкой стала, было, дилемма: уместно ли после этого надеяться на какие-то отношения? Но уже неожиданно для себя разрешила она намечавшиеся противоречия быстро и достаточно успешно. Поначалу она, конечно, еще продолжала встречаться с каждым по отдельности (всего мужчин было двое - Зариф Муртазалиев и Гоги Чевадзе), но потом как-то быстро так получилось, что они вдвоем переехали жить к ней. Ну и занимались сексом тоже или вдвоем (мужчины быстро подружились), или же каждый по отдельности, в отсутствие другого, вступал в половую связь с этой скромной и застенчивой девушкой. А она... А она вдруг призналась себе (и только потом каждому из мужчин), что чуть ли не об этом все время мечтала. Да мешали стереотипы.

Гоги Чевадзе, осетин, был высокий худощавый юноша 27 лет. Закончив технологический институт как специалист по борьбе (за выступления за вуз - ему "закрывали" сессию и дали в итоге диплом), остался в северной столице. Одно время продолжал еще выступать, да после травмы оставил борьбу и подрабатывал тренером в фитнес-клубе.

Зариф Муртазалиев, почти русский (мама русская, папа азербайджанец - коренной петербуржец), 37 лет, работал прорабом на стройке.

До встречи с Верой (ставшей жить теперь в многонациональном браке), оба мужчин испытали предательство женщин, и потому женщинам с тех пор не доверяли. Однако и тот и другой почему-то очень захотели

встретиться с Верой (когда Галанин обрисовал ситуацию старинным знакомым; причем рассчитывал он, что Вера понравится кому-то одному; но видимо посчитал возможным, что может понравиться и обоим). А после первой встречи - возжелали жить с ней.

Жили они в ней регулярно, и все больше половой жизнью. Хотя и вскоре к обоим пришла любовь. А Вера уже и без того любила их. Таких обходительных и галантных кавалеров у нее никогда не было. Они дарили девушке цветы, приносили завтрак в постель, угощали шампанским, кормили икрой, ну в общем - любили ее не ревнуя друг к другу. После чего у девушки если и были какие сомнения, то их попросту не стало. Да быть может и не могло быть, учитывая то обхождение, которое она получала от Гоги и Зарифа.

В один из дней мужчины пожелали пригласить друзей на свадьбу. Отношения между ними и Верой пока не были оформлены (подобные браки в России пока были запрещены), и они никак не могли решить, кто бы из них считался мужем Веры официально. Они и хотели вместе, и вместе отказывались (стоило отказаться другому). В итоге решили, что девушка сначала выйдет замуж за одного, потом потеряет паспорт, получит другой паспорт и выйдет а другого. Таким образом, у нее на руках окажется два документа, по одному из которых она будет значиться женой Гоги Чевадзе, а по другому - Зарифа Муртазалиева (с обоими оформит отношения).

План вскоре был воплощен в жизнь (не обошлось без взяток в паспортном столе, но главным образом за срочность, и за то, чтобы на кое-что закрыли глаза), и Вера Паланина стала официальной женой двух человек. Причем, судя по улыбке, не сходившей с ее лица, счастлива была безумно. И даже минуты невольных огорчений на самом деле не выходили за рамки минут. Почти совсем не влияя на ее настроение, да и вообще - обещая Вере Поланиной (фамилию она оставила свою) исключительно счастливую семейную жизнь.

Глава 8

Костя Неелов одновременно и любил и не любил женщин.

Причем сказать что перевешивало, пока не представлялось возможным. Потому как получалось, что если он их не любил, то должен бы научиться без них обходиться. Но стоило ему заметить какую милую мордашку, и Костя уже не мог отказать себе в удовольствии переспать с ней. Причем не то, что Косте попадались только доступные девушки. Были и те, которые воротили от него свои носики, не признавая в нем возможного сексуального партнера.

Но вот Костя со временем научился узнавать таких девушек. И даже научился изменять их мнение о себе на положительное.

Что ему этого стоило, можно было не говорить. Причем как раз уже поэтому Костя был таким девушкам весьма благодарен. Ведь кто бы он был без них? Напыщенный хлыщ, довольствующий первыми встречными девчонками, которые были и сами большей частью неуверенны в себе, и потому согласны чуть ли не с первым встречным из тех, кто обратит на них внимание, и заставит хоть на миг почувствовать себя женщиной. И с такими женщинами Костя тоже получал свое. Ведь уже секс как таковой - это и повышение внутренней самооценки. Если нас кто-то любит, значит в нас что-то есть, -- часто поначалу повторял Костя условную фразу, помогающую ему как-то более-менее сносно проживать свои дни.

А со временем ему действительно пришлось изменить мнение об этом. Потому как теперь Костя словно бы намеренно стал выбирать недоступных ранее женщин. И не приставать к ним с уговорами (переспать, просто встретаться, поиграть его...), а вот именно добивался того, чтобы такие женщины влюблялись в него сразу и бесповоротно.

Причем со временем он научился и отворачивать таких женщин против себя. И ведь не был он никаким волшебником. Просто от природы был достаточно чуток и восприимчив. И с возрастом (хотя по прежнему был

слишком юн; в том плане, что впереди у него могло быть большое будущее) развил в себе подобные способности.

Выбрав по ошибке не тот вуз, Костя еще будучи студентом 4-го курса поступил на факультет психологии. И тотчас же оказался в своей тарелке, намереваясь сдать экзамены экстерном, и совсем не ждая получения полных - дипломных - знаний, потому как оказалось, что как раз знания-то в нем уже были заложены изначально. Хотя он и по-прежнему достаточно много читал, и вообще - стремился к знаниям. Считая, что именно знания способны помочь постигнуть мир. Обратив его в пользу для каждого (обладающего такими знаниями, и способного со временем вывести нужную формулу).

.....

Как-то получалось так, что Костя встретил женщину, к которой вроде как и не испытывал никаких особенных чувств, кроме как полового желания.

Он ко всем женщинам испытывал такое желание (представляя, как бы он смог их...). Но тут случай показался особенным. Дело в том, что Костя испытывал к этой женщине только подобное желание. Ему была безразлична она, безразлично, во что она одета, как выглядит, вообще было безразлично все. Он быть может впервые - просто *хотел*.

И хотел так, что не смог сдержаться, и почти сразу же после знакомства (прошло несколько минут их общения) признался что хочет ее. Причем как-то так вышло, что девушка призналась ему в том же. И не была она по виду... Ну, в общем, тогда у Кости не было даже желания особенно раздумывать, и он взял ее почти тут же, зайдя только в какой-то магазин, сорвав попутно какую-то одежду, и под видом необходимости эту одежду примеривать - занялся с девушкой любовью.

Впрочем, в первый раз между ними все произошло быстро и несколько скомкано. В примерочную периодически делали попытки заглянуть другие посетители, поэтому по быстрому

кончив, Костя увлек девушку к себе домой, где предпочел уже пройтись по ней обстоятельно.

Она оказалась не против. И вскоре вообще переехала к нему. А он, очнувшись через несколько недель беспробудного секса (они вообще не вставали с постели, и это происходило между ними по 10-20 раз в сутки; стоит заметить, больше ни с кем подобного у Кости не наблюдалось; а тут он хотел - и мог - всегда), вдруг подумал: как же так получилось, что он оказался как будто и в некоторой даже кабале?

Взглянув на улыбающуюся подругу, Костя вдруг признался себе, что не так-то уж она и красива. Да и он уже не то что любит ее. И даже скорее всего как раз о любви уже не идет речи. Да и вообще если речь и шла, то лишь о любви половой. Но половая любовь (Костя не то чтобы впервые об этом подумал, но подумав об этом сейчас - заметно озадачился открывшейся перспективой) порой заметно отличается от любви духовной. И на самом деле весьма не часто случается в таких вопросах настоящее единство.

Но в тот раз о дальнейшем Константин как бы подумать не успел. Ибо то ли девушка почувствовала сигналы чего-то неладного, то ли это и так должно было случиться, но молодые люди в очередной раз занялись любовью. И любили друг друга так долго (даже свет погас - лампочка перегорела), что в тот раз Костя заснул, так и не продолжив собственных измышлений. Его даже как вроде бы все вдруг устроило. Ну, или не устроило. Но он уснул. А раз уснул, то или слишком устал, или же мысли его на какое-то время стали спокойны. И скорее всего, как раз второе. Ну как бы уже не было - Костя спал.

А проснувшись, он вдруг понял, что вполне и не должен ничего менять. И по крайней мере на какое-то время разом забыть о каких-то проблемах да и вообще неприятностях. И наверное просто жить.

И дав себе, таким образом, отсрочку (себе и своим мыслям, прежде всего), Костя Неелов успокоился и стал наслаждаться сексом. Исключительно сексом, взяв отгул на работе (отгул

перешел в отпуск), и если о чем-то и размышляя, так еще в какой позе попробовать любить свою новую подругу.

И ему и ей это нравилось. И это пока было самое главное.

Глава 9

А по сути, Галанин был весьма благодарен тем людям, благодаря которым жизнь его изменялась порой в противоположную сторону.

И это на самом деле было по настоящему прекрасно. Ведь если только рассудить, что он мог бы просто так взять и решить свою жизнь, перевернув ее на 180 градусов, так скорей всего и не решился бы. Что-то было такое в его душе, что удерживало его от принятия столь - хоть и верного - но опасного, или верней сказать - рискованного шага.

А вот ставили его словно перед обстоятельствами, и, не задумываясь, он шел на риск. Причем случалось даже так, что то, что считал он риском, теперь совсем таковым не было. Не было в первую очередь в его представлении. Когда он о многом как будто бы задумывался. После чего еще более начинал размышлять, как бы ему соскочить (от необходимости выполнять какую работу). Ну а в конце концов выходило так, что ему как вроде бы и не приходилось сдаваться. И даже если предположить, что он мог бы в какой момент свернуть обратно, так не сворачивал. А даже наоборот, уже шел, смиряясь с возникновением у него трудностей. И даже хотел...

Скорей всего он как раз мало что хотел. Так же как и не стремился. Он вообще мало к чему стремился. И даже зная, что впереди его ожидает верная гибель (ну или какая серьезная ошибка, исправлять которую пришлось бы слишком трудно), все равно бы уже Галанин не свернул с такого пути. Хотя бы потому, что выработалось в нем что-то навряде характера. Воли, которая способна была неизбежна привести к победе над какими трудностями. Да и приводила. Конечно же, приводила. Иначе бы получалось так, что Галанину пришлось бы вновь корректировать жизнь. А так - сплошная удача и результативность. Не иначе как.

И ведь при этом он как бы ощущал какую-то внутреннюю неудовлетворенность, неустроенность; когда всегда

существовало что-то, что приводило его то ли в восторг, то ли внушало дополнительную тревогу. И даже оказывалось так, что, делая попытки изменить направленность собственных мыслей, вдруг оказывалось, что это ему до конца не удавалось. И тогда приходилось как бы по новой поднимать вопрос о существовании мыслей, которые наводили иной раз на него ненужный трепет. И даже если это действительно так, то скорее теперь казалось Дмитрию более интересным, чем, если предположить, могло бы быть на самом деле.

Глава 10

Вера Паланина все больше чувствовала какую-то особую внутреннюю свободу, которая придавала ей силы, помогая не только элементарно выжить в этом мире, но и обрести простое человеческое счастье.

Так выходило, что появление в ее жизни сразу двух мужчин (на фоне затянувшегося безвременья) вселяло в женщину дополнительные силы, давало энергию, и спроси кто ее, наверное чуть ли не впервые бы призналась, что ей сейчас вдруг стало достаточно легко и свободно жить. Именно жить, а не существовать. Это раньше она существовала. Теперь же все обещало быть совсем по-другому. Она вдруг стала по-новому для себя открывать то, о чем раньше если и начинала задумываться, так это быстро затенялось мирскими заботами и - теперь оказалось - ненужными делами. Дела эти не давали отдушины, и еще более затягивали в омут забот. От которых сейчас она неожиданно избавилась.

Вера верила и не верила своему счастью. Вернее, поначалу она (как человек, который часто в жизни что-то терял) боялась верить этому счастью. Но вскоре оказалось, что счастье существует словно бы уже и независимо ни от чего. И ей вдруг стало по настоящему легко и свободно. И даже получалось так, что вроде как задумываясь о чем-то

серьезном, она с трудом перебарывала душевный смех. Который все чаще случался с ней. И, наверное, каким-то загадочным образом попросту символизировал пришедшую к ней уверенность, что ничто так просто уже не закончится. Да она и поддерживала (сексом, например; ее мужчины очень любили секс; Гоги и раньше часто практиковал его, а вот Зариф многое открывал или по-новому или впервые - пока Вера в этом не разобралась) свою уверенность. И даже открыла для себя простое правило: относиться к людям так, как она хотела бы, чтобы к ней относились другие (Галанин ей как-то сказал, что о подобном в свое время писал Кант). Но это и так было ее жизненным правилом. Просто раньше она, бывало, не соблюдала его. Допуская, что жизнь накладывает целый ряд условностей, которые попросту не позволяют так просто брать и жить. А вот теперь оказывалось, что большинство условностей в своей жизни создавала она сама. Условности превращались в трудности. Да и вообще, оказывалось, могли со временем и вовсе привести к каким не очень желательным последствиям.

Но как раз к этому времени она встретила Гоги и Зарифа. И мужчины вселили в нее новую жизнь. А она жила с ними обоими, и попросту радовалась своему женскому счастью.

.....
..

Зарубин вновь почувствовал какую-то необъяснимую тревогу, разливавшуюся по его телу.

Вообще, если разобраться, он так-то уже и не должен был замечать подобного. И что уж точно - почти обязан был к этому привыкнуть.

Но не мог. Виктор Иванович совершенно не мог приспособиться к существующему в его подсознании негативу; ему приходилось считаться с ним. А если он и хотел бы с подобным расстаться, то что уж точно - совсем не мог. Даже может быть - не был способен.

Почему становилось это возможным? Виктор Иванович ведь одно время и сам задавал себе множество подобных

вопросов. И даже если предположить, что на часть из них ему удавалось отвечать, то это все-таки была совсем не та часть. И уже скоро такие вопросы возникали вновь. А ему становилось достаточно трудно отвечать на них. А он в какой-то мере вынужден был смириться. Потому как совсем одно - противостоять тому, что ты знаешь - со временем сумеешь победить. И совсем иное - когда уже приходится рассчитывать на то, что нечто подобное тебе все же сделать не удастся. А значит, уже как бы попадаешь ты в некий круговорот вещей, которые если и существуют, то ты сам проходишь мимо них. Словно бы не замечая их, а они - не замечают тебя.

Смутное время в таких случаях наступало у Зарубина. И даже не то, что он чувствовал при этом какую-то особую подавленность или еще какой негатив. Как раз это он уже вроде как и перестал замечать. А вот становилось муторно ему, что, несмотря на обретение каких-то жизненных привилегий, вынужден он был все равно пребывать в состоянии неудовлетворенности и подверженности тому не очень хорошему, во власти которого вдруг оказывался. И видимо это, именно это словно невидимой рукой иной раз обхватывало его горло. Душило его, его мысли, зарождающиеся у него положительные мысли. И как бы вновь отбрасывало к истокам тревожности и беспокойства. От которых он силился избавиться, да, по сути, избавиться был не способен.

Ну, или пока не мог. Ведь несмотря ни на что, ему все же хотелось думать о хорошем. И он даже понимал, что некая настроенность на положительные мысли способна вызвать соответствующие ассоциации. После чего он уже словно бы и не сомневался, что все будет в равной мере хорошо. Ну или - как минимум - надеялся на это.

.....

Василий Панкеев до сих пор не мог разобраться со своим возрастом.

С одной стороны ему казалось что до сих пор 33.

При встречах со знакомыми (когда заходил разговор о возрасте) Панкеев "признавался" что ему 44.

На самом деле никто не знал, сколько ему на самом деле лет. Да и, признаться, после недолгих попыток узнать и появлявшихся при этом неточностей, все как будто разом смирились с подобной "неясностью". И даже если честно, стали попросту не обращать на подобное внимание, считая, по меньшей мере, не столь важным подобный вопрос.

Хотя, по сути, вопрос был важен, но лишь для исследователей жизни и творчества этого человека. Ведь так оказалось, что Василий Панкеев стал вдруг печататься в зарубежных научных журналах. И даже вышло, что он проявил себя действительно достаточно интересным ученым. И тут вдруг все узнали, что ряд зарубежных университетов присвоили Панкееву почетное звание доктора. А один американский вуз - пригласил Василия Петровича читать лекции, наделив званием профессора.

И словно бы никого не удивила защита Панкеевым сначала кандидатской, а позже и докторской диссертации. Причем на суд была представлена одна и та же работа, которая оказалась столь крепко сделана, что ученый совет (вместе с оппонентами) посчитал, что она вполне тянет на докторскую.

А еще через какое-то время Панкеев становится член-корром. И это тоже никого не удивило. Причем Панкеев вскоре стал еще и кандидатом химических наук (до этого все титулы и звания были по биологии).

И как только случилось подобное, оказалось, все у этого человека все вдруг стало на свои места.

Но при этом - он совсем был не намерен отказываться от свойственных ему привычек. И все также все свободное и не свободное время проводил в лаборатории. И даже несмотря на подобную занятость - совсем не уставал. Быть может потому, что занимался своим делом?

Глава 11

Несмотря на то, что с со своей женой Варварой Галанин к тому времени уже как несколько месяцев расстался, он тем не менее продолжал иной раз вспоминать о ней.

Чаще всего это происходило как будто и без какого-то серьезного повода; и словно бы даже совсем независимо от него. Просто воспоминания приходили, подступая какой-то легкой грустью перемешивающейся с тревогой; после чего Дмитрий чувствовал, что на самом деле в душе его не все очень спокойно, хорошо и ладно; и как будто даже понимал, что во многом сам оказывался неправ в тех случаях, когда когда-то ругался с ней. Допуская теперь, что в большинстве случаев был виноват больше сам, нежели чем выискивал какую-то вину в этой женщине. Которая (можно было допустить теперь) и на самом деле его любила.

--А может и не любила,--рассуждал Галанин, но тут же ему становилось как-то совестно, что думал он так. Потому как выходило теперь, что многое, о чем он вспоминал сейчас, обращалось как бы против него. И прежде всего наверное потому, что каким-то образом он во всем видел исключительный негатив собственного поведения. И почти не обращал внимание на то, что тогда, когда и случались все эти казавшиеся теперь нелепыми поступки, как раз был на самом деле прав. Причем можно было допустить, что прав даже больше, чем это возможно было представить ему. Тогда как уже получалось, что мало что он видел (так получалось) тогда. А потому, быть может, и слишком чрезмерно винил себя сейчас.

.....

Варвара была маленькая женщина, с большой грудью и каким-то по особенному запоминающемся лицом.

Причиной, по всей видимости, служил ее взгляд. Глаза и взгляд ее (казавшийся иной раз каким-то излишне туманным) видимо и создавали образ *этакой запоминаемости*. Хотя если предположить, что помимо этого туманного взгляда в лице Варвары более не было ничего запоминающегося, то явно можно было ошибиться.

Галанин силился сейчас вспомнить этот взгляд, и в памяти всплывали темы совсем уж непотребства, творимого с этой женщиной.

Варвара и действительно всегда была доступна.

Доступность - свойство немногих женщин. Зачастую так выходит, что перед каждым человеком со временем встают своего рода табу, оказывающие влияние на его жизнь. И тогда он становится не способен сделать то, что, быть может, всячески жаждет на самом деле. Ибо даже оказывается так, что он хоть и чувствует (и понимает), что страстно желает чего-то, но тем не менее как-то оказывается, что на самом деле он совсем не в силах допустить этого. Тогда как уже в другой раз получается, что именно от этого начинают рождаться в его голове некоторые совсем не хорошие мысли. И видя, что происходит это так, такой человек уже корит самого себя. При этом может быть в душе и действительно понимая, что в чем-то оказывается не прав. А значит уже и нельзя как будто поступать так.

.....

Случалось иногда, Галанин и любил и ненавидел свою жену одновременно. Но и даже ненавидя ее, он все равно, как только подавал сигналы зов его плоти - брал эту женщину чуть ли не там, где заставал ее. И к чести ее было сказано, что она всегда оказывалась готова. Ну, или же изображала эту готовность. Чем вероятно еще больше возбуждала Галанина. Который, занимаясь с ней любовью, часто представлял на месте ее или другую женщину, или - что чаще - именно ее же, но как будто выходило так, что вместо (или вместе) Галанина -- ее любит кто-то еще (чаще всего все-таки представлялось что одновременно с ним), или же вспоминал (большой частью воспоминания были надуманны, и можно предположить что не существовали в реальности), как Варвара отдавалась другим мужчинам до него.

И все чаще как раз от этого представления, разыгрываемого его воображением, подступала достаточно быстрая кульминация их связи. И наверняка так выходило от того, что от природы Дмитрий был наделен весьма богатым воображением. Да и к тому же видимо был (как бы сказали его биографы, если допустить что когда-либо появятся таковые) достаточно испорчен.

Как бы уже не было, Галанину действительно всегда было хорошо в постели с этой женщиной. Как, наверное, и ей. Что не мешало, впрочем, им обоим (по очереди, или одновременно) закатывать друг другу скандалы. Во время которых все явно приближалось к разводу. И хотя последний все-таки не случался, но так было до последнего раза, когда между ними все началось как будто с пустяка, но неожиданно для обоих все действительно закончилось.

.....

Сейчас Галанин даже не мог вспомнить причины тогдашнего скандала. И вероятней всего к этому попросту было множество предпосылок. Которые внезапно соединившись в нечто единой целое - и привели к расставанию этих на самом деле столь непохожих людей. Но если предположить, что отношения не могут держаться только на страсти (предположение Набокова после прочтения им романа Толстого "Анна Каренина"), то в нашем случае мы могли бы сказать, что столь "непрочная" связь на самом деле продолжалась более 10 лет (столь долго длился брак). И вполне даже возможно, что продержался бы еще больше, если бы в один момент это как бы не надоело обоим. И, наверное, в первую очередь самому Дмитрию Галанину. Ибо даже когда они прощались, Варвара призналась ему (сквозь легкие слезы, показавшиеся ему наигранными), что продолжает его любить. И в течение еще двух лет она периодически звонила ему. Пока он не оборвал эти звонки, сказав ей что, мол, все, с него хватит. Ну, или что скорее всего - хотел было сказать так, да наверное сослался на нечто вымышленное; прикрываясь новой женой. Которой

на самом деле совсем даже не существовало (после развода Галанин стал убежденным холостяком).

Вообще, если проследживать отношения Дмитрия с женщинами, можно было признаться, что они иной раз бывали столь хаотичны и не упорядочены, что он с равным успехом мог признаться, что в жизни его женщин было много, и в то же время - ни одной. Причем он продолжал встречаться с разными женщинами независимо от своего брака с Варварой. Да и эта женщина, казалось, весьма поверхностно относилась к наличию в жизни мужа кого-то еще. Ведь если так предположить, зная что у Дмитрия были все основания предполагать, что она его не любит.

Любит. В том-то и дело, что уже даже с учетом подобного (искаженного?) мировоззрения - Варвара любила Галанина. Ну, как минимум, хотела быть с ним.

И даже можно предположить, что заяви ей Галанин когда-нибудь, что будет в его жизни еще кто-то помимо нее (и одновременно с ней),-- она не проявит какой-то особой ревности. И даже может признает возможную партнершу за более-менее равного "члена семьи".

А может и нет. До сих пор Варвара (несмотря на годы, проведенные в браке) оставалась для Дмитрия чем-то на вроде загадки. Впрочем, он также мог предположить, что загадки никакой на самом деле и не было. А просто он волен был во всем как раз подозревать нечто подобное (загадку). И оттого - возможные действия с этой женщиной - было ничто иное, как его проекция. Всего лишь.

Глава 12

Костя Неелов продолжал изучать жизнь.

Уже можно было признать, что он, по сути, многое знал (а еще больше понимал). И даже если предположить, что, несмотря на его возраст, это вполне могло быть так (хотя бы в какой-то мере так), то мы при этом можем и предположить, что Неелов все равно продолжал к чему-то стремиться. Словно бы находя и возводя преграды там, где их, по сути, быть не могло.

И при этом он как будто бы находил в чем-то подобном нечто удивительно привлекательное. И даже если

предположить, что все это было действительно так, Неелов все равно оставался таким, несмотря на какое-либо внутреннее стремление к чему-то, что, по его мнению, способно было помочь ему разобраться в жизни. В той жизни, к которой он одновременно и стремился, и при этом весьма удалялся от нее же. Понимая, что попросту не может быть ничего более загадочного, чем наше понимание -- не понимание ее. И даже если допустить что это так... Он хотел, быть может, допустить что это так.

Но уже с другой стороны - ведь так на самом деле не было. Не было хотя бы потому, что Неелов на самом деле отдавал весьма все правде. Как поиску ее, так и стремлению удержаться в рамках достигнутого. А потому уже получалось, что даже несмотря на какое-либо стремление избежать результата собственных размышлений - Константин в другой раз уже стремился всячески достигнуть их. Понимая, что если все оставить как есть, то это способно привести к чему-то и вовсе непоправимому.

Хотя он и допускал, что человек практически абсолютно ко всему способен подстроиться. Так уж выходило...

.....

Можно было предположить, что с недавних пор у Виктора Ивановича Зарубина все как бы устаканилось в его воспаленных мозгах и проекции мысли - воображении.

Но видимо не все на самом деле было столь гладко. Не все и не всегда. Единственно что - Зарубин все-таки смог научиться управлять своим эмоциональным состоянием. И даже если допустить, что все у него осталось по-прежнему, он, тем не менее, уже знал, что в недалеком будущем все нормализуется само собой. И уже не станет на его пути возникать столько трудностей, как было еще до сегодняшнего времени. Хотя и конечно, так-то плохо уже не было. То ли повлияло назначение Зарубина на должность сначала заместителем директора, а позже и директором института, то ли устройство в личной жизни (когда он совсем неожиданно - даже для себя - сделал предложение Марии Выготской, и даже получил ее согласие), ну, в общем,

- гадать можно долго, достаточно долго, но все, на чем основываются какие-либо наши предположения - на самом деле заметно проигрывают имеющейся информации. Потому как стал Зарубин как-то в последнее время еще более скромнен и застенчив; и уже как следствие - предпочитал практически вообще не делиться ни о чем и ни с кем. Понимая, видимо, что ситуация у него сейчас складывается таким образом, что он просто обязан находиться в рамках какой-то тайны. И даже как будто раскрывая ее (намекнами, недомолвками, попытками неожиданных откровений и тут же замолканиями, и деланием вида как будто ничего не говорил и не пытался сказать), тем не менее уже было заметно, что как раз главного Зарубин не скажет. А все попытки как-то раскрутить его на это - закончатся явным провалом интересующегося.

И даже так выходило, что прежде всего сам Зарубин вдруг открыл, что для него-то подобная форма построения диалога как раз и есть нечто наиболее оптимальное, что быть может - и может существовать. И что уж точно - Виктор Иванович решил и в последующем придерживаться именно такой модели контакта с внешней жизнью. У него словно бы разом все сошлось; он будто бы как-то сразу и неожиданно понял, что ведь именно к подобному фактически все время и стремился. И если уже предполагать какой-либо временный характер происходившего сейчас с ним, то это на самом деле было не так. Все казалось настолько постоянным, что спроси кто его (из любопытства, или просто по доброте душевной) о том, что происходит (об отношении Зарубина ко всему этому), и уже можно было услышать (никто просто не спрашивал, разве что Галанин было поинтересовался, да как-то вскользь, и не по серьезному что ли, ну то есть без заинтересованности, заметив отсутствие которой зарубин посчитал что и отвечать не обязан), что и действительно - именно сейчас Виктор Иванович стал испытывать наибольшее единение с жизнью. Да и жизнь словно бы отвечала ему тем же. Притом, если предполагать, что нечто подобное могло показаться как--либо запутанно или еще как, так это, по сути, было совсем не так. То, что хотел Зарубин увидеть - он видел. То, что видеть не хотел - не замечал. И

уже можно было заметить, что в свои 45 лет (уже два года подряд на день рождения он получал повышения) Зарубин вдруг - быть может впервые столь сильно, явно, и отчетливо - ощутил собственное величие как индивида. Еще большую отличность от остальных (столь сильно до этого испытывал в средней школе, и будучи студентом 1-го курса, в первом семестре; после как-то сгладилось и куда-то ушло, и вот только сейчас возвратилось вновь), желание действительно совершить нечто такое, отчего дальнейшая жизнь покажется... ну, радостной что ли. И - необходимой. Зарубин пока не мог все окончательно сформулировать, но уже было ясно, что он был настроен самым положительным образом. И даже знал, что все у него получится. И это было главное.

.....

Михаил Георгиевич Циберман (Марк Дожавью) решил, что нынешняя Россия вполне не годится для его жизни там.

И не потому, что он по-прежнему помышлял заниматься не хорошими делами (мошенничеством), а за такое с приходом к власти Путина явно стали наказывать. Скорее - Дожавью (официально он оставил новую фамилию, но при встречах все чаще назывался настоящим именем) попросту понял, что за последние годы он так привык к Западу, что жить в стране, которая фактически только стремилась к западной жизни - было бы преждевременной ошибкой.

Да и получалось, что не способен он был ждать. Возраст все-таки. И хоть в свои 60 Михаил Циберман выглядел очень даже неплохо, тем не менее оказывалось, что за время жизни в России он стал как-то быстро стареть. Причем даже получалось, что старости он не замечал, но стал ловить на себе недоуменные взгляды окружающих. И улучив момент и переговорив с рядом из них (Дожавью всегда был очень общительным человеком), Циберман понял, что дело, по сути, - не есть хорошо. А если будет так продолжаться и дальше, то окажется и вовсе, что оно плохо. А значит... а значит необходимо было ему в самое ближайшее время думать об отъезде. Благо, что он по-прежнему являлся

гражданином другой страны. Вот только понимал он, что если уедет - то неизвестно когда вернется.

Хотя? Ведь если рассудить - жить Циберман--Дожавью собирался долго. И вполне могло так случиться, что еще лет через... этак десять,--задумался Михаил Георгиевич,--он вновь сможет вернуться. И быть может тогда уже окончательно. А за 10 лет всякое на его родине может произойти, рассудил он, и стал действительно готовиться к отъезду.

Случилось так, что уехать он не успел. А сделав себе новые документы, осел в одном провинциальном городке. Не таком большом, чтобы окончательно затеряться, но и не маленьком, чтобы бросаться в глаза. Тем более рядом было море. Климат был почти как в США. И решив пожить пару-тройку лет, и уже после действительно сделать окончательный выбор - уезжать, или оставаться уже навсегда.

.....

С Германом Евгениевичем Завгаевым стали происходить чудеса.

Он вдруг почувствовал, что совсем не способен просто так управляться со своими многочисленными любовницами. И сначала рассудив, что тех попросту много - сократил число их сначала до двух, а потом (после мучительного выбора) оставил одну - Олесю Мольтизовскую. Олеся была высокая, сексуальная блондинка, со средних размеров грудью, большими - как будто всегда удивленными - глазами, упругими ягодицами, и приятной наружности. Секс она не то что любила, что считала что готова всегда - если этого хочет партнер. И даже отдавалась столь страстно, что у Завгаева не возникало проблем с окончанием процесса.

Но вот совсем недавно такие проблемы начали появляться. Причем уже оказывалось, что для того, чтобы эти проблемы решить (и все же кончить), Завгаеву приходилось представлять совсем какие-то пакости. А если в его воображение не приходили они - ничего не получалось. И

благо бы еще представлялись ему просто какие эротические фантазии. Так нет - сцены должны были представлять полнейший разврат. Причем как-то так получалось, что со временем какое-то экспериментирование в лицах партнерш закончилось, и сложилось неперемное условия, которое должно было соблюдаться всегда: как только Завгаев представлял, что Олеся отдается какому-то его знакомому (причем что-то на вроде мужа Олесиной подруги - любой, но близкой), и при этом как бы случается так, что или страсть между партнерами обоюдная и действительно страстная, или же сама Олеся как будто сопротивляется - нехотя и жеманно - а тот ее берет силой и во всяческие места. Вертит, в общем, как хочет. И как только случалось такое - Завгаев всегда кончал. Кончал он, конечно же, в Олесю. Которая лежала перед ним, стонала или постанывала, в общем - получала вроде как и удовольствие от секса с ним. Совсем не догадываясь, какие драмы разыгрывались в воображении любящего ее мужа. И он... он, в общем, обычно всегда кончал. А если не всегда - то словно бы дополнительно на помощь призывал еще и своих виртуальных любовниц. Причем зачастую тех, в сексуальные отношения с которыми обычно никогда бы не вступил. С подругами Олеси, например. Особенно смачно получалось, когда Завгаев представлял как муж этой подруги оприходуется сейчас Олесю. А он, Герман Завгаев - трахает саму подругу. Которая уже в тайне от своего мужа - отдается ему.

В общем, сплошной разврат был в голове Завгаева. При этом он продолжал вполне сносно выполнять свою работу. И можно было предположить, что так никто не догадывался о его сексуальных фантазиях. Да и не делился Завгаев не с кем. Он по прежнему строил карьеру (на кону стоял ожидаемый им пост какого-либо министра или даже премьера - если особенно повезет), и рассчитывал когда-либо достигнуть своей цели, не считая, что должен преклоняться перед временными слабостями. Точнее - он преклонялся перед ними, но раз об этом никто не знал, то уже получалось, что это и не слабости были вовсе. А даже словно бы наоборот - это была его тайна. А как любая тайна - и эта в том числе придавала этому человеку дополнительную силу и

уверенность. И он, в общем-то, наслаждался жизнью. Его вообще всегда, надо заметить, сопровождали какие тайны. Поэтому в том, что появилась еще одна - он не находил чего-то предосудительного или тем более загадочного. Считая, в общем, что все так быть и должно.

Часть 5

Глава 1

Галанин заканчивал свод правил, который должен был символизировать его единение (подключение) к особого рода знаниям, способным помочь - сделать жизнь лучше и надежнее. А еще честнее. Именно честность стояла во главе всего, что можно было предположить Дмитрию - для общества.

Какие-либо контакты с обществом одновременно и заключались и игнорировались. Подобная биполярность, по его мнению, могла свидетельствовать о том, что мир вокруг достаточно неоднороден, чтобы приходить к каким-то одним заключениям относительно него. И требуется еще достаточно существенный "разбор полетов" относительно роли и места в этой жизни самого Галанина. Причем можно было признаться (Дмитрий доверил тайну автору, а автор уже с разрешения его - вам), что над этим сводом-кодексом (Галанин пока не определился с названием, да и это, по его мнению, было не так важно), он работал всю сознательную жизнь. Которую еще не прожил, но ведь и работа только подходила к завершению, но об окончании ее говорить было рано.

Работа шла полным ходом. Была использована огромная кипа литературы разного толка. Преимущество отдавалось философской и схожей научной направленности. А также произведениям классиков и ряда авторов (таких набиралось

не более двух десятков), которым Галанин как-то по особенному доверял.

У иных авторов было всего по одному знаковому для Дмитрия произведению, у кого-то таких насчитывалось несколько, но почти однозначно можно было заключить, что: 1) каждый из них оказал воздействие на жизнь Галанина; 2) произведения этих авторов можно было перечитывать (часто - по несколько раз, а то и чуть ли не до полного заучивания).

Галанин, впрочем, обладал отменной памятью. Почти все, что он читал - запоминал. И при случае выдергивал из памяти тот или иной отрезок, наслаждаясь содержанием его, подолгу смакуя и облюбовывая.

Андрей Белый, Курт Воннегут, Роберт Музиль, Владимир Набоков, Николай Гоголь, Серен Кьеркегор, Франц Кафка, Эрнст Теодор Амадей Гофман, Гюстав Флобер, Сергей Довлатов, Анатолий Мариенгоф, Иосиф Бродский, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Сергей Георгиевич Карамурза, Александр Зиновьев, Зигмунд Фрейд, и ряд других - вот неполный список имен, имеющих значение для Дмитрия Галанина.

Кроме того список дополнялся писателями и философами (из 200-250 фамилий), которых Дмитрий тоже считал достаточно великими, и произведения которых хоть уже не перечитывал, но в свое время читал если не запоем, то уж точно - с превеликим удовольствием.

Всего Галанин прочитал около 100 тысяч томов (некоторые считали эту цифру заниженной; реальная, по их мнению, приближалась к полумиллиону).

Ну, как бы уже не было - у Галанина были все основания считать себя достаточно образованным человеком. Ведь тому, кто читает книги, уже как бы изначально приоткрывается определенная тайна, которая через время (совсем независимо от какого-то желания индивида) подталкивает его к вхождению в определенные условия жизни, наделяя своего рода пониманием, да и вообще, оказывается так, что он явно начинает видеть заметно больше чем другие. Ведь каждая книга, считал Галанин, это жизнь как минимум одного человека. А если учитывать, что основных героев в любом произведении как минимум

несколько - то после прочтения такой книги получается, что словно бы вы смогли на протяжении какого-то небольшого промежутка времени наблюдать жизнь многих людей. А если счет книгам идет на сотни? А на сотни тысяч? А на миллионы...

Галанин торжествовал. Сошлось еще одно звено в его многоступенчатой цепи откровений, получаемых им от жизни, посредством самой жизни. Можно сказать что принцип детерминизма, ярим сторонником которого стал Дмитрий в последнее время, явил себя во всей красе, все больше подтверждаясь и располагая к себе.

И уже оказывается так, что будущее не только вырисовывалось перед ним достаточно ожидаемое, но и выходило, что у него были все основания самому решать: приблизить его, или на какое-то время заморозить.

Он пока выбирал первое. Галанин просто привык идти вперед. И уже получалось, что какие-то трудности, которые как будто и могли возникнуть - самым загадочным образом не улавливались им. Попросту не замечались. Причем прослеживался даже некий незыблемый характер этого "не замечания". Потому как выходило, что чем больше он раздумывал о происходящем, тем больше склонялся к мысли, что фактически он сам им и управляет. Ну, или почти сам. Что, рассматривая в глобальном масштабе, могло быть сродни все же и действительно одному и тому же.

.....

Несмотря на работу по составлению упомянутого свода правил, следовало все же заметить, что в не зависимости как это все называлось, подобная работа была весьма важная и значимая для Галанина. Так получалось, что он давно уже нащупал нечто, что могло вступать в некий коррелят с происходившим в жизни; в его жизни; после чего выходило так, что Галанин замечал, что как ни крути - существуют определенные законы, в рамках которых, собственно, жизнь и движется.

При этом она, конечно, может двигаться и словно сама по себе. Но это кажущееся предположение все-таки достаточно ошибочно. Ни что не может быть просто так. Все на планете подчинено единому циклическому движению. И когда Галанин это понял окончательно (постепенно подтверждались сопоставляемые с возрастом данные, происходящие с ним в разный период жизни; причем в качестве выборки он действительно взял все сознательные годы, но преимущество отвел последнему десятилетию), он одновременно ужаснулся и обрадовался.

Ужаснулся прежде всего себе, тому что раннее приходилось совершать столь много ошибок, которых - зная теперешний результат - вполне можно было бы избежать; а обрадовался... Ну, как любой ученый, он обрадовался полученному открытию. Но вот словно выходило, что радость эта была какая-то... ну, загадочная что ли. Словно бы он понимал, что радоваться надо, но тут же задумывался над тем, что он это в первую очередь понимает, а не происходит радость естественно. Ведь относясь к некому...

Он вдруг понял. Виной всему как раз его маска. Та маска, которую приходилось ему все эти годы надевать, желая лучше адаптироваться в этом мире. Желая, быть может (на первом этапе), просто выжить. А потом уже словно смекнув, что жить так несколько проще - да и в итоге лучше - уже решил подобную маску не снимать. Тем самым словно бы обрекая себя на страдания. Да и страдания, по сути, были незаметны сразу. А может так получалось, что они по большому счету были и вовсе не заметны. Причем когда в его голове вспыхивал какой пожар сомнений, Дмитрий Галанин даже не успевал толком опечалиться, или еще как огорчиться. А оказывалось, что начинается у него (само по себе; словно бы само по себе) некая саморегуляции. После чего понимает он, что, в общем-то - и не плохо. И если он может - а он мог - продолжать жить так дальше, то уже действительно жил, словно и не обращая внимание на случившееся с ним. И даже чувствовал, что становится заметно лучше от того, что он вроде как и понимает это, но словно бы и все равно продолжает жить так, а не иначе. После чего... Ну, как бы уже получалось, что вдруг что-то в

его голове срastалось; становилось на свои места. Становилось иной раз даже лучше, чем было. И уже оказывалось, что нет ничего такого, что бы вызывало в его груди настоящий пожар-тревогу. Которая если и была, то была скорее вымышленной (больше - вымышленной), чем, быть может, таковая была у него на самом деле.

И уже это видимо и объясняло существование маски. Той маски, о которой вспомнил он сейчас. И которая -- как выходило -- защищала его все эти годы.

.....

Несмотря на прохождение жизни Галанина по определенным этапам, он все время подспудно тянулся к тому, чтобы как-то ее упорядочить. Нащупав то правило, которое позволило бы ему безукоризненно побеждать в соприкосновении с трудностями, случавшимся в жизни. Причем так выходило, что он понял, что мы сами, по сути, чаще всего эти трудности создаем. То есть имеет место определенная проекция, в зависимости от существования которой, человек часто видит не то что есть, а то что он бессознательно ожидает или хочет увидеть.

Причем даже оказывается, что не все так и плохо. К чему-то он привыкает сразу. К чему-то подходит постепенно в течении жизни. Но уже бесспорно то, что, несмотря на кажущееся безразличие к подобному процессу, каждый более-менее сознательный и трезвомыслящий человек на определенном этапе своей жизни понимает, что как бы и невозможно совсем игнорировать подобный порядок жизнеустройства. И необходимо...

Необходимо ("самое оптимальное",-- подумал Галанин) признать полностью такой порядок. Потому как любые формы протеста, уже, так или иначе, выливаются в нечто, что хоть и существует ("скорее - имеет право на существование",-- поправил он сам себя), но тем не менее уже оказывается, что они как бы и не нужны. На них можно даже, иной раз, обратить внимание. Но будет это как нечто, что почти совершенно не играет роли. Потому как

оказывается, что сама жизнь, выстраивая свои законы, продолжает существовать согласно единожды установленному своду правил. Ну, быть может, только слегка что-то корректируя и уточняя по времени.

Но и при этом как бы оказывается, что если не обращать внимание на подобного рода законы, то они существуют все равно (уже как бы независимо ни от чего). Да вот только сам человек лишает себя при этом возможности разобраться с собой. Наладив и выстроив те отношения с жизнью, которые могли бы (и определенно способны) ему помочь. И уже как бы отказываясь от этого...

--Ну,--задумался Галанин,--справедливости ради стоит отметить, что не все способны на какой-то подобный анализ.

--Но с другой стороны,--тут же ответил он сам себе.--Получается так, что природа (жизнь, Бог) сама не только управляет, но и расставляет все таким образом, что как бы изначально отсеивает тех, кто еще не готов к подобному пониманию. Заметно приближая действительно способных понять.

--Причем, видимо,-- дополнил он себя,-- не только понять, но и принять всем сердцем (а не только разумом; так сказать - усилить разум - чувством, чувственностью, исходившей от сердца) подобное откровение. И если уже предположить, что все это действительно является так, то совсем как будто и незачем в чем-то сомневаться; выискивая те противоречия, которые большей частью нам именно кажутся, чем реально существуют.

В последующие дни Галанин находился в каком-то особенном прекрасном (возвышенном) состоянии духа. Словно бы уже получалось, что в его жизни вдруг разом сошлось все или многое. Разве что он понимал и сам, что пока это было не так. Что до окончательного анализа, до завершения его, еще должно будет пройти заметно больше времени, чем, быть может, это пока представлялось.

Но самое главное,-- Галанин был готов к подобному.

И это было самое главное.

Глава 2

В оценке Галанина собственной жизни видимо достаточно отчетливо превалировала та идейная содержательность, которую любой желающий, умудрившийся проследить весь его жизненный путь, сумел бы обнаружить и достаточно часто, и - иной раз - достаточно явно выделявшимся. При этом вполне разумно было бы заключить, что в вопросе изучения себя как раз сам Галанин преуспел в достаточно большей степени, нежели (можно допустить) какие-либо исследователи. Да и не было таковых, в общем-то. Жизнь Галанин вел если и интересную да насыщенную, то большей частью таковая она казалась только ему. Да и других, стоило заметить, Дмитрий Израилевич не очень-то стремился вводить в эту самую жизнь. Притом что уже получалось, если он и задумывался о чем-то, то правдивость подобных размышлений уже можно было ставить под сомнение. И как раз противоречие читалось в тех аспектах его жизнеустройства, которые Галанин, сколько не пытался, в должной мере так и не способен был наладить. И если даже предположить, что у него на многое хватило бы сил и решимости (а сдаваться как будто он был пока не намерен), то это ведь совсем не значило, что что-то ему так-то бы удалось. Ну, разве что со временем, когда он сумел бы все-таки выйти на какую-то финальную прямую. Хотя, можно предположить, как раз сейчас он на одну из таких прямых вышел. Другой вопрос - сколько ему придется еще двигаться в подобном направлении. Да и - дойдет ли он вообще до цели с теми же самыми намерениями, что существовали у него сейчас. А если предположить, что изменятся они? Вопрос...

К подобного рода вопросам Галанин не только был готов, но и вполне мог признаться, что они преследовали его на протяжении жизни.

Но вот что более еще понимал Галанин (и это видимо как-то перекликалось с разрабатываемым им сводом правил; кстати - разрабатываемым больше в своей памяти; пока он предпочитал подобное нигде не фиксировать, используя мысли, высказанные когда-то академиком Натальей Павловной Бехтеревой о системе запоминания), так это то,

что за каждые поступки, совершенные когда-то - необходимо было нести вполне определенную плату. И в какой-то мере это опять же перекликалось с принципом детерминации. Причем, становились не важны ни сроки давности, ни еще какие параметры. Потому как понял Галанин, что все в мире имеет четкие начало и конец. И если когда удастся нам выхватить мысль (подобное бывает когда нам кажется, что какая-то мысль вдруг неожиданно приходит в голову), то все происходит не просто так, и на самом деле если и приходит, то как раз в результате того, что мысль эта *выхватывается* из длинного ряда других; существующих уже как бы и независимо от какого желания индивида. И служит, вероятно, целью еще большего нашего приближения к правде. К той правде, конечно, которая способна подобному человеку открыться.

И при этом уже здесь мог бы заметить Дмитрий Израилевич, что когда становится возможным подобное, то означает это, что судьба дает возможность этого. (Причем судьба, Бог - в данном контексте уже суть одно).

--И если подобное случилось с ним,-- рассудил Дмитрий,-- так значит на то было высочайшее предписание. Ибо попросту не может быть как-то иначе. А кто не верит...

Галанин остановился в своей мысли. Он, было, уже хотел предположить, что такой человек значит по меньшей мере дурак, как тут же подумал что негоже ему высказывать такие суждения. В том числе еще и потому, что система его требовала подтверждения жизнью и временем. И если он готов предположить худшее, то это не есть правильно. А быть может даже и здесь где-нибудь способна будет закрасться ошибка. А ошибаться ему не хотелось бы.

Выходило так, что рассматривая вопрос наличия в самом себе адаптационных возможностей (что-то навроде механизмов саморегуляции), Галанин стал замечать, что в иных вопросах он вроде как и не чувствует какой ни вины ни тревоги. Конечно, пока об этом говорить было рано, но уже становилось понятно, что в вопросе своего рода

беспошлинности собственной психики (когда можно было уже не испытывать той симптоматики, от которой вроде как страдал раньше), Дмитрий Галанин оказывался на высоте. И даже Василий Панкеев, который после брака с Марией Выготской как-то быстро изменился, удивлялся и был готов умолять Галанина поделиться опытом, столь, вроде как, излечившим его.

Галанин подобное отверг, сославшись, что теория его еще вполне возможно до конца не верна. И требует как минимум апробацию опытом. На что Панкеев заметил, что он готов выступить в роли такого подопытного. Чтобы, тем самым,-- улыбнулся Василий Петрович,-- послужить науке.

Галанин, было, задумался, но во второй раз отверг такое предложение.

--Ну почему?--не понимал Панкеев.--Ведь если рассудить...

--Логика здесь не уместна,--оборвал его Галанин.

--Ошибаетесь, молодой человек,--искренне произнес Панкеев, и у него была при этом такая интонация, что Галанин невольно остановил на нем взгляд.

Панкеев тоже стал смотреть на Дмитрия. Сложно было сказать, что он при этом думал, но что верно - мысли его крутились вокруг самого Дмитрия Галанина и его слов.

--Ну, может быть Вы и правы,--неожиданно обратившись к нему на вы (они давно были на ты; но даже к близким знакомым Галанин иной раз невольно обращался на вы, то ли желая подчеркнуть значимость своих слов, то ли еще по какой причине), задумчиво произнес Галанин.

--Конечно прав,--убежденно ответил Панкеев.--Я вообще, если вы заметили (принял игру Панкеев) стараюсь как-то изначально все должным образом просчитывать, и только потом делать какие-то выводы.

--Ну, я тоже просчитываю,--нашелся Галанин. Но уже было заметно, что ему понравились слова Панкеева. Вот только он усомнился, что тот так-то уж может у него чему-то научиться. В том плане,--пояснил Галанин,--что вы и сами знаете многое.

--Многое, да не все,--ответил Панкеев.

И неожиданно Василий Петрович рассказал, что его брак с Марией Выготской на самом деле оказался не столь счастливым, как это она старалась показать. Даже может быть брак и вовсе был несчастлив. По крайней мере, Панкеев уже хотел развестись. Просто женщина пока держалась за него мертвой хваткой. Да и чтобы принять окончательное решение, необходимо было ему все окончательно взвесить. Главным образом чтобы не оказалось,--пояснил Панкеев,-- что бы виноват он. Ведь если так - буду испытывать чувство вины,--виновато опустил глаза Василий Петрович, и Галанину впервые за время разговора стало Панкеева жаль.

В последующие несколько дней они встречались несколько раз. Под воздействием Галанина (ставшего с недавних пор убежденным холостяком) Панкеев развелся с Марией. А чтобы поддержать товарища - Галанин пригласил его пожить у него.

Панкеев невольно рассмеялся.

Дмитрий посмотрел на него несколько удивленно, но вскоре не сдержался и тоже стал хохотать, когда Панкеев пояснил причину смеха (то, что смех был нервным - Галанин понял и сам). Оказалось, Панкеев невольно вспомнил гоголевского Манилова, когда тот мечтал что, мол, как было бы хорошо, если бы они с Чичиковым поселились по соседству, и устраивали философские беседы.

--Да уж,-- все еще улыбаясь, произнес Галанин.--Беседы у нас точно будут философскими. Особенно после поллитра.

--А я бросил пить,--неожиданно признался Панкеев.

--Совсем?--не понял Галанин.

--Совсем,--кивнул Панкеев.--Знаешь, вдруг захотелось пожить по человечески. Ведь помимо провокации мозга, когда мозговая деятельность увеличивается, и кажется, что ты соображаешь лучше, алкоголь постепенно вводит нас в измененные состояния сознания. И уже оказывается, что взгляд на мир становится несколько ("как минимум несколько",--усмехнулся Панкеев) искаженным.

--Есть такое,--кивнул в подтверждение слов друга Галанин.--Я ведь уже давно не пью.

--По этой причине?--быстро произнес Панкеев, уточняя.

--Ну, и по этой тоже,--не стал скрывать Галанин, и рассказал, что он как-то понял, что не должен давать шанса врагам ("коих много даже в дружеском обличье",--заметил он) управлять его жизнью. Ну, получается, те же измененные состояния сознания,--добавил он, видя что Панкеев задумался над его словами, и желая сделать еще более понятным смысл их.--Ведь когда я пил, то становился излишне, как сейчас понял, добрым. А мир, к сожалению, не таков. А потому...--Галанин закурил,--а потому и пользовались все моей добротой,--произнес он, выдыхая дым сигары.--Фактически, и насмехаясь и обманывая.

--Верно,--сокрушено закивал головой Панкеев.--Смотрю, перешел на сигары?--спросил он, показав глазами портсигар, который Дмитрий убирал в карман пиджака.

--Да,--кивнул Галанин.--Решил, что если отказался от алкоголя, то могу позволить себе сменить сигареты на сигары. Давно, кстати, собирался это сделать, да все что-то оттягивало.

Панкеев улыбнулся, про себя согласившись, что Галанин по-прежнему оказывался во всем прав. Ему вообще нравился Дмитрий Израилевич. Нравился какой-то своей обстоятельностью. Отношением к жизни. Умением так просчитать ожидаемое в жизни, что оно действительно все чаще поворачивалось к нему лицом, а не задом. Как пока было у Панкеева.

--А если честно,--посмотрел на Галанина Панкеев.--Я ведь уезжаю. В Штаты.

--Лекции?--все понял Галанин, памятуя как когда-то один из американских университетов уже приглашал профессора Панкеева читать лекции по биологии и химии.

--Лекции,--улыбнувшись, кивнул Панкеев.--Так что, проблема как вроде бы отпадает сама собой,--задумчиво произнес он, погружаясь в какие-то свои мысли.

Может он уже думал об Америке. Может о своем недавнем браке и скоротечном разводе. Ну и что уж точно, думал о чем-то таком, что Галанину стало неловко мешать старинному приятелю; и, откланявшись, он ушел.

И уже обернувшись через добрую полусотню метров, Галанин увидел, что Панкеев все также неподвижно стоит

посреди тротуара (до этого они прохаживались по улице по время обеденного перерыва профессора Панкеева, вышедшего купить сигареты в ларек, и случайно столкнувшегося с Галаниным, идущим куда-то по своим делам), погружившись в свои мысли, и о чем-то тихонько улыбаясь.

Дмитрий Галанин тоже улыбнулся и ускорил шаг. Ему не хотелось чтобы, очнувшись, Панкеев окликнул его.

--Пусть лучше пребывает на своей "волне",--подумал Галанин, соглашаясь с собой, что для Панкеева сейчас так было действительно лучше. И что уж точно -- спокойнее. Для его души.

Глава 3

Больше всего на свете Галанин любил книги. Так получалось, что он словно бы вынужденно обманывал и себя и других, ведя как будто иную жизнь, чем на самом деле даже представлял себе.

Да он ничего толком и не представлял. Просто так получалось, что он только единожды задумался обо всем этом, и уже как-то для себя решил, что видимо ему вполне необходимо выбрать как раз такой образ жизни, когда никто (ведь и на самом деле никто) не смог бы его "просчитать".

Когда он словно бы опутывал своими щупальцами всех находящихся поблизости. Играл бы с ними, забавлялся, выстраивая свои какие-то игрища-ловушки (для их разума), а на самом деле все время придерживался бы какой-то одной линии поведения. И при этом чтобы обязательно никто не мог бы догадаться о характере проделываемых им манипуляций.

Что необходимо для этого? Как вроде бы немного. Ежедневная практика (общение и чтение). Вот и все. Но именно каждый день, помногу, подолгу, да и вообще, нисколько нельзя было жалеть себя. Тогда (только тогда) возможен результат и беспроигрышность. Ну а от тех, кто бы его "раскусывал" (на каком-то этапе) необходимо было попросту избавляться. Ради продолжения игры.

Ради продолжения игры Галанин как раз и задумывал различные многоходовые комбинации, которые должны были в итоге приводить его к положительным (другие бы он не признал) результатам.

Прежде всего, необходимо было перестроить внутреннее мировоззрение. Еще от природы ("от папы с мамой", -- как говорил когда-то Высоцкий на вопрос почему у него такой голос) Дмитрий Галанин получил некоторые особенности, которые по большому счету почти всегда ему больше мешали, нежели чем он мог бы извлечь от них какую пользу. Ну, например, его так оказавшаяся ненужной в современном мире доброта. Окружающий мир был совсем не добрый, и тех, кто оказывался слишком доверчивый - опутывал этот мир своими щупальцами-ловушками, заманивая в капканы, где или уничтожал как личность, или же требовал немедленных изменений, после чего такой человек уже мог вполне реально контактировать с миром других людей.

Получилось так, что Галанин как-то быстро пришел к подобной формуле жизни. И с тех пор как она прочно вошла в его плоть и кровь, стал на самом деле совсем другим человеком. Хотя, по сути, должен был еще пройти немалый срок, прежде чем бы у него на самом деле все получилось. И даже как вроде бы оказывалось, что его периодические попытки возвратиться обратно -- на самом деле ни к чему не приводили. Можно сказать - были безрезультатны и почти совсем бесполезны. Ну, разве, если принять во внимание, что любые наши поступки - есть суть получения нами жизненного опыта, -- то в таком случае все как вроде бы и было достаточно безопасно и безвредно. Но не сказать что так-то необходимо.

Когда Галанин рос и становился взрослее, то можно было признаться, что все детско-юношеские годы еще прошли под рамками следования установкам, которые заложили в нем родители. И даже уже когда он стал юношей, а после и молодым человеком, получалось, что все равно жил он еще чем-то таким, что больше напоминало на какие-то идеи, нежели в этих идеях присутствовал практицизм.

И даже оказывалось так, что он на какое-то время и вовсе отказался от каких-либо стремлений измениться. А если и не отказался, то попросту не понимал, куда же ему, собственно, необходимо идти. В каком направлении двигаться. Что делать.

Знаменитый вопрос Чернышевского так навсегда бы и завис в его сознании-подсознании, если бы в один из дней Дима Галанин не начал читать.

Читал он много и взахлеб. Библиотека родителей (как и их скромные наставления) уберегли юношу от беспорядочного чтения. В итоге в отличие от гоголевского персонажа, читающего все подряд, если только выдавался момент для чтения, Дмитрий Галанин действительно как-то быстро научился выделять в ожидаемом его чтении главное и второстепенное. И даже уже получалось, что он весьма быстро освоил знания, которых недоставало не только сверстникам юного Галанина, но людям старшего поколения.

А сам Дмитрий Израилевич, получалось, проживая одну жизнь - жил сразу множество. Герои книг также жили с ним рядом. И их путь - был путь и его. Переживая вместе с ними - он взрослел. Радуюсь - испытывал еще большую радость от их радости. И даже оказывалось, что весьма скоро Дмитрий Галанин стал весьма начитанным молодым человеком. Который, впрочем, не спешил распространяться о своей "правде" (правда - как результат "откровения"; к этой правде он пришел в результате чтения), рассуждая так, что каждому человеку все равно предстоит пройти свой путь. И от того, как он его пройдет или не пройдет - в целом мире совсем ничего не изменится. А потому помогать кому-то пройти этот путь...

Впрочем, Галанин вроде как и собирался не помогать - но от природы он был педагог. А потому, видя заблудшие души - выводил их к свету (в случае если видел что свет им действительно необходим). Совсем не ожидая какой-то людской благодарности, и словно бы понимая, что это совсем не главное. Да и книга книг (Библия) вроде как учила смирению и доброте к другим. А также учила не ждать от людей благодарности (Галанин изучал многие религии, но

прекрасно знал все основные, из которых более предпочитал православие, потому как сам был православным, несмотря на иудейство папы, Израиля Модестовича, еврея в третьем поколении, тоже, впрочем, со временем принявшего православие, хотя и несколько тяготевшего к протестантству) от людей, делая им исключительно добро, фактически заботясь о них, и радуясь тому, что уже помогает им.

Странная началась жизнь у Дмитрия Галанина.

Но еще более интересней казалось то, что он на самом деле как бы и желал наступления подобного. И даже чем больше пытался сдержат себя, все равно подсознательно верил, что именно так все и должно быть. И несмотря на какие-то внутренние трудности (чаще всего имели место стереотипы, оттягивающие его назад; а он сопротивлялся), Галанин все равно не спешил сдаваться. Да он даже и если сдавался, то словно бы это тоже была игра. Игра по каким-то особым правилам. Игра, где будто бы совсем не было победителей. А это прекрасно осознавали играющие. Допускающие подобный ход вещей. И не стремящиеся искать каких-либо компромиссов. Понимая, что нечто подобное действительно и возможно, и должно было быть.

Кто-то сказал бы, что Галанин был странен. Ну, так он и на самом деле был достаточно странен для того, чтобы разрешить какие-то противоречия как-то сразу и словно бы даже неосознанно для себя. И при этом он так-то уж не стремился приумолять собственные достоинства. Понимая (и допуская), что все в этой жизни именно так и должно было быть. Чтобы, уже получалось, не сдаваться потом перед какими трудностями. И даже знать, что если что-то решать, то решать однозначно просто. Без завихрений и накручиваний самому себе.

Не любил Дмитрий подобное самоедство. Можно допустить, что от природы он был достаточно загадочен, чтобы вредить самому себе. Но и при этом как-то получалось, что Галанин нисколько не сопротивлялся, если допускал что ошибался; признавая подобное сразу, и чуть ли не на месте стремившись исправить проблему, выискивая

для себя какие новые компромиссы, и не виня себя, если что-то не получалось.

Получалось. Так вышло, что у него-то как раз многое и получалось. И предполагая какую ошибку, Дмитрий Галанин иной раз как будто и не спешил ее исправить. Словно бы дожидаясь своей очереди. При которой то, что должно было в итоге получиться,-- должно было иметь совсем иные величины. Допуская в свое сердце больше радость,-- нежели печаль, тревогу, или беспокойство.

.....

Жизнь все больше казалась Галанину забавной и увлекательной.

Он уже не лил слезы, сожалея о случившемся когда-то. А словно бы и намеренно вспоминал все это, чтобы попросту уже по-другому отреагировать на случившееся. Не дав поселиться в душе своей излишнему негативу. И рассчитывая видимо со временем вовсе избавиться от него. Путем, например, даже не поглощения (и пропускания внутрь себя), а - преобразовав то что было, расщепив в сознании детали какого негативного события (события - вызывавшего ранее в душе негативные ассоциации), и словно бы даже превратив все это на нечто доброе и вообще, быть может, даже необходимое для него.

Случалось - получалось. Даже все больше у него получалось. И если даже предположить, что в этом было больше от какого позерства и даже воровства (воровства радости у себя), то наверняка нечто подобное так-то уж не стоило замечать, излишне придавая этому совсем не нужное в таких случаях значение. Оказывавшееся действительно ненужным и большей частью бесполезным.

Глава 4

Сложно сказать, что по настоящему чувствовал Галанин, когда думал о себе.

Конечно, был по всему Дмитрий Израилевич загадочным человеком. Хотя и сам свою же загадочность не стремился

признавать. Допуская многое из того, что о нем говорили люди, но и не более того.

А со временем Галанин научился и вовсе не обращать внимания на других. Понимая, что он выстраивает свой собственный мир. И если только допустить, что в этот мир способны вмешаться другие, -- означало бы это уже поражение. Потому как в свой мир Галанин не допускал никого. Уверенно хранив собственные секреты, и не мешая никому жить своей жизнью, обходя стороной как раз эти секреты.

Что было говорить. Дмитрий Галанин действительно во всем стремился сохранять внутреннюю индивидуальность. И если только предположить, что кто-то бы попытался нарушить ее, наверняка тут же разом Галанин разорвал бы отношения с таким человеком. Не считая даже необходимым что-то кому-то доказывать. И поступая так, он был более чем уверен, что как раз так быть и должно. Что ему совсем не стоило догадываться о чем-то, что могло бы как-то изменить судьбу. Он ее совсем не хотел менять. Вернее, не только не хотел, но и всячески отвергал попытки вмешиваться в нее со стороны. Решив, что если он что-то и должен делать, то непременно только то, что решал сам. Потому как так было по настоящему справедливо. Ну а почему и нет?

.....

Среда, в которой вырос Дима Галанин, формировала его как-то не сразу, а постепенно.

При этом можно было допустить, что что-то конечно происходило постепенно. А что-то - и сразу.

Но вот если брать в каком-то глобальном аспекте, то тут, конечно же, явно прослеживался принцип постепенности.

Сначала Дима несколько и не воспринимал ни свое происхождение (родители отца и матери - дворяне, сами родители - ответственные чиновники советского времени). Более того, учась в школе, и замечая, что учителя относятся к нему несколько иначе, чем к другим, Дмитрий вроде как даже и мечтал слиться с общей массой. Стеснялся, что ли. Ну, во всяком случае, чувствовал определенный дискомфорт.

При этом даже директор школы при виде его словно бы расшаркивался (у Димы всегда было такое ощущение). А когда он попадал в пионерские лагеря (всесоюзные и самые лучшие - "Артек", "Кавказ", "Орленок" -- тройка ведущих пионерлагерей Советского Союза, где побывал Дмитрий) подобное преклонение перед ним продолжалось.

И конечно же Дима понимал, что он-то как раз здесь ни при чем. Поклоняясь ему - взрослые прежде всего заискивали (пусть некоторые и бессознательно) перед его родителями. Даже мать Димы, Лидия Васильевна, перед тем как случилась Перестройка, и она сознательно решила стать домохозяйкой, уйдя со всех своих постов, занимала положение, сравнимое со статусом регионального министра. Отец же был как минимум на порядок выше. И при этом отец также был отличный физик (физик-ядерщик), руководил до своего назначения в аппарат Совмина рядом закрытых КБ и НИИ (последовательно и по возрастающей поднимаясь к вершине власти). И только развал Советского Союза после предательства Горбачева и всей своры врагов народа все разрушил, срезав родителей с верхушки власти. Именно тогда, справедливо подозревал Дмитрий, было положено начало кризису, в результате которого в итоге и погибли его родители (тот теракт в супермаркете был лишь итогом; начало было положено ранее. Когда врагами народа и предателями родины разом оказались растоптаны идеалы, за которые боролись его родители; бабка Дмитрия по материнской линии была одной из активисток колхозного движения; дед по материнской линии - служил сначала в губчека, а после получил назначение на ряд партийных должностей, являясь в разные годы третьим, вторым и первым секретарем обкомов и горкомов ряда областей центральной России).

Уже в более старшие годы (студенческие) Дмитрий Галанин вроде как и начал чувствовать еще большее отличие от других, но это скорее выглядело в форме забавных просветов; когда словно вспышки, в его сознании мелькали кадры-события жизни, которая была (в его представлении, разбавленная фактами биографии детства), или же которая

только должна быть. Но вполне могло так случиться, что на самом деле никогда и не будет.

Вообще же происходило так, что Галанин словно бы периодически стал испытывать некое "подключение" к какой-то особой форме разума. Которая вмешивалась, оказывая влияние на сознание-подсознание (видимо на сознание, после откладываясь в подсознании, и так или иначе уже в длительном временном промежутке воздействуя вновь на сознание), и фактически направляя его жизнь. Жизнь, которая достаточно загадочным образом стала теперь казаться весьма интересной, а может даже и увлекательной. И при этом, ни разу Дмитрий Галанин не попытался закрыть каналы доступа информации извне. Потому как перекрыв этот доступ...

В общем, сначала не решался, а после, когда он уже достаточно вырос, начиная наверное с эпохи его тридцатилетия, у Дмитрия Галанина вообще оказалась чуть ли не единственная возможность получать особого рода информацию как раз посредством такого *подключения*. В нем черпал он силы. Потому как стоило только нащупать в его сознании кнопку подобного канала, включив его, Дмитрий получал возможность оценки события прошлого - с учетом прожитой своей жизни в настоящем.

То есть уже как бы получалось, что его психика оказалась наделена дополнительными возможностями, посредством которых он мог еще раз проживать жизнь, которую уже прожил когда-то. Но тогда - он сам находился большей частью в неосознанном образе. Когда в силу возраста не мог в должной мере осознавать-оценивать события и факты, и если выносил какие-то комментарии, то сейчас уже подозревал, что они большей частью были ошибочны. Тогда как сейчас...

Сейчас все было по-другому. Каким-то чудом ему предоставлялась возможность заглянуть в прошлое, пройдя по новой те ситуации, которые уже случались с ним. Но если тогда он словно был второстепенным участником их, то теперь вся драма разыгрывалась специально для него. И он, наблюдая не из-за угла, а как полноправный участник, с грустью замечал ошибки, совершенные когда-то. Причем

уже то, что в то время, заметить он их, исправить все равно бы не смог, теперь или не имело значение (хотя бы потому, что исправить было все равно невозможно), или же ему предоставлялся некий шанс, воспользуясь он которым, мог бы если и не повернуть ход судьбы, то хотя бы искупить вину за уже совершенное когда-то.

При этом поначалу Дмитрий, конечно же, не обольщался тем, что что-то будет в реальности, получится, ну или будет несколько не так, как должно быть.

Но потом сам не зная почему, поверил. Видимо подобная правда подкупила его своей ненавязчивостью. Когда становилось известно, что все произойдет вроде как и совсем независимо от его какого-то желания или не желания. Когда все уже вообще произошло. А у него просто появлялась возможность еще раз прожить какой-то отрезок своей жизни. И может даже и не прожить его. Но что уж точно - окунуться в него. Что-то испытать заново. По другому.

Быть может и по-другому. Хотя пока оказывалось так, что, несмотря на то, что Дмитрий подходил к вопросу прошлого (к вопросу ситуаций, произошедших в прошлом), он все равно совершал все так, как и произошло уже когда-то. И это не говорило ни о его нежелании изменяться, ни вообще о какой-то форме обмане. Скорей всего получалось, что пока в его психике имело место сопротивление. Когда психика, посредством специфики особых механизмов, не давала возможность признать ошибочным весь путь, который он прошел на свои годы. Ведь допусти такое ("рассуждал Дмитрий"), и признав чуть ли не в каждом совершенном в прошлом поступке ошибку...

Ну, тогда быть может встал бы вопрос вообще о целесообразности жизни. Потому как, если он прожил чуть больше трети жизни (а может и уже половину жизни, а то и больше, учитывая годы жизни родителей, не дотянувших и до шестидесяти) и сейчас способен был признать, что все это большей частью был брак и нелепость, то как бы он мог тогда воспринимать...

В общем, никак и не мог. А потому психика и сопротивлялась таким образом. Словно ненамеренно выдавая погрешность уже в заложенной программе. И если

бы даже Галанин оказался способен программу переставить (пока у него не было даже мысли о подобном), то вряд ли оказался бы что-то в силах изменить. Вероятней всего, Дмитрию уместней было бы признать все как есть, и все же постараться нащупать нечто, что в итоге и окажется способно вывести его из каскада противоречий.

.....

Признаться, подобное сделать оказывалось невозможно. Дмитрий только раз попробовал сойти с дистанции, и уже понял, что: 1) сделать это не сможет; 2) сама способность испытывать подобное - есть некий дар. А потому как любой дар, он не может исчезнуть совсем просто так (сам по себе), а будет существовать столько, сколько в нем было заложено изначально.

В общем, все это уже как бы говорило о том, что Галанин попал в поле действий неких сил, которые в какой-то мере руководили теперь его жизнью. Причем уже в том, что он там оказался, не приходилось сомневаться в действиях некой особой запрограммированности, в русле которой в большинстве случаев проходит жизнь каждого из индивидов. Просто кому-то удастся подобную цепь события не замечать, кто-то не должен ее замечать до поры до времени, кому-то вообще не дано подобное. Но уже независимо ни от чего, все это и случается, и происходит. Причем вроде как совсем неважно, что действительно думает при этом сам человек. Вот Галанин, например, сначала ни о чем не думал, потом вдруг стал задумываться, а, задумавшись - попытался избежать какой преднамеренности судьбы. И так получилось, что ему даже не то что не удалось это сделать, а просто он как-то быстро понял, что, собственно, делать ему ничего подобного не стоило. Что судьба наоборот, предоставляет ему определенный шанс, воспользуйся он которым, и тотчас же в его жизни многое изменится. И самое главное, он на саму жизнь сможет взглянуть с иных позиций. И даже окажется, что видеть он вдруг начинает несколько (сначала несколько, а после - несравненно) больше, чем удавалось замечать доселе. А проходит еще какое время, и

Дмитрий Галанин уже и совсем как вроде бы не может иначе. И уже получается, что ему даже это в какой-то мере нравится. По крайней мере, кажется заметно оправданным подобное соотношение дел, когда он, улавливая нечто, происходящее до этого на параллельном плане, вдруг не просто видит этот план, но и входит, срастается с ним. И теперь его некогда одна жизнь - становится иной, расширяясь, и превращаясь в форму чего-то такого, чему пока и названия нет. Вернее наверное есть, но вот Дмитрий понимает, что пока не может сам все структурировать должным образом. И понимая это, он вдруг понимает и еще много чего. Понимает, например, что попросту не должен был поощрять множество как будто невидимых отрицательных моментов в свой адрес со стороны других людей; потому как, появившись раз, они совсем никуда не исчезли. А затаившись на время - попросту ищут еще шанса, чтобы воспользовавшись его слабостью (любой человек периодически бывает слаб) атаковать его, завладев крупицами разума, и уже после, начиная диктовать некоторые условия, которые, конечно же, будут в больше мере необходимы им, нежели чем ему. И подобное не только возможно, но и уже так получается, что начинает достаточно активно вмешиваться в его жизнь. Жизнь, в которой прежде как будто бы и не было, и не могло быть чего-то подобного, а тут вдруг разом все активизируется (и, прежде всего, враг), и начинают уже заполнять его сознание мрачные мысли. Становившиеся иной раз слишком мрачными, чтобы уже начинать задумываться о попытке избавления от них. Но как только он начинал уже - пусть и пока бессознательно - искать пути спасения, эти мысли вдруг затихали до времени. А он, по слабости своей решив что они исчезли навсегда, успокаивался. Чтобы через какое-то время вновь попасть в ловушку. Причем на этот раз все случилось так, что было совсем непредсказуемо. И даже создавалось впечатление, что никто не был виноват. Ну, разве что, при случае можно было списать на судьбу. Но разве это судьба? Разве судьба виновата в том, что сначала она как вроде бы сама давала шансы обратить внимание на то, что позже станет вносить явный дискомфорт в психику. А после, когда, несмотря на

любые попытки увещевания, тот к кому обращались они, не обратил на это никакого внимания, тем самым как бы подтвердив предположение, что снимает с себя все, относительно своей дальнейшей судьбы. И тогда уже оказывается... Тогда уже оказывается, подумал Галанин, что он действительно сам и во всем виноват. А если вдруг окажется что он попытается винить кого-либо другого, то явно уже это будет ошибочно, да и вообще, видимо в корне неправильно.

.....

Поднимая вопрос о некоей избранности, Галанин допускал, что не все на самом деле выглядит столь просто, чтобы сейчас уже он мог так запросто докопаться до какой-то истины.

Хотя и если рассматривать вопрос времени, то наверняка также и оказывается, что вопрос времени как таковой - будет явно размыт и сглажен. Хотя бы потому, что ведь не только сейчас начал думать об этом. А уже на протяжении достаточно длительного времени Дмитрий рассуждал на тему себя, своей жизни. И тогда уже можно было рассматривать вопрос с тех позиций, что он как бы оказался уже к текущему времени подготовлен к подобному ходу вещей. И даже справедливо допустить, что именно все оказывалось так, что он только сейчас оказался подготовлен к тому роду информации, которым и на самом деле располагал; информации, которая, по сути, и открылась ему.

А потому уже оказывается так, что все предыдущее время - было словно бы подготовка как раз к этому. После такой подготовки мысли Галанина стали в состоянии воспринимать необходимый поток информации в нужном ключе. Чтобы теперь, получив этот ключ (некий ключ доступа) - изменить его сознание, повлияв на него с такой силой, на которую ранее, быть может, он и совсем не мог рассчитывать, не боясь что она поглотит его. А так, получалось, все как бы оказалось весьма вовремя, и весьма кстати.

Впрочем, он мог до сих пор еще в чем-то и ошибаться. Ну и тогда уже, даже ошибка эта оказывалась столь необходима ему, чтобы он попросту не остановился на достигнутом. А шел вперед, к тому результату, который - что уж точно - уже достаточно явно обозначился.

Глава 5

Как бы уже получалось так, что Дмитрий Галанин, пытаясь в который раз разобраться в том что с ним происходит, стал приходить к определенным обстоятельствам, ему как бы внутренне и чуждым.

И уже выходило, что логичнее всего было бы ему вообще отказаться от подобного. Да еще, быть может, попытаться ввести какое табу на собственные измышления. Потому как уже выходило, что выходили его утверждения какими опасными. Достаточно опасными, чтобы, попавшись, даже забыть их, он вынужден был все равно возвращаться к ним же. Да еще и придумывать нечто, что могло бы помочь ему переосмыслить что-то подобное. Как бы осознать все это по-новому, по-другому, и что наверняка - совсем, пожалуй, не так, как это могло бы у него получиться ранее.

И при этом Дмитрий Галанин знал, что если он в полной мере подойдет к подобным умозаключениям, то наверняка, допускал он, появиться там и некая истина; свидетельствующая о некоем ином отношении его ко всему, свидетелем чего он становился. И рассудив так, Дмитрий Галанин по новой бросался на амбразуру исповеди самого себя. И перед ним иной раз открывались такие перспективы, что он сам задумывался над тем, что вроде как и не время еще думать о чем-то подобном; вроде как он, его сознание, его психика, его разум не готовы еще к осмыслению подобного. И если выходило уже так, то почему бы...

Не всегда в последнее время Галанину удавалось заканчивать собственные фразы.

Чувствовал он, случалось, страшное напряжение; и прежде всего от того, что вспоминал поступки, совершенные когда-то, и понимал, что он, по сути, вор и предатель.

Причем, и воровал и предавал у близких людей и людей близких. Тех, кто никогда бы не подумал о нем подобное. А он же - доверчиво и преданно улыбаясь - бил их ножом в спину. Или указывал другим такие подробности, которые: 1) никто не знал кроме него; 2) могли принести наибольшие страдания предаваемым им людям.

И в итоге получалось так, что не заслуживал он пощады ни при каких раскладах. И даже если рассудить почему он совершал все это, если попытаться найти нечто, что могло бы послужить хоть частично в его оправдание, все равно он знал, что вина его намного порядков больше, чем самое, что ни на есть искупление, совершенное им.

И не заслуживал он никакого искупления. А только еще больше должен был страдать. А, страдая, не молить о пощаде, и не пытаться высвободиться от гнета окутавшего его. Хотя и почти тут же он понимал, что если даст сейчас поглотить безумию, то означать это будет еще большее предательство. И в первую очередь перед теми, кто страданием и смертью своими искупил вину и его. Быть может даже в тайной надежде, что будет он жить долго или вечно. И что уж точно, ему хватит времени, чтобы закрыть вопрос.

Глава 6

Путь переосмысления, путь прочувствования жизненной ситуации, -- Галанин считал, что это правильный путь. И несмотря на то, что не все общество фактически было готово к подобному внутреннему копанию (перед этим, полагал Дмитрий Израилевич, для каждого должны быть созданы определенные предпосылки), Галанин продолжал самосовершенствоваться таким образом. Прежде всего литература. Литературу для чтения Дмитрий Израилевич делил на два уровня: 1) художественная; 2) научная.

Первая подразделялась на две составляющие: а) классика (преимущественно до XX века); б) избирательная литература, преимущественно австро-германская, с дополнениями из авторов, которые рассматривали состояние души человека (Набоков, Андрей Белый, Воннегут, Кафка, Кундера, Каннети, Музиль, ряд других). То есть тексты были из категории не для всех. Галанин справедливо полагал, что для подобного человека у каждого желающего не просто прочитать подобные тексты, а насладиться чтением, понять все изыски его, и тому подобное, должны быть созданы некие особые предпосылки, начиная от значительного читательского стажа, и заканчивая своего рода читательским талантом.

Классику же необходимо было просто знать. При этом, наверное, как и у любого человека, тут у Галанина были свои пристрастия. Например, он наслаждался чтением произведений Гоголя, Гофмана, Флобера. По-своему уважал Достоевского, Пушкина (прозу), Островского, Соллогуба, Стендаля, Диккенса. Несколько недолюбливал Чехова. Несколько отрицательно относился к Бальзаку, Гюго, Толстому (и тому и другому). С интересом относился к Кржижановскому, Салтыкову-Щедрину, Теккерею. Почти никак не воспринимал Лермонтова. Да и список можно было смело продолжать. Тем более что писателей 20 века Галанин прочитал тоже такое количество, по которому вполне можно было судить о том, что он как минимум знал предмет. Причем Дмитрий читал до сих пор, запоем, и считал самым лучшим подарком книгу, а препровождением - время, проведенное за чтением.

Но вот чем он становился старше, тем больше изменялись его предпочтения. И теперь он любил исключительно философско-психологически закрученную прозу. Там где в полной мере могли напрягаться мозги. Где те включались, а сам Дмитрий испытывал внутреннее удовлетворение.

По сути, он сам себя загонял в угол, при этом понимая, что это так.

И даже не просто понимал, а отдавал себе полный отчет своих действиях, фактически подводя себя ими к смерти. Да

ведь Дмитрий Галанин и действительно достаточно снисходительно относился к смерти. Явно за ней не гнался, но если она подступит - готов был ее принять. И - усмехнувшись - шагнуть в пропасть.

Сейчас ему было 35. В скором времени должно было исполниться...

Ну, Дмитрий рассчитывал дожить до 40, 42, если удастся - 45 лет.

При этом допускал, что если перешагнут эту планку - вполне возможно будет жить и достаточно долго. Самое главное, что пока он был уверен, что не все завершил в этой жизни, он не стремился к другой (фактически к смерти; в загробную жизнь при всем уважении к религии Галанин не верил). И самое любопытное, что пока Галанин не чувствовал такого уж удовлетворения от сделанного им. Может потому, что еще ничего не сделал? Возможно. При этом еще было несколько удивительно, что Дмитрий до конца не определился со спецификой (скорее - ориентацией) получаемых знаний. Ведь помимо ряда профессий (и предметов), которыми он овладел на достаточно высоком уровне, Дмитрий Галанин все так же продолжал совершенствоваться в получении знаний. И даже, если разобраться, ему еще предстояло сделать многое.

.....

Помимо социологии и философии (о литературе мы уже упоминали), Дмитрий в последнее время постарался хотя бы искусственно сузить круг собственных научных пристрастий. И хотя он продолжал изредка (загруженность была минимальная) читать лекции в вузе (даже в рядах вузов северной столицы, куда с недавних пор переехал из столицы обычной), его предметы еще требовали своего уточнения. Впрочем, это уже скорее было из того, что Галанин больше предполагал, чем на самом деле допускал, что так будет. Ведь так выходило, что на каком-то этапе он вполне мог ограничиться упомянутыми дисциплинами; притом что знал

по себе, как только будет испытывать недостаток в знаниях - тот час же постарается их восполнить.

И если Дмитрий ставил цель (достаточно было ее поставить в подсознании), и почти тот час же с настойчивостью бультерьера он вгрызался в интересующий его предмет. Стараясь отдаваться ему полностью, и нисколько не отвлекаясь на постороннее. Он просто умел в таких ситуациях расчертить жизнь на главное и второстепенное. И то, что касалось этого второстепенного, попросту в тот момент отбрасывалось. Причем со временем (годы... годы...) Галанин научился не только не переживать о частице жизни, которая как бы проходила в этот момент мимо, но он и вовсе уже не думал об этом. Не только не замечая какого-то душевного дискомфорта, но и испытывая даже чувство удовлетворенности.

Видимо он смог сломать стереотипы, сложившиеся под воздействием среды. Ведь среда обитание на самом деле невероятно много значит. И в зависимости от круга общения - способна приносить в нашу жизнь несравненно больше негатива, чем то быть может и кажется на первый взгляд. И даже если разобраться, намного разумнее не только вырваться из негативной среды (формирующей негатив в поведении и закладывающей модель будущего поведения), но и даже как будто вырвавшись (считая, что это так), четче прорисовывать круг общения индивида.

Потому как любые негативно настроенные субъекты вполне способны разрушить выстраиваемый мир. Отбросив далеко назад в стремлениях достигнуть совершенства.

И то ли на каком-то этапе Галанину действительно удалось собраться, то ли попросту со временем вошло в привычку, но он и на самом деле ни о чем не жалел и не переживал. Занимаясь наукой, и стараясь не отвлекаться на нечто, что могло бы постижению этой науки помешать.

.....

И ведь не сказать, что он так-то мог или хотел задуматься о чем.

Но вот выходило, что Галанин отчего-то понял, что стало ему как-то тесно жить в тех рамках, в которых находился он. И пребывая в них, он с тех пор стремился выскользнуть из них. Чтобы, оказавшись как бы наверху того, что до этого довлело над ним, осознать, что нет ничего, чтобы могло так-то уж помешать ему. Причем, если рассматривать вопрос как бы в аспекте того, что действительно могло произойти с ним (и даже пока не того что произошло, потому как Галанин часто опережал события, воспринимая то, чего его не было - за уже произошедшее), то тут тоже вырисовывалась иной раз достаточно любопытная картина. Ибо оказывалось так, что, несмотря на повороты судьбы, в то время когда Галанин был чем-то занят, не замечая опасности, которая должна была произойти с ним, так вот тогда как будто (по какому-то удивительному стечению обстоятельств) ничего и не происходило. В то время как стоило Дмитрию более внимательно подойти к чему-то, что могло бы привести к опасности, так он уже начинал воображать себе невесть что.

И в итоге как будто случайно оказывалось, что что-то с ним и действительно происходило такое, на что он мог обратить внимание ранее, и обратив - словно бы и дождался подобного.

Галанин не только иногда был странен и загадочен, он таковым казался всем без исключения окружающим. Разве что со временем как-то хитро научился с этим бороться. И иной раз попросту не выходил из дома, пока не чувствовал явное улучшение.

Причем уже оказывалось так, что, даже чувствуя его, он все равно перестраховывался.

В результате чего совсем невозможно было сказать, что было что-то действительно опасно. Ну, так получалось.

Глава 7

Несмотря на какое-либо понимание жизни, Галанин продолжал находиться в некоем забытьи; после чего он вдруг находил что к нему приходят иной раз очень даже замечательные мысли.

Но потом почти всегда он забывался крепким сном. И, по сути, ему было не так-то легко вспомнить все то, о чем он совсем недавно как будто бы и с таким восторгом размышлял.

И при этом можно было сказать, что сам Галанин (достаточно искренне) стремился понять что с ним происходит.

Но и даже понимание это как будто не вносило какого-то успокоения в его душу. А случалось, ему и вовсе становилось вдруг достаточно легко и свободно. И тогда казалось, что каких-то особых проблем как будто не существует. А все, к чему он давеча каким-то образом пришел - и вовсе вдруг отходило на второй план. После чего Дмитрий замечал, что все вообще-то давно уже способно идти неким иным направлением. Которое он, впрочем, угадывал лишь изредка, и почти всегда несерьезно.

.....

Выходило так, что видимо Дмитрий Галанин сам отдавал себе отчет в своих действиях, и при этом как бы старался все сделать так, чтобы невероятным образом запутать самого себя. Кстати, свои записи (а он вел записи) Галанин не читал. И не по какой-то надуманной причине, а видимо вполне целенаправленно; словно бы стремился он избежать каких-то воспоминаний, которые и так, надо заметить, весьма преследовали его; а тут, уже получается, могли и вовсе привести к чему-то по большому счету нелепому и даже может непоправимому.

И при этом - Галанин тянулся ко всякого рода биографической и мемуарной литературе. Прочитывая ту иной раз в невероятных количествах. И даже можно предположить, он и сам задумывал писать нечто подобное. Притом как это должно быть и во что вылиться - Дмитрий не знал. Разве что предполагал, но что его предположения, когда он сам замечал, что они способны были запутать всех

без исключения (включая его). И при всем при том, Галанин весьма ответственно с недавних пор относился к любым собственным словам-мыслям (мыслям-словам). Считая их что-то на вроде откровений, спускавшихся к нему; и обозначавших по сути что-то такое загадочное, быть может даже забавное, и что уж точно - привлекательное. Но когда он уже как вроде бы действительно считал так - облако, принесшее как будто совсем недавно столь чудные мысли - исчезало. И Дмитрию предстояла своего рода новая борьба-сражение; сражение, в котором, как оказывалось, совсем не было победителей. И лишь так иной раз выходило, что он как будто бы предугадывал нечто, что способно обратить во внимание то, чего явно ему не хватало. Но и даже как будто бы заметив это - он все равно стремился достигнуть чего-то поистине невероятного. Отчего иной раз и сам терялся, совершая поистине что-то такое, отчего явным (и достаточно заметным) образом страдал. Причем совсем уже как будто нельзя было говорить о том, что Дмитрий Галанин как-либо внешне отображал такие страдания. Нет. Как раз внешне он уже научился вести себя таким образом, чтобы как будто не обращать внимания на то, что если и было ясно и понятно ему, то на самом деле (можно представить) так не было. И при этом...

Выходило так, что Дмитрий Галанин со временем действительно научился скрывать свои чувства; явно ощущая нечто такое, что как будто бы всегда оставалось за кадром жизни, в которой он жил. И даже можно предположить, что он иной раз начинал видеть себя со стороны. Когда ситуация начинала напоминать ту, которая иной раз случается с нами во сне. Когда мы имеем чудную возможность наблюдать за собой как бы со стороны. Причем, ощущая некоторые свои поступки столь отчетливо, словно бы мы их и на самом деле совершили. Так вот - Галанин стал испытывать подобное чувство наяву. Да еще иной раз оно появлялось в его сознании каждый день. Хотя он на самом деле до конца не решил, замедляют эти ощущения какой-то нереальности день, или же наоборот - удлиняют его.

.....

Можно сказать - он все поставил на карту судьбы. Только сейчас Дмитрий понял (при этом даже не испытал какого ужаса - просто осознание произошедшего), что он все фактически поставил на карту судьбы. Да и случилось это не сейчас. Еще давно, рассуждая о жизни (стоило сказать - его традиционные рассуждения), Галанин неким образом пришел к выводу, что если будет такая необходимость - он вполне сможет пожертвовать многим ради достижения своих целей.

Позже уже оказалось, что: 1) особо жертвовать не пришлось; 2) целей как таковых не было. Вернее, цели, конечно, были. Но они все словно бы рассеивались среди всего того, что было ему и так как будто необходимо. При этом совсем как будто бы не хотелось говорить (думать и желать) о тех обстоятельствах, что практически все в его жизни уже по настоящему случалось тогда, когда он упускал начало подобного. И быть может именно в невозможности предугадать сей миг - и омрачали в последствии его нынешние дни. Когда он если и видел какой просвет, то шел туда; и только после начинал замечать другие варианты. Которые может быть и способны были по настоящему увлечь его, но что уж точно - совсем не в тот момент, когда: 1) это было нужно; 2) по настоящему происходило.

Другими словами уже можно было сказать, что сам Дмитрий Галанин как будто и вовсе не стремился к чему-то такому, что ему в последующем пожелалось бы вспомнить с большой радостью или хотя бы охотой. И при всем при том, он продолжал свой анализ произошедших моментов; словно бы и не предугадывая их. Но испытывая к подобному некие добрые чувства и верно - какие положительные эмоции.

Впрочем, по натуре Галанин все-таки продолжал являться достаточно скрытным человеком. И если рассудить, то и не так-то легко было его по настоящему сбить с какого пути, который ему самому на тот момент (предположим так) казался наиболее оптимальным и необходимым. Кстати, как раз в этом Дмитрий напоминал Панкеева. И несмотря на то

что Василий Петрович в последнее время весьма оторвался от всех (включая Галанина), Дмитрий Израилевич все равно продолжал весьма положительно (с соответствующими - добрыми - эмоциями) думать о Панкееве. И даже можно предположить, в его размышление уже достаточно часто закрадывалась этакая тень легкого сомнения. Чему виной, вероятно, было их слишком редкие встречи в последнее время. Да и, по сути, Галанин уже стал догадываться (промелькнувшее было соображение тут же исчезло; чтобы появиться после и остаться на всегда) о своей невероятной схожести с Панкеевым. И даже можно было предположить, что общаясь или только думая о Панкееве - Галанин невольно видел в нем себя. Проецируя на него все то, что было уже в его самого состоянии психики. Причем, наверное сам Панкеев как будто и догадывался об этом. Но еще через время Галанин (одно время было носившийся с подобным откровением и решавший как лучше ему скорректировать свою жизнь) понял, что все это есть как минимум обман. (Как максимум это была его собственная патология психики, и он об этом предпочитал не думать.)

Тем не менее, после открывшихся *откровений* он решил, что его жизнь, по всей видимости, и действительно требует серьезных корректив. И даже вообще, быть может, он именно сейчас находится на пороге самых удивительных открытий (в области себя), к которым раньше лишь только приближался; но что уж точно - не входил даже в зону узнаваемости последних. Отчего приходилось ему через время начинать все сначала.

Причем уже так выходило, что чувствовал от всего этого Галанин некоторую неудовлетворенность (происходящим). И быть может даже так получалось, что все, что с ним происходило - было, по сути, и не таким уж важным, как быть может это могло казаться в результате его мыслительной деятельности. И даже если предположить что...

В тот день случилось еще много размышлений Дмитрия Галанина. И можно согласиться, что по основным из них он практически оказался на пороге действительно открытий в

сфере разгадывания себя. Ведь вся его сознательная жизнь (таковую он вел, по его словам, лет с тридцати, хотя ростки проступали и уже в двадцать) была подчинена фактически узнаванию себя в адаптивных возможностях-приложению к окружающему миру. И если предположить, что подобная игра (это мы вольны считать подобное игрой; сам бы Галанин говорить так не осмелился) весьма затянулась (и уже фактически не была способна привести к существенным - даже просто более-менее видимым да заметным - результатам), то можно было говорить сейчас о том, что что-то в этой жизни Дмитрий Галанин действительно разгадал. И даже уже получалось, мог изменить - на фоне этого - дальнейшую жизнь.

Ну и уже получается - судьбу. Хотя стремился ли он к подобным изменениям - по крайней мере для нас, до сих оставалось загадкой.

Часть 6

Глава 1

Так получается, что Галанин подозревал, что его мир, его внутренний мир, так устроен, что все имеет если и не четкую программу предстоящих действий, то что уж точно, на самом деле все просто не может быть так просто, как это было доселе.

Да и если раньше еще было так, то не из-за того, что тогда это действительно та было, а сейчас вдруг стало иначе (или наоборот); скорее всего становилось подобное возможным как раз из-за того, что раннее он что-либо попросту не замечал. И угадывая изредка (подобное видимо находится в введении интуиции) какую-либо цель ожидаемых событий, уже судил о ней исходя из каких-то внутренних предположений. Тогда как, то, что он по настоящему желал, по всей видимости так и оставалось загадкой.

Глава 2

С полным правом могу сказать, что я еще многого не знаю. Пусть иногда и выходит, что знания мои удивительным образом захлестывают сознание, явно вырываясь наружу, и

при этом так же выходит, что мне кажется, что это все столь абстрактно и нелепо, что стоит только раз серьезно задуматься обо всем, как подобное явно пойдет прахом. И что уж точно, изменится невообразимым образом.

.....

Поначалу мне хотелось узнать, когда все началось. Но уже подумав и об этом, я как-то быстро понял, что подобное мне совсем безразлично. И если только предположить, что мне будет достаточно каких-то определенных знаний, я также вполне могу существовать. Хотя видимо и не в самих знаниях суть. Тем более что все перевешивало мое искреннее желание разобраться как в себе, так и проанализировать людей, попадавших в зону моего общения хотя бы минимально продолжительное время (минимально необходимое для того, чтобы можно сделать какой-то анализ). И при этом так оказывалось, что каким-то внутренним чутьем я чувствовал, что все на самом деле просто не может быть так просто. И если судьба что-то дает мне, значит просто необходимо (я даже обязан) найти во всем этом некий смысл, видимо исходящий из определенной запрограммированности ожидавшего меня действия.

.....

Если предположить что характер моего жизненного пути всегда имел четкую структуру и определенность, то все это также могло и означать, что нечто уже изначально было дано свыше. Причем я уже допускаю, что все это пришло (передалось) и в т. ч. филогенетическим путем. Тогда как если рассудить (между рассуждениями и предположениями в данном случае видимо наблюдается тождественное равенство), то и поступки, сопровождавшие мою прошлую жизнь, видимо необходимо оценивать с позиции уже имеющегося у меня некоего предвидения лучшего выбора. А значит это уже означает одно: все мои недавние мысли-воспоминания, при которых настоящее как бы очерняется в

угоду прошлого - не только неверны и ошибочны, но и, по всей видимости, имеют смысл противоположный имеющемуся в наличии на самом деле.

Другими словами, уже как бы получается, что мне совсем (и нисколько) не следовало как-либо переживать по поводу того, что когда-то было лучше, чем сейчас. Хотя и, разумеется, прошлое по-прежнему оставалось передо мной в виде наиглавнейшего ориентира, которому необходимо следовать.

.....

Забавно... Получается так, что независимо от моего какого-то желания-нежелания (хотя желание все же видимо присутствовало), я тем не менее совершал какие-либо поступки, действия, руководствовался определенными желаниями, которые, по всей видимости, лежали в плоскости адаптации моей психики к окружающему миру в целом, и социуму в частности.

Не сказать, что раньше я так-то уж излишне безразлично взирал на мир вокруг себя. Ведь я раньше (и всегда) продолжал борьбу не только за выживание, но и за улучшение собственных адаптивных возможностей.

При этом хотелось говорить и о том, что были на этом этапе свои победы и поражения. Но уже видимо достижение всего этого заключалось как раз в том, что все они приближали общую победу. И это открытие как-то по-особенному стало для меня важно после того, как подобное начало вдруг ежедневно подтверждаться. И мне казалось, что именно все это так быть и должно. Хотя и, конечно же, приходилось по-особенному расстраиваться из-за того, что пришлось раннее терять излишне много сил, нервов, и несбывшихся желаний впустую.

.....
..

Разбирая свой внутренний мир я неким таинственным образом (отчего-то верится, что действительно случайно) нащупал то нечто, что должно было в итоге привести меня к ожидаемым результатам.

Прежде всего оказывалось, что совсем не нужно искать патологию там где ее нет. А погружение себя в какое-то состояние, чтобы позже из него выбираться, по всей видимости, есть абсурд. И как уверен теперь - мне нисколько не нужно.

.....

Можно предположить, что я как будто снова погружаюсь в свое детство, вспоминая то нечто, что было там как какое-то забавное и, пожалуй, достаточно удивительное время.

При этом я как бы все время чувствую, что все на самом деле не так, или не должно быть так. Что чего-то (многого?) я уже не помню. А сама память как будто насмехаясь надо мной, выдергивает порой совсем не те куски, которые мне были бы необходимы для разрешения загадок, возникающих в последующей моей жизни.

И при этом я уже понимаю, что так быть и должно. Что поиски чего-то, чего быть может и никогда не было, на самом деле нисколько не принесут мне того удовлетворения, к которому я фактически всегда стремился. Что даже получается так, что тем самым я уже запутываю себя. Ведь говорить, что тогда было намного лучше чем сейчас, уже означало бы, по всей видимости, отрицать саму жизнь. Ибо просто не верится мне (вмешивается сознание) что все, что происходило после - было не верно. Видимо скорее следует говорить о том, что если какие-то ошибки и возникали после, то их или было ровно (или почти) столько же, сколько и могло быть ранее. Или же то, что я считал ошибками, на самом деле ими-то как раз совсем не было. А возникновение подобного чувства уже само по себе нелепо и загадочно.

.....

Когда я задумываюсь о чем-либо, это наверно еще совсем не значит, что становлюсь уверен будто удастся - даже со временем - понять смысл происходящего.

Притом что иной раз оказывается так, что мне словно бы и видится нечто как будто само собой разумеющееся. Но уже после оказывается, что или вижу я проблему не целиком и полностью, или же на многое как будто уже изначально приходится смотреть достаточно отвлеченным взглядом. От того, что во всем этом присутствует некий потусторонний смысл. Который если и заключается в чем-то, то, как бы уж точно не в том, что видится сразу и изначально.

Глава 3

Рассматривая вопрос произошедших с ним в последнее время изменений, Галанин вынужден был признать, что какая-либо его критика в адрес событий происходивших в настоящем не только крайне ошибочна, но еще и вредна и опасна. Вредна в первую очередь для психики в целом. Вредна, если исходить из тех предположений, что неким таинственным образом природа все равно продолжала оберегать его. А он припомнил, что действительно в отдельных случаях вынужден был поступать иначе, чем, быть может, и рассчитывал делать ранее; что означало (или, как минимум, косвенно подтверждалось), что путь его обрамлялся какой-то жизненной предрасположенностью; ну, то есть, находился в спектре действий ее. И всяческим таинственным образом указывал на свою избирательность в вопросах ожидавших его событий. А равно, уже получается, и его будущего.

К тому же он стал догадываться, что его начинает захлестывать нечто новое, и, по всей видимости, достаточно удивительное и увлекательное, чтобы пытаться описывать это каким другим способом, нежели чем он избрал для ведения подобных записей. Причем так получалось, что чем больше он размышлял о сегодняшнем времени, тем больше Дмитрий Израилевич верил, что он видимо - пусть и даже

совсем случайно - нащупал ту нить, которая, так уж выходило, и должна была, по всей видимости, вывести к соответствующим и так необходимым ему умозаключениям. Причем уже как бы оказывалось, что все, к чему он с недавних пор (да и наверное вообще всегда) стремился - так же заслуживает своего уважения. Хотя бы потому, что ему казалось подобное действительно важным и необходимым.

А еще он знал (сначала, было, только подозревал, а теперь знал), что сам сознательно накручивает проблему, видя эту самую проблематику там, где ее как будто совсем не могло быть. Ну, или могло. Просто он ее не замечал ранее. Несмотря на кажущееся безразличие к собственной персоне, следовало учитывать, что как раз за собой он следил более чем явно. Стремившись к тому, чтобы за многими угадываемыми (и узнаваемыми) величинами все же скрывалось нечто, что в итоге просто не могло (не должно было) приводить к таким уж разгадкам. Ну, или же наоборот,-- если и приводило к ним, то казалось на самом деле еще более загадочным, чем, наверное, по сути должно было быть.

Глава 4

Конечно, я понимал, что мне во что бы то ни стало необходима некая структурированность правды. Ведь выходило, что даже если предположить что я, Дмитрий Израилевич Галанин так-то уж действительно стремился к созданию некой особой модели, которая по всему должна еще была спасти и самого меня, то уже я просто не мог (не был способен, запрещал себе) создавать ее в контексте безразличия к собственной судьбе.

Это было конечно не так. Как раз необходимость преобразований собственной жизни, необходимость создания тех предпосылок, которые уже так или иначе способны привести и к пониманию себя, в этом видимо и заключалось та роль чего-то судьбоносного и архиважного, к которому, по сути, я все время и стремился.

И конечно же при всем при том я самым иной раз опаснейшим образом отдалялся от себя же; намереваясь если и достигнуть чего-то так необходимого мне, то уже рассматривал подобное в русле того, что свершится должно было, но не могло по разного рода причинам, главной из которых была моя общая неготовность к осознанию подобных характеристик; точнее - начинанию от неосознания, и заканчивая фактическим избеганием всего того, к чему в последствие я столь удивительным образом возвращался.

.....

Галанин уже не прерывал и не заканчивал свои записи, понимая что им уготована определенная роль в разрешении противоречий собственной судьбы, а потому они фактически и ни за что не могли закончиться, опять же хотя бы по той причине, что, прежде всего, он не был способен остановить их.

.....

Если подходить к вопросу ликвидности собственных жизненных акций, то уже фактически я просто обязан обратить внимание на некоторую - достаточно удивительную - особенность всего происходящего со мной. Ведь даже независимо (и не спрашивая у меня) от моего какого-то желания на переднем плане моего сознания выдвигался некий путь, некое стереотипическое единство, признавая которое (и выбирая его), я как бы уже и независимо ни от чего делал выбор в пользу определенной модели, которой начинал следовать на определенном этапе собственной жизни, понимая что это и является так, и по другому быть попросту не может.

Другими словами, мне как бы уже не оставляли иного шанса, как принять подобное (собственное) умозаключение. Причем вся мыслимая и не мыслимая борьба внутри меня как бы отходила (при этом) на второй план. И становилось до очевидности понятным, что предстоит мне следовать

этому новому для себя пути. Причем если предположить что этот путь способен впоследствии как-то негативно на мне сказаться... В общем, по большому счету я никогда и не считал что это так. А словно бы и наоборот, стоило мне задуматься над этим, как почти тут же находилось нечто, что отводило мои мысли, успокаивая их. И я уже понимал, что мне, пожалуй, и действительно совсем не стоило переживать как бы ни о чем.

Притом что я отдавал достаточно трезвый отчет, что все происходящее явно в большей степени (и прежде всего) необходимо уже мне.

Глава 5

Оказывалось так, что делая более чем настоятельные попытки добиться разрешения каких-либо собственных конфликтов, Дмитрий как бы подходил к их разрешению (и, прежде всего, оценке) столь непредвзято, что иной раз и сам начинал запутываться, задавая вопросы себе, действительно ли это все так, или существует у него на самом деле другая цель, а все то, к чему он так стремился... Ну, в общем, он ведь вполне легко мог и запутаться. Хотя и даже полностью запутавшись, Галанин знал, что ничто на самом деле не способно выбить его из колеи следования плану, к выполнению которого он фактически подходил всю жизнь.

.....

Почти невозможно было уверенно утверждать: ошибался ли он? Ведь в любом случае, какие-либо собственные заблуждения Галанин со временем находил и исправлял. И даже если предположить, что на каком-то этапе выходил из собственного жизненного пространства, он все равно уже так или иначе возвращался ко всему тому, что способно было увенчать последующими положительными эпитетами совершаемое им. А если при этом допустить, что многое он по-прежнему не понимал, то можно было бы и поставить под сомнение совершение им подобных действий, если не

учитывать, что к любым поступкам Галанин подходил довольно предвзято, и на самом деле все равно подводил их смысловую направленность к некоторому логическому завершению. Допуская что подобное обязательно должно (обязано) быть, уже даже несмотря на что-либо.

Глава 6

Галанин по-прежнему чувствовал то нервное состояние, которое испытывал он и ранее.

Правда, уже оказывалось так, что все это словно бы незаметно отходило на второй план. И после его мнимой смерти (когда он умер в первую очередь для всех, но потом оказалось и для себя; хотя как раз для себя оставался жив), у него уже получалось так, что смерть сама по себе не оказалась тем избавлением от страданий, о котором он быть может мечтал.

Причем даже выходило, что и самих страданий как будто не было. Было нечто мнимое и до конца не изученное. К чему Дмитрий уже так или иначе стремился. Но до чего пойти не мог.

Прежде всего, важно (как-то по-особенному важно) становилось понимание происходящего с ним. И как раз тут уже оказывалось, что, несмотря на кажущиеся удачными попытки изменений (ожидания последних), дело обстояло таким образом, что все, что с ним происходило, было как бы в последнее время и не по настоящему. Словно бы уже оказывалось, что он вполне был способен разобраться самолично с этими проблемами. Да и все что происходило с ним - казалось столь немаловажным, что вроде как и не было уже настолько значимым для него, что он способен был чего-нибудь в равной мере испугаться или вообще, получается, как-то по *старому* отнестись к существующей проблеме. Ведь можно было заметить (и признать, сейчас - признать), что все, что происходило с ним как раз сейчас,-- на самом деле так-то уж серьезно не беспокоило его. То есть он вроде как и начинался было волноваться о чем; но почти тут же успокаивался. Понимая, что как раз причины как будто никакой нет. А если и ощущал он нечто, что содрогалось в

его груди, так все как-то быстро (и почти независимо от него) рассеивалось; он успокаивался. И начинал словно бы жить по новому.

Это и действительно походило на другую жизнь. В Дмитрие Галанине вдруг включались механизмы саморегуляции, благодаря которым он не только переставал ощущать тревогу и тревожность (второе видимо некое производное от первого, рассуждал он), но и все беспокойство, которое раньше тоже приходило вслед за нежелательной симптоматикой - вдруг исчезало. А ему становилось достаточно спокойно. И даже он находил, что повода больше расстраиваться уже не будет.

Глава 7

Выходило так, что Дмитрий Галанин уже даже и не стоял на пути к какому-то внутреннему совершенству (точнее - не задумывался о нем). А словно бы получалось, что у него все чаще подтверждалась в действии разрабатываемая (разработанная, дорабатываемая и совершенствующая) методика, согласно которой он уже предпочитал если не строить жизнь, то, что уж точно, оправдывать жизненное содержание. Выискивая всякий раз нечто новое, что, по его мнению, способно было обратить любую жизненную ситуацию в какой-то положительный результат.

Причем уже оказывалось, что если случалось что-то с Галаниным, то он уже как бы невольно выискивал нечто, из-за чего, по его мнению, там, собственно, все и могло произойти. И если вдруг оказывалось, что причина совершения подобного носила несколько негативный характер, то в этом случае Галанин предпочитал запоминать ее. Чтобы в последующем - не допускать подобного. И при этом запоминая, он обращал главное внимание на откладывание информации в подсознании. Потому как справедливо полагал, что в таком случае даже через годы любая информация (информация любой давности) способна будет прийти как раз в момент, когда психика его будет в ней наивысшим образом нуждаться. И при этом уже как бы

оказывалось, что он достаточно искренне верил и в судьбу, и в господ Бога, управлявшего этой судьбой. Хотя и понимая при этом, что в обществе до сих пор еще наблюдается разброд и шатание по поводу такой точки зрения, при случае охотно заменял имя Бога - существованием некоей силы, которая в конечном итоге и влияет на все, совершаемое в мире. Причем уже оказывалось, что даже самый скептически настроенный человек (такие случались в компании с Галаниным) все равно не мог опровергнуть материализм существующего мира. Потому как до сих пор еще было нечто, что таинственным образом требовало объяснения, но объяснение иначе как вмешательством неких сил (почему бы это не Бог, --иной раз в таких случаях говорил Галанин) и было возможно.

В итоге, оказывалось так, что Галанин действительно пребывал на какой-то своей, отличной от большинства (по характеру подключения), волне. И уже даже оказывалось, что несмотря на стремление проступавшее иной раз сделать что-то, что противоречило бы какой душевной упорядоченности, то словно бы все равно получалось, что ничего не могло быть так, как если бы Дмитрий Галанин не ставил на первое место именно интуицию. И понимая при этом, что все совершается им как раз так, как желает того Бог.

Глава 8

Любопытно, но наблюдались у Галанина весьма загадочные отношения с женщинами. Даже получалось, что в свое время он даже попытался, было, и вовсе не замечать последних.

Не удалось.

И не только от того, что природа взяла верх, но и сознание Дмитрия Израилевича (хотя справедливо предположить что сознание зависит от психики, а на психику оказывает влияние подсознание; как, впрочем, и минуя психику - сразу на сознание, косвенно в этой самой психике отображаясь) было готово к тому, чтобы в жизнь вошла женщина. И видимо так она была готова, что на одной женщине не

только не остановилось, но и со временем Галанин прослыл донжуаном; потому как этих женщин в его жизни стало и на самом деле столько, что ему уже самому стало сложно разбираться со всеми этими *любовями*.

Причем еще через время уже вышло, что Дмитрий никого на самом деле и не любил. Ну, или научился так относиться к женщинами, что оказывалось, что хоть и различались они, но существовала определенная категория дам, с каждой из которых Дмитрий чувствовал себя весьма комфортно.

Внешность была не при чем. Ум и... Хотя, скорей всего следовало попросту отметить, что во всех этих женщинах существовала некая привлекательность, позволяющая Галанину одинаково влюбляться в них. Да и может быть уже отсюда - развивалась моногамная структура сексуально-жизненного уклада этого человека. Когда выходило так, что он одновременно хорошо (одинаково) мог относиться к нескольким женщинам, никого особенно не выделяя, но и в то же время чувствуя себя без них одиноко.

Впрочем, со временем Галанин закалился и тут. И уже отсутствие девушки несколько не влияло на одиночество его. Как, впрочем, и вообще ни на что не влияло. Потому как получалось так, что он попросту жил своей жизнью (продолжал жить). А на эту жизнь как раз совсем не влияло нахождение или отсутствие в ней какой-либо особы (или представительницы) женского пола. Хотя, заметим, "особами" Дмитрий их никогда не называл. Он вообще старался весьма умело обращаться с русским языком. И если вы слышали от Дмитрия слово "особа", то речь видимо шла о даме, на которую Дмитрий Израилевич по каким-то причинам был зол. Причем в чем она должна была провиниться при этом, сказать было затруднительно. Как раз в его кодексе жизненного поведения все играло роль таким образом, что совсем случайные люди могли занять в жизни лидирующее положение (на какое-то время обычно; через время Галанин в людях разочаровывался), а как будто и близкие - отодвинуты на второй план. Причем еще более удивительней могло показаться, что как раз внешне это было заметно не всегда. Да и Галанин весьма умело играл в жизнь.

Предпочитая иной раз действительно больше играть, чем жить той жизнью, от которой после ему стало бы стыдно.

И все же Дмитрий видимо запутывал всем этим сам себя. Но уже так могли бы подумать лишь те, кто Галанина знал мало. Ну даже если и не так уж мало, то что уж точно, мало что понимал. Не сумев разобраться в психике этого человека. Человека, никогда не стремившегося походить на кого-то. И с ярко выраженной внутренней индивидуальностью, которую он, впрочем, иногда прятал под маску обывательской узнаваемости; разумея, что другому человеку вы можете показаться излишне сложными (сложность и как следствие потеря интереса сначала их к вам, а после - вас к ним), и выпадающими из их стереотипного понимания действительности (с окружающими людьми). А потому лучше было (как раз лучше,--сказал Галанин, который сейчас как раз вспоминая о своих недавних поступках, анализировал их) когда вы не будете (или не всегда будете) выделяться. Потому как любое одиночество в социуме опасно как раз тем, что вы и вообще можете остаться один. А потому намного будет лучше, если что-то держать про себя. Да и, если разобраться, Дмитрий так и поступал, мало кому доверяя. А если вы и слышали в нем искренность, то справедливее было бы сначала узнать, что в случае с Галаниным все было не просто так. И если подобное все же с его стороны происходило, то это была своего рода игра. Причем цель и вообще - смысловое значение игры - должны быть понятны в первую очередь только самому Галанину. Иначе какая узнаваемость... Ну в общем, люди могли и обидеться, разумея что: 1) откровенность Галанина *показная*; 2) необходима ему в качестве какого эксперимента над вами.

И хоть в большинстве случаев это все же было не так, осадок мог остаться у людей (мнимых друзей, лживых приятелей, да блядовитых подруг) нехороший. Что уже в следующий раз могло весьма затруднить работу, проделываемую Галаниным. Ведь он действительно в первую очередь не жил, а проделывал работу-эксперимент над психикой других. Отмечая про себя сигналы-реакции на какие-то свои слова-действия. И относился ко всем

проявлениям человеческих чувств в первую очередь с позиции ученого. Когда получалось, что он хоть и мог сыграть какую честность (да и в более поздние годы он научился и искренне переживать, и все равно рассматривая того или иного человека как объект исследования), но в первую очередь его интересовало совсем другое. А оттого получалось, что не все было так просто в отношениях Галанина с жизнью. Потому как эту жизнь - рассматривал он как некое необходимое ему время (время, отведенное на жизнь), за которое он должен был провести (начать и закончить) свой эксперимент. Тогда как людей в этой жизни он рассматривал -- как объект исследований.

Глава 9

Наверное выходило очень загадочно, но Дмитрий словно бы целенаправленно погружал себя в определенные трудности, дабы только - почти тут же - начать из них выкарабкиваться.

Что это было? Неумное стремление к обретению новых знаний? Или же патологическая уверенность в своих силах, с годами и действительно перешедшая в патологию?

Видимо сам Галанин об этом не знал, а что еще вернее - попросту старался не вдаваться в подробности. Тогда как почти тут же можно заметить, что в его вьедливом характером анализировать все и вся - подобная наша догадка видимо скорее и походила на догадку, нежели чем на какую-то истинную правду. Хотя вопрос - бывает ли правда не истинной?

Как бы то ни было, но Дмитрий действительно словно бы всячески стремился к тому, чтобы попытаться: 1) воздвигнуть какие трудности; 2) всяческим образом начать преодолевать их.

И даже так получалось, что если этих трудностей не было, то он сам придумывал их. Находя некоторое удовлетворение в столь искусном душевном садо-мазохизме. И словно бы даже - не представляя себя иначе.

.....

С одной стороны все вроде как складывалось таким образом, что он некоторым образом находил себе трудности, с которыми мучился, страдал, считал даже что не заслуживает такого; но стоило им отступить - и он словно бы стремился к ним. Полагая, что они-то ему как раз необходимы. А без них...

Можно было предположить, что без них-то как раз чувствовал себя Галанин не самым лучшим образом. Даже может быть испытывал нечто неопределенное; то, что вроде как было и всегда присутствовало в нем (чтобы к этому на каком-то этапе привыкнуть), а после вдруг получилось, что как только ушло оно - уже вроде как и начинаешь ощущать потерю.

Что совсем Галанину не нравилось.

И в то же время, быть может, понимал он, что и продолжаться дальше так не могло. Его душа тяготела к каким-то изменениям. А получалось, что когда к нему (в его сознание) приходил возможный вариант-способ решить проблему (избавившись тем самым от нее), получалось что - и не получается это. А словно бы надо наоборот - вернуть себя самого обратно, привести к тому состоянию, которое уже было проверенно временем. Когда совсем как будто не требовалось...

Впрочем, здесь он сейчас находил на раздумье. Он уже вроде как и понял, что способен изменить себя, изменить судьбу, как-то повлиять на то, чтобы какой негатив исчез с его души. И стало все быть может даже таким образом, что...

Но он уже понимал что запутывается. Если действительно считать так, то получалось, что он никогда толком и не выберется из своего состояния внутреннего упадка, и как раз общего негативного состояния. Ну а если к нему приходил способ избавиться от него, то уже тут получалось, что... как бы и не нужно было это. В общем, повод серьезно задуматься,-- произнес Галанин, как будто и действительно задумавшись.

Но мысли его начинали водить с ним загадочный хоровод. И вскоре он понял, что к чему-то толковому попросту не

подойдет. Необходимо было может вообще в корне менять все представление о складывающемся вокруг мире. И действовать уже в соответствии с теми обстоятельствами, которые были, но к которым еще необходимо было привыкать. Хотя, быть может, это был и выход.

Глава 10

Уже можно было сказать, что Дмитрий Галанин все больше понимал что с ним происходит. Тем более что происходило не все просто так. И даже можно предположить, что он уже понял, что все равно, как бы уже и независимо от того, что он на самом деле думает (о чем думает, и так ли уж думает, или только показывает видимость?..), его жизнь подчинялась чему-то единому, что наверняка управляет если не всеми нами, то большинством. Вопрос только, что кто-то из этого большинства догадался о подобном, а кто-то так и продолжает пребывать на стадии детской доверчивости со стороны формирования собственного мировоззрения школьными да дворовыми товарищами.

И у таких людей ведь и создается весь этот первоклассный бред в их голове. Когда оказывается, что они вроде как и говорят о чем-то, но проявляют при этом столь посредственное мышления (мышление -- суть проекция мозговой деятельности отдельного индивида), что можно только предположить, чем на самом деле забита их голова. Тогда как мы как бы совсем не берем нечто вынужденное и обязательное. Когда кто-то, кто проявляет подобные суждения, сами по себе заблуждаются относительно указанного ими. А на самом деле такой человек... Ну, в общем, если он заблуждается, так, собственно, и о чем речь...

.....

А иной раз на Дмитрия находило такое, что все разом как будто летело в тартарары.

И ему вроде как и хотелось чего-то, да он затруднялся расставлять акценты чего же именно.

Тогда как все вроде как шло к тому, что все это входило в некий план, суть которого Галанин если и не распознал до

конца, до находился явно на пути к этому. И даже пребывая в таком состоянии, стремился все коренным образом исправить. Дабы не попадать два раза в одну ловушку, расставляемую жизнью. Притом что жизнь как раз никакие ловушки перед ним и не расставляла. Об этом ему сказал... брат, Аркадий.

Внезапно объявившийся брат Дмитрия, Аркадий, был некое его Альтер-эго.

То есть уже можно сказать, что между ними на каком-то жизненном этапе наблюдалось их заметное сходство. Да потом все получилось так, что Дмитрий как бы продолжал оставаться в своем прежнем состоянии; тогда как Аркадий начал стремительно изменяться. И был наделен теперь чертами, чуть ли не прямо противоположными тем, что были у Дмитрия.

А получилось так, что в семье Галаниных вдруг стали считать, что Аркадий заболел психическим заболеванием. Связывали это со смертью его матери (Аркадий был сыном Израиля Модестовича -- отца Дмитрия Галанина от первого брака), а может как бы и вовсе ни с чем не связывали, но вышло так, что Аркадий был отправлен сначала в Израиль (к дяде), а после перебрался в Германию, женившись после совершеннолетия на немке).

Сейчас он неожиданно вернулся в Россию. Быть может даже и не вернулся окончательно, но он вдруг очень хотел повидать своего сводного брата Дмитрия. И приехав к нему - как бы увидел себя, но в юности.

--Ты совсем не захотел изменяться,--задумчиво произнес Аркадий, с любопытством рассматривая брата.

--Ты считаешь я должен был измениться?--спросил Дмитрий.

--Все люди меняются...--словно не заметив издевки брата, ответил Аркадий.--Тем более когда замечают, что их жизнь не приносит им того удовлетворения, которая могла бы.

--С чего ты взял, что моя жизнь не приносит мне удовлетворения?--не понял Дмитрий (не понял, или сделал

вид, что не понял,--подумал Аркадий, склоняясь ко второму).--У меня-то как раз все складывается вполне сносно.

--В том-то и дело что сносно,--заметил Аркадий.--Тогда как должно быть все замечательно. Учитывая имеющийся в тебе потенциал.

--Ну уж...--развел руками Дмитрий.--Стремлюсь понемногу, конечно... Но ведь всего сразу не достигнуть.

--А я и не говорю что сразу,--нашелся Аркадий.--Но у тебя на мой взгляд было достаточно времени чтобы измениться. Просто ты или не распознал необходимости (точнее - предпосылок,--поднял он указательный палец) изменений, или же подумал было спустить все на тормозах. И в итоге много времени попросту упущено зря... Ты понимаешь о чем я говорю?--обеспокоено спросил он брата, видя что тот о чем-то так задумался, что был явный вопрос: понимал ли он его.

--Понимаю,--спокойно ответил Дмитрий. Он действительно понимал. И мог бы сказать, что с недавних пор понял, что когда судьба хочет чтобы индивид чего-нибудь достиг (пошел в необходимом направлении), то как бы не только всячески подводит к тому его мысли, но и посылает людей, в какой-то мере уже прошедших данный этап. После чего, получается, нужно быть каким-то особенному рассеянным человеком, чтобы не сопоставить два этих фактора (как минимум два; на самом деле их зачастую много больше), и не начать выстраивать те композиции жизни, которые были так необходимы. И время тут как будто играет только на руку. В том плане, что никогда не бывает поздно или рано. А только в самый раз...--и об этом знал Дмитрий. И вполне мог бы поделиться этими мыслями с братом. Тем более понимая (или как минимум, догадываясь) что и он тоже знает и понимает об этом. А раз так...

--Мне хотелось бы забрать тебя с собой,--сказал Аркадий, до этого тоже как будто бы о чем-то задумавшись.

--Куда?--не понял Дмитрий, опешив от неожиданности предложения.

--Сейчас я живу в Германии. У меня дом, жена, двое детей (Зигфрид и Карл). Но я подумываю перебраться в Америку.

--В Америку?--не понял Дмитрий.

--Германия уже слишком сковывает меня... Хочется простора... Может, старею,--усмехнулся Аркадий.

--Ну, уж так и стареешь,--усомнился Дмитрий, который был на пятнадцать лет младше Аркадия, но отнюдь не считал, что когда ему исполнится пятьдесят, он будет старым.

--Да дело даже не в старости... Скорее хочется действительно сменить обстановку.

--Ну... тоже верно...

Дмитрий Галанин отчего-то не мог сказать, рад ли он предложению брата. Так же как и приезд того, все это скорее больше оставалось для Дмитрия какой-то тайной, чем можно было предположить, что он определился со своими эмоциями на этот счет.

Впрочем, тут он уже видимо обманывал сам себя. Или скорее - вводил в заблуждение то, что таилось где-то в подсознании его. словно бы особо не выпячиваясь, но в то же время - тайно управляя его психологическим состоянием. По-своему что-то предполагая или отвергая. И уже так или иначе - направляя Дмитрия в направлении, пока ему неизвестном.

Оно и раньше ему было неизвестно. И выходило даже так, что сколько Дмитрий Галанин не разгадывал эти ребусы судьбы, до какого-то однозначного ответа он дойти не мог. Всякий раз, когда казалось, что он уже вроде как и приближается к ответу на мучившие иной раз его вопросы, так почти тут же в мысли вкрапливалось нечто иное. После чего становилось понятно, что видимо какому-то осознанию просто не пришло время.

Глава 11

Дмитрий Галанин почувствовал, что в его душе рождается какое-то новое чувство.

Видимо все же чувство было старое, или как минимум - только недавно как будто забытое старое. Напоминало оно как бы ту же нервозность, от которой Дмитрий избавился когда-то, да вот теперь приняла эта нервозность форму невероятной усталости. Причем если бы усталость пришла вслед нервозности (как это иной раз бывает, когда человек просто устал нервничать), то видимо не вызывала бы в душе Галанина столь противоречивых чувств. Даже каких-то феерических чувств, когда приходилось замечать в себе развитие чего-то невообразимо острого. Что наверняка способно было быть может даже изменить окружающую жизнь. И при этом как-то быстро оказалось, что на такое его состояние начинает существовать словно бы своей жизнью. Когда неясно многое, а может быть уже не понятно и вообще ничего. И кажется что еще совсем чуть-чуть, еще совсем немного, и все разом способно измениться. Рухнуть, или же по новому воссиять.

Теряясь в предположениях как это будет на самом деле, Дмитрий Галанин вдруг понял, что его состояние прошло. И теперь не только не вызывает в его душе какого дискомфорта, но и словно бы наоборот - кажется что ничего такого не было.

Не было - но может наступить. И Галанин, уже вроде как обрадовавшийся избавлению, начал страдать по-новой. На этот раз ожидая наступления этого чувства. Чувства, к которому он уже вроде как успел и привыкнуть и обрадоваться избавлению от него.

И как-то так даже вышло, что начал испытывать Дмитрий Галанин некие двойственные чувства. Словно бы получалось, что он никак не мог определиться, как же ему на самом деле реагировать. Переживать как раньше - не хотелось. Радоваться вроде как тоже такого уж повода не было.

--Быть может все забыть?--предложил Аркадий, узнав о сомнениях брата.

--Забить?--не понял Дмитрий.

--Забить-забыть,--быстро повторил Аркадий.--Когда тебе становится плохо или грустно - вообще лучше всего лечь

спать. Чтобы проснуться уже другим человеком.
Обновленным так сказать...

--Что мне с этого обновления...--задумчиво произнес
Дмитрий.

Тем не менее можно было сказать, что он был рад такому разрешению своего душевного противоречия. Даже оказывалось, что как будто сам, уже радуясь этому, ни за что не хочет, чтобы стало как-то иначе. Да и могло ли быть иначе, если учитывать то, что Дмитрий вдруг: 1) явно начал ощущать возможные изменения в жизни; 2) решил принять предложения брата, и уехать с ним за рубеж.

.....
.

Вскоре они придумали схему отъезда Дмитрия. При этом надо было заметить, что такой уж необходимости что-то придумывать не было. Можно было попросту положиться на случай, да и вообще, Дмитрий ведь не был ни с кем так-то уж связан какими-то обязательствами. И его отъезд (даже если бы произошел неожиданно) не вызвал бы в душе никого каких-то дополнительных чувств, кроме разве что некоторого сожаления о том что уехал в общем-то неплохой человек. Со своими конечно странностями, но совсем не плохой.

Но тут вмешалось провидение. Дмитрию вдруг показалось, что Аркадий: 1) появился не просто так; 2) что вовсе он даже не его брат (ведь ходили слухи что его брат умер; и вообще тема о нем его с момента отъезда его стала что-то на вроде табу).

Из этого следовало, что в появлении аркадия надо было искать чью-то выгоду. Сопоставив место жительства его и Дожавью, Дмитрий достаточно быстро пришел к заключению что это есть подстава, быть может великая подстава, Марка Дожавью. И получалось, что Аркадий действительно не был его братом, а был... был человеком, выдававшим себя за него.

Галанин даже собрался сообщить в Интерпол, да побоялся, что его пошлют там, а то еще и положат в психушку (он совсем не был знаком с методами этой таинственной организации; сведения в его воображении различались от принадлежности Интерпола к некоему иезуитскому ордену, до методов свойственных умельцам подвалов Лубянки середины прошлого века. И как бы уже получалось, что в любом случае туда обращаться не следовало. А что следовало... Ну быть может хорошо бы было найти Марка Дожавью. Но тот как в воду канул. Его американский телефон молчал. Когда же Дмитрий связался с мистером Саксом - узнал что Дожавью из России еще не возвращался.

--Видимо решил там остаться,--предположил мистер сакс.

--Как остаться?--не понял Дмитрий, но то ли связь разъединилась, то ли мистер сакс положил трубку, но перезванивать Дмитрий не стал (а когда все же решился перезвонить - сакс не брат трубку).

В душе Дмитрия Галанина противоречивые чувства водили хоровод загадочных мыслей и совсем нереальных домыслов. Даже оказывалось, что с одной стороны ему все ясно и понятно. А с другой - было совсем нечто неопределенное в появившейся у него информации. И если предположить, что что-то из этого было правда, а что-то - явная ложь, было понятно что Дмитрий попросту запутался, и напился. Точнее - позволил себе выпить, как бывало делал раньше, когда любил это дело.

На удивление сейчас алкоголь не помог. А словно бы даже наоборот - усилил его подозрительность. И тогда Галанин уснул. Решив все же внять совету брата, и "переспать" проблему.

Проснулся он со светлой головой и желанием неизменных действий.

Прежде всего он потребовал документы у Аркадия, и убедившись что те в порядке - потащил было его на анализ ДНК, да Аркадий отчего-то возмущившись - пригрозил поколотить Дмитрия, если он не успокоится.

--Я спокоен,--действительно спокойным тоном произнес Дмитрий.

--Ты ненормален,--признался Аркадий.--И если еще раз повторится что-то подобное - у меня появятся серьезные опасения по поводу твоего психического здоровья.

--Ну ладно тебе,--усмехнулся Дмитрий.--Даже и пошутить нельзя.

--Шутить будешь в другом месте,--беззлобно огрызнулся Аркадий. Было видно что он понимал брата. И даже допускал что-то подобное с его психикой. Хотя повторения эксцессов не хотел. О том и сказал Дмитрию, при этом спросив еще раз о поездке того с ним за границу.

--Так ведь это твоя родина а не моя,--сказал Дмитрий.

--Родина у меня советский союз,--усмехнулся Аркадий.--А Запад - страна обитания.

--Может лучше в Израиль?--предложил Дмитрий.

--Там стреляют,--спокойно ответил Аркадий.--Пока не закончится эта вечная война с арабами - Израиль для меня персона нон грата.

--Дмитрий усмехнулся.

--Что это тебя так веселит?--не понял Аркадий.

--Да нет... я так... подумалось...--ответил Дмитрий.

Аркадий подумал что надо бы подсказать брату держать свои мысли при себе (на Западе вообще он понял что все слишком лживо чтобы можно было кому-то что-то доверить, и какие-либо откровения Дмитрия - если допустить что он действительно с ним уедет -могут выйти ему боком).

--А знаешь что?--посмотрел Аркадий на брата.--А поехали просто со мной. Ну как бы и не жить окончательно, а в турпоездку. Просто сравнишь что да как когда уже окажешься на месте, и сам увидишь что есть что сравнивать.

--Да я итак знаю что есть...

--Ну а раз так - поехали,--Аркадий просящим взглядом посмотрел на Дмитрия.--Ведь неужели тебе самому не хочется изменений в жизни.

--Хочется,--признался Дмитрий.

--Ну а раз так, че тянуть-то?--не понял Аркадий.--Сейчас же заказываем билет, делаем визу, и вперед - на встречу...

--...своему счастью,--закончил за него фразу Дмитрий.

--Ну, вот и я о том же,--подхватил Аркадий.

Часть 7

Глава 1

Аркадий Галанин чувствовал, что брат его просто запутался.

И ему бы помочь ему, да тяжело было сломать в первую очередь сопротивление Дмитрия, который не хотел, чтобы кто-то вмешивался в его судьбу. Хотя и понимал (признался как-то об этом), что сам он, может быть, и справится, но процесс по всему явно затягивался, да и вообще может так произойти...

Впрочем, Дмитрий уверил его, что не произойдет. Да и вообще, если разобраться, Аркадий ведь мог увести брата к себе. Быть может в его случае, когда в понимании многого уже так или иначе приблизился он сам, ему как раз и необходимо лишь нечто малое; особенно если предположить (так хотелось верить Аркадию), что этим малым как раз и будет его отъезд за границу.

.....

Высокий, черноволосый, с ясным горящим взглядом, Аркадий являл в некотором случае противоположность Дмитрию. Прежде всего, конечно, он был его старше. А в их семье возраст весьма сказывался и на жизни. Потому как генетически прослеживалось (если посмотреть жизнь мужчин семьи, двух братьев, их отца, деда, прадеда...), что с возрастом мужчины в этом роду мужали. И какая-либо задержка психического состояния в детско-юношеском возрасте, некие перегибы в молодежном возрасте, все как бы заканчивалось и исчезало, стоило только молодым людям стать старше.

Впрочем, эту легенду в свое время выдвинули как раз для Дмитрия (как помнил об этом Аркадий). На самом деле подобное (возмужание с возрастом) конечно наблюдалось. Но видимо не больше, чем в остальных семьях. Единственно что можно было отметить, что в то время, когда как раз в других семьях наблюдался спад развития и совершенствования личности членом мужеского рода

семьи,-- у Галаниных рост более-менее умеренный рост продолжался вплоть до самых зрелых лет. Причем, что отличало эту семью с еврейскими корнями, так это то, что были они, в первую очередь, весьма заботливыми по отношению к другим (т.е. о других думали больше чем о себе). Хотя и Дмитрий мог бы тут, конечно, возразить, что свою-то выгоду никто из них не упустит, но уже это возражение можно было списать, например, на его возраст. Что, мол, пройдет время, и он поймет, что ошибался.

Тогда как Дмитрий был уверен в обратном. И даже если бы кто затеял с ним спор по этому поводу (уже вроде как было некому; разве что оставался Аркадий, но он спорить не любил), то Дмитрий способен был доказать всю - и свою и других родных - внутреннюю подлость, подлость души.

Причем как раз осознание этого вызывало в его душе легкую степень тревожности да беспокойства. И даже получалось, что ему иной раз и очень хотелось доказать что-то обратное.

Хотелось, да он не мог. Потому как всплывали периодически в его памяти мотивы поведения его отца, дяди, и деда (он еще застал в живых деда, которому при рождении Дмитрия было 77 лет, притом что прожил тот 90), анализируя сейчас которые можно было не сомневаться, что как раз свою-то выгоду на фоне мнимой помощи другим они возьмут (да и брали, Галанины жили хорошо). И ведь что интересно: раньше, когда Дмитрию было еще мало лет (лет даже 20-25 назад), он каким-то образом запомнил различные ситуации, происходившие с его участием (его -- и обязательно кого-то из взрослых). И эти ситуации словно бы просто запечатлелись в его памяти. И хранились там без каких-либо комментариев его разума; словно дожидаясь, пока Дмитрий наберет должную силу (заматерееет), чтобы, собственно, любой комментарий уже был не просто так, а имел под собой реальную подоснову.

И теперь Галанин понял, что это правильно. Ведь случись сделать ему какое суждение раньше, так может быть так, что мозг бы его каким-то образом как раз и запомнил последнюю информацию. Как бы отобразил в глубинах памяти копию, забыв источник. А так - все было, можно сказать, даже

идеально. Дмитрий вспоминал (воспоминания приходили как бы сами по себе) что-то, что вспомнилось в соответствии с каким-то моментом. И сразу же знал, что на самом деле происходило, и почему.

То есть другими словами, как раз сейчас он уже мог давать тот комментарий, который видимо и необходимо было признать правдивым. Тогда как если бы подобное случилось раньше, можно было бы предположить, что наблюдалось (может и не наблюдалось, конечно) какое искажение реально произошедшего.

А искажения Дмитрий не хотел. Строить жизнь по легенде можно, а в иных случаях даже и нужно,-- считал он,-- но только не ему и не в этот раз.

А потому так уже получалось, что всяческим образом Галанин тянулся к правде. И стремившись эта правду постичь - достигал на этом пути многого, и что самое главное - был доволен собой. Особенно у него чуть ли не все сошлось после приезда брата. Его брат, Аркадий, который как будто бы в детстве и несколько критически относился к нему (так считал Дмитрий, но это было не так), сейчас проявлял чудеса братской любви, фактически открывая перед Дмитрием то нечто новое, что, быть может, и действительно могло являться каким-то спасением его (хотя Дмитрий еще не знал - надо ли себя спасать), и что уж точно, после подобного Галанин взглянул на мир по-другому. Понимая, что у него ведь и действительно есть шанс, благодаря которому оставшаяся отмеренной ему жизнь пойдет совсем по иному ритму-этапу. И что уж точно - будет не так опасен сам путь.

И это многого стоило. Стоило, например, понимания, что при вновь открывшихся возможностях он сможет разом перешагнуть на несколько ступеней того внутреннего совершенствования, к которому он всю жизнь шел и стремился. То есть он бы и так дошел, но теперь все вдруг стало происходить быстрее.

Аркадий проявлял удивительную осведомленность в делах брата, что в очередной раз сподвигло того к предположению

в том, что кое с кем перед поездкой на Родину Аркадий все же беседовал. Но с кем?

Перебирая в памяти возможных знакомых, кто мог оказаться за рубежом, Дмитрий так и не приходил к единому знаменателю. Ему казалось, что он в любой момент и вовсе запутается. А значит, получалось, что совсем не было резона продолжать подобные размышления дальше. Допустив...

И вдруг Дмитрий вспомнил. В первые дни приезда, когда они отправились в ресторан (отметить встречу), Аркадий упоминал о некой Сабрине. Тогда Дмитрий как будто не придавал этому значение, и только сейчас, сопоставив все самым надлежащим образом (как он умел), он вспомнил, что Сара, подруга мистера Сакса, как раз и называла себя иной раз Сабрина, когда выезжала за границу. С учетом того, что познакомился с ней Аркадий в Голландии (Аркадий был врач, ездил в Голландию на симпозиум врачей-офтальмологов), куда в свою очередь та приезжала к родителям (погостить). И уже теперь все как-то встало на свои места. И стало понятно желание Аркадия перебраться из Германии (где он вроде как неплохо обжился) в Штаты, поблизости, уже получается, к Сабрине (то есть Саре, именно Саре). Сара была возлюбленная мистера Сакса. У Дожавью был интерес к Саксу (последний, как понял Дмитрий, находился в какой-то зависимости от него). И вполне возможно, что и встреча Сары с Аркадием была не случайна, а как раз с подачи мистера Дожавью. Хотя и считать его единственным кукловодом не хотелось, потому как еще до конца Дмитрием была не понята роль самого Сакса (Галанин подозревал, что тот был не так прост, как хотел казаться; причем таких людей, выдающих себя за простачков, Дмитрий всегда опасался. Сам он привык вести честную игру, и у него обычно даже на лице отображалось все то, что он думал).

Но как бы уже не было, теперь Дмитрий начинал понимать всю композицию игры, ведущейся против него. И хотя роли врагов (как и собственно то, что это действительно были его враги) еще были не определены, Дмитрий Галанин понимал, что все слишком серьезно, чтобы ему как-то спускать на тормозах выводы, к которым он пришел.

Более того. Выходило так, что Дмитрий Галанин вдруг понял, что против него ведется самая настоящая война. Причем победителей в такой войне быть не могло изначально. Потому как противник знал (понимал и знал, знал,-- повторил Дмитрий), что и сам будет идти до конца, и Галанин не сдастся. Из чего следовало...

--Из этого следует, что в скором времени все или закончится, или же наступит нечто удивительное и прекрасное,--неожиданно пришел Дмитрий к подобным выводам.--И если действительно все будет так, то уже как бы получается, что все это как нельзя лучше подтверждает одну из теорий, к которым он пришел совсем недавно, о том что все как раз складывается таким образом, как и будет нужно. В случае, конечно, если человек достоин этих изменений. И если достоин, то значит это и будет означать, что к подобному его подвигнет судьба действиями, которые такой человек будет считать случайными, а на самом деле окажется, что в совершении их прослеживается исключительная закономерность. Вот ведь как!

Галанин несколько возбужденно зашагал по комнате. Ему вновь, как и когда-то, казалось, что он находится на пороге какого-то открытия. Причем даже про себя он как-то опасался проговаривать подобное. Словно опасаясь, что в любой момент подобное видение может исчезнуть.

.....

Дмитрий давно уже отдавал себе отчет, что он фактически действует на выживание. То есть вроде как и делает он то, что должен делать; да вот стоит посмотреть чуть внимательнее на это действие, и оно уже не выглядит таким нужным да необходимым. А скорее представляет собой нечто, что возможно и должно быть, но больше с оттенком того, что лишь имеет право на существование; что, в свою очередь, почти уже может означать, что как раз для самого Галанина может быть и лучше, если бы подобного не было.

.....

Родившись в обеспеченной семье, Дмитрий Галанин с детства как-то не прочувствовал своей исключительностью. Да и мама, Лидия Васильевна, несмотря на внешнюю спокойность, весьма часто подавляла мальчика своей какой-то особой формой доброты и заботы. Причем уже от этого,-- сколько помнил себя Галанин,-- хотелось ему сбежать. Не допуская, чтобы забота матери как-то уж слишком довлела над ним. Хотя, по сути, тогда и не могло быть иначе. Потому что мать, в свою очередь, подавлял муж, Израиль Модестович. Который стремился, чтобы в доме был порядок. И прежде всего этот порядок распространялся на внутрисемейные отношения. Когда оказывалось, что вы могли вести себя по отношению к окружающему миру как захотите, но что касается семьи - обязаны были следовать определенным правилам.

Сам же Дмитрий вскоре (после начала агрессии со стороны родителей) нашел некий компромисс. Благодаря которому обнаружил, что научился он весьма не затруднительно общаться с другими людьми, обращая их на свою сторону. Причем даже врагов он мог сделать друзьями, или как минимум - товарищами. И все потому, получается, что прошел хорошую тренировочную школу жизни, а еще верней - выживания в этой жизни. И хотя в случае несоблюдения правил внутреннего распорядка семейного общежития его бы никто не убил, но наказали бы вероятно точно. От того и все время опасался Галанин этого наказания. Которого даже могло и вообще не существовать, но как раз с годами это уже было неважно. Потому как ожидал он чего-то такого всю жизнь. И даже когда прожил уже половину этой жизни (а может и вторую треть), как-то разом задумался.

И стало Дмитрию больно от подобных мыслей.

Захотелось ему изменить ситуацию.

Посчитал он, что уж точно сможет что-то изменить, если только возьмется за это.

Да отчего-то все не брался... И сейчас, с приездом брата (брат словно и санкционировал эти воспоминания) оказалось, что ходил Дмитрий в последнее время все вокруг да около. И даже словно приближаясь к проблеме-вопросу,--

тут же отдалялся от этого. Понимая, что ничто не может быть достаточно совершенно. Потому как путаница у него и действительно была весьма серьезная. Когда казалось ему, что он уже вообще ничего не понимает, а мысль ускользает от него. А она-то как раз и не ускользала. А все время пребывала как будто рядышком. Ожидая, когда он будет способен распознать ее. Понять, оценить, а после - и осуществить задуманное.

И при этом словно бы уже оказывалось, что она ему и не так-то уж нужна. Что существует множество иных каких мыслей, способных, в конце концов, на нечто более полезное да необходимое ему.

И как-то вдруг оказывалось, что совсем даже может это и не так. Что если и возможно было чего-то добиться, так только сейчас к этому и пришло время. И уже совсем необязательно переживать о том что было или не было раньше, потому как только сейчас и оказался готов он воспринимать именно эту - посылаемую ему - информацию. А все, что было раньше,-- уже как бы начинало казаться столь мелким да незначительным, что он никогда и не думал, что такое-то на самом деле возможно. А вот и выходило что возможно. И даже оказывалось, что, несмотря на его стремление как-то ускорить процесс, никакой процесс на самом деле ускорить было невозможно. И тот кто стремился бы к этому, понимал Галанин, вероятно навредил бы сам себе. Потому как почти невозможно действовать так, чтобы это проходило совсем уж безоблачно. И если надо было что-то делать - то делать сейчас. Если надо было приходиться к каким результатам - так как раз сейчас и можно было придти к таким результатам. А в другое время, конечно, тоже возможно, да, как говорится, лучше не надо. По принципу - зачем переносить на потом, если можно сделать сейчас.

И уже понимая это, Дмитрий Галанин преисполнялся и вовсе чем-то новым да замечательным. И думал он, что все как раз сейчас начало идти своим чередом. Потому как и действительно как-то разом исчезли сомнения его. А жизнь впереди стала казаться видимо как раз в том ключе, в котором он и подозревал, что она должна быть. Потому как ведь и действительно он о многом подозревал. Словно бы

догадываясь, что находится на пути каких-то новых жизненных свершений. И если такое стало возможно сейчас, то он вполне готов отдать за это плату. И пусть будет платой его жизнь. Просто даст ему судьба возможность какой-то промежуток времени (год-два-три-пять-десять... лет) пожить так, или почти так, как он считал, что жить должен. А потом пусть и заберет его жизнь. Он за нее не держался.

Глава 2

Уже получалось, что Дмитрий Галанин словно бы и подбирался к истине, но и при этом стремился как бы не сразу достигнуть ее. Понимая что если сразу взять мечту - то наступит опустошение. До первой поставленной цели, правда. Да не хотелось ему любой симптоматики подобного. Причем понимал он, что ведь и сам подсознательно отталкивает себя от того, чтобы разрешить все и разом. Да начать подступаться к новым берегам да высотам.

--Ты неправильно расставляешь акценты,--вмешался в его размышления брат, словно бы действительно (как уже, было, подумал Дмитрий) обладал такими способностями, способностями предвидения да предчувствования.

--Это почему же?--недовольно поморщился Дмитрий, всем видом показывая, что подобное вмешательство брата ему не очень понравилось.

--Да нет, я серьезно,--настаивал на своем Аркадий.--Мне отчего-то кажется, что ты топчешься на месте. И если предположить...

--Не надо ничего предполагать,--попросил Дмитрий.

--Ну что ты сразу прерываешь-то меня?--не понял Аркадий.

Взглянув на него, Дмитрий даже подумал, что брат огорчился. Ну, или готов был огорчиться.

--Хорошо,-- кивнул Дмитрий.--Я готов выслушать твои соображения по поводу меня.

--Да какие там соображения,--явно действительно обидевшись, махнул рукой Аркадий.

Но тем не менее он тут же продолжил. Пояснив, что по-прежнему уверен, что его брат, Дмитрий, может найти лучшее место в жизни. Особенно если будет (это даже главное условие,--подчеркнул Аркадий) правильно расставлять жизненные ориентиры.

--Ну... я в общем-то готов,--устало произнес Дмитрий.

--Эх, чудак-человек,--улыбнулся Аркадий.--Мне ведь искренне хочется помочь тебе. Понимаешь?

--Понимаешь-то понимаешь,--согласился Дмитрий.--Но ведь я как бы и знаю о чем ты собираешься мне сказать.

--Знаешь?--не поверил Аркадий.

--Знаю.

--И о чем же?

--Да все о том,--уклончиво произнес Дмитрий.

--О чем, о чем,--попросил Аркадий.

--Ну,--строго посмотрел на брата Дмитрий.--Ты желаешь знать, понимаю ли я тебя? Понимаю ли то, что ты хочешь,-- по твоему мнению,--спасти меня? Ты ведь планируешь действительно меня спасти?

Аркадий неопределенно кивнул.

--Ну а ты считаешь, что как раз без тебя...

--Считаю,-- быстро перебил его Аркадий.

--Так, хорошо... Ну тогда объясни мне...

--Я слушаю тебя.

--Объясни мне, откуда ты знаешь мистера Дожавью?

Повисла пауза, плавно переходящая в тишину.

--Я не знаю его,--признался Аркадий, придав своему голосу, как показалось Дмитрию, некоторое сожаление.

--Не знаешь?--переспросил Дмитрий.

--Не знаю,--подтвердил свой ответ кивком Аркадий.

--Ну, тогда выходит, ты также не знаешь и кто такие мистер Сакс и Сара?

--Да не знаю я никого мистера Сакса и Сару...--ответил Аркадий.--Постой,--внимательно посмотрел он на брата.--А откуда я их должен знать?

Секунду подумав, он с любопытством посмотрел на Дмитрия.

--Это когда ты был на Западе познакомился с ними?

--Нет,--зачем-то соврал Дмитрий, и тут же признался что да.

--Я так и подумал,--улыбнулся Аркадий.

И вот тут вдруг стало Дмитрию как-то невероятно весело. Так, что он готов был тут же рассмеяться, и даже начал улыбаться, да вовремя сдержался, понимая, что может быть не верно истолкован. Брат же его, заметив изменение настроения Дмитрия, и уже по-своему готовый отблагодарить того за что, он не сдерживает свои чувства при нем, и увидев как замер Дмитрий на полуулыбке - подумал, что их длительная разлука наложила своей отпечаток на судьбу обоих. И если Аркадий, в общем-то, стремился к Дмитрию, чувствуя даже какую-то долю вины, то Дмитрий, похоже, еще не определился с тем, как ему реагировать и вообще вести себя с нашедшимся братом. Притом что у Аркадия были подозрения, что до конца тот ему и не верит что он - это он. Предполагая даже что он мог вообще оказаться кем-то заслан (какими-то недоброжелателями; Аркадий понял, что у Дмитрия явно были недоброжелатели; притом, в то, что они на самом деле были - Аркадий не верил. Чувствуя, что это есть некая проекция брата, видевшего не то, что было на самом деле вокруг, а лишь то, что ему хотелось увидеть, что ему казалось...).

Аркадий внезапно заговорил как будто и ни о чем. Он стал разговаривать сам собой, поглядывая при этом на Дмитрия, и вообще со стороны могло показаться, что происходит нечто непонятное да неясное. А на самом деле получалось, что один брат признается в любви и дружбе другому. И от того, что говорилось это не явными словами, еще больше усиливало величие момента и удивительную легкость ситуации. И даже получалось так, что Дмитрий вдруг разом все понял. И уже не было в душе его никакого волнения или не понимания. Он понял. Он вдруг понял все сначала и до конца. И даже то, что в его сознании все это время никак не могло собраться в единую сеть - вдруг оказалось таким необходимым, понятным, и главное что нужным. Весьма нужным прежде всего самому Дмитрию. И как только

осознал он необходимость подобного, тот час же стало на его душе действительно спокойно и светло. И ничто больше не тревожило его душу. А он испытал ту внутреннюю гармонию, к которой все эти годы невольно стремился.

Но понимание это совсем не означало, что он должен был останавливаться на достигнутом. Как раз даже наоборот, подобное следовало рассматривать как некую хоть и вершину, но которая была лишь ступенькой на пути к еще большим достижениям. И даже если рассматривать нечто подобное как своего рода движение вверх (учитывая, что все равно осуществлялось это движение), Дмитрий просто обязан был обратить внимание на необходимость продолжения контроля ситуации. Дабы, двигаясь вверх - не сорваться вниз.

Впрочем, сорваться в его случае было бы затруднительно. Его страховал брат. Брат, который не только готов был на все ради него, но и собирался в первую очередь облегчить жизнь Дмитрию. Дабы уже получалось, чтобы он действительно не сорвался.

Глава 3

Аркадию хотелось предположить, что его брат, Дмитрий, давно уже выработал для себя какую-то стратегию. И просто следует ей, а то, что кажется несколько непонятным в поведении его - только часть этой стратегии. Тогда как все, что как-то может (способно) выпасть из ракурса понимания ее, есть ничто иное как вполне допустимая погрешность. Введенная когда-то, видимо, самим Дмитрием Галаниным.

--То есть ты хочешь сказать, что он нас всех дурачит?--не понял Василий Панкеев, который совсем недавно развелся с Марией Выготской (исключительно по причине ее блядства), и теперь словно бы по новому изучал мир, отыскивая в нем что-то, что упустил, пока жил с той лживой женщиной, которую ему сосватал Дмитрий. Быть может потому как-то быстро разговор и перешел с обсуждения недавнего

замужества Панкеева (Василий Петрович был знаком с Панкеевым давно) на личность самого Дмитрия. Причем Аркадий постарался бессознательно снизить свою роль в судьбе брата, и захотел сделать так, чтобы Панкеев максимально высказался. Аркадий Израилевич вообще любил, когда кто-то, общаясь с ним, раскрывался полностью. Можно было таким образом сделать не только портрет этого человека. Но и посредством мыслей его - предугадать последующие поступки. И даже если в подобные расчеты могла затесаться ошибка, тем не менее оказывалось, что в большинстве случаев имеющиеся сведения могли оказаться полезными по той причине, что были верны. И просто трудно было говорить о том, что и как могло получиться на самом деле. В том плане, что не получалось ли так, как оно рассчитывалось Аркадием. Не был ли этот шаг опасен в плане предугаданной запланированности; когда другой человек как будто и не хочет совершать что-то подобное, а уже словно вынужденно совершает это. И предугадать такое становится практически невозможно. Просто потому, что так уже хочется ему; или же видит он нечто, что способно, в свою очередь, превратить все это в пустоту.

.....

Аркадий задумался уже над своими мыслями. Так происходило и раньше. Он вроде как начинал размышлять о чем-то, а потом словно бы получалось, что он думает уже не о том, о чем размышлял, а как раз над своими размышлениями. Своего рода размышлениями о размышлениях.

Причем оказывалось, что он вроде как и стремился достигнуть какого единого знаменателя-результата. Но тут же и оказывалось, что на самом деле совсем не способен он был добиться того, чтобы это вышло так. Почему? Он старался не задавать себе подобных вопросов. Просто выходило, что стремился Аркадий достигнуть того единства мыслей, к которым фактически все время стремился. И даже если предположить, что сам он не способен был отдавать полный (и окончательный) отчет в происходящих действиях,

то уже это означало что-то, что на самом деле уводило его размышления куда-то вдаль. Тогда как стремления пересилить нечто, что казалось ему ненужными и обманчивыми, что закрадывалось уже в его размышления, все это словно бы намеренно уводило его в сторону от происходящего с ним. И даже оказывалось, что неспособно было в конечном итоге решить, а может даже и наметить, проблематику вопроса.

.....

Когда Дмитрий узнал об этих размышлениях Аркадия, он весьма удивился прежде всего возможности их. Как-то так выходило, что считал он брата ну если не черствым человеком, то, что уж точно - слишком приверженным к материальным теориям существования мира. Тогда как получалось, что сам Дмитрий не только не стремился к подобному - практическому - пониманию мира, но и уже был, видимо, весьма далек от этого. Стараясь добиться нечто совсем иного. И может быть даже прямо противоположного размышлениям брата.

Когда же оказалось что все эти размышления не имеют ничего общего с результатами реальных раздумий брата, Дмитрию к практическому ра.м человеком, то что уж точно -- слишком ения, все это словно бы намеренно стало даже несколько совестно, что он думал так. Хотя, по сути, он всего лишь ошибся в своих рассуждениях. Рассуждениях, показавшихся ему в тот момент совсем даже не нужными. И что уж точно, не должен он был уделять им такое уж ответственное внимание. А то и наоборот, обратить цепь рассуждений против себя. Словно в наказание за столь ненужные мысли.

--Странный у тебя брат,-- задумчиво произнес Панкеев.

--Странный?--не понял Дмитрий.--Почему странный?

Василий Петрович поведал о разговоре с Аркадием. Вернее - о начале разговора, во время которого брат Дмитрия как-то неожиданно ушел в себя. А потом и вовсе ушел.

--Ну...--протянул Дмитрий, решая про себя, стоит ли ему вообще о чем-то делиться с Панкеевым. Несмотря на их длительное знакомство, в последнее время отношения между ними охладели. И по сути, никто из них и не знал, что еще заставляло их общаться между собой. Причем, ненависти, конечно, не было. А значит можно было рассчитывать, что через время кто-то из них нащупает какую тему, на которой сойдутся они, и станут как и прежде вести споры-рассуждения. Без определенных, правда, результатов.

--Быть может это и была причина, что отношения между ними, даже в иные разы напоминающие дружбу, на самом деле не вступали в границы ее. И даже можно предположить, что получалось так, что периодически (изредка... изредка...) кто-то из них делал попытки сближения. А тот, другой, в это время, уже как бы и наоборот - словно намеренно (причем было заметно, что *намеренно*) - не стремился к такому *сближению*. Отчего прекращал попытки и первый. Да и вообще, получалось, начинали жить они какое-то время совсем отдельной жизнью. После чего, впрочем, все вновь менялось. И между старинными знакомыми зарождались ростки к единению.

.....

После того как Дмитрий, так же как и до этого его брат, погрузились в свои мысли, во время действия которых явно забыли о Панкееве, у Василия Петровича появились подозрения, что с ним попросту не особенно-то и церемонятся. То есть получалось так, что если он был необходим - с ним общались. Если был не нужен - не замечали.

Подобная ситуация Василию Петровичу не нравилась. Как и любой человек, он хотел уважительного к себе отношения. И если предположить, что он фактически жаждал (хотя бы в душе) такого отношения, то уже получалось, что то, что замечал он сейчас, его даже может и огорчало.

Вида он, впрочем, не показывал.

.....

Разве можно сказать, что Дмитрий Галанин сознательно ошибался в своих жизненных предпочтениях? Да и мало кто ошибается сознательно. Скорее всего, человек подчинен каким-то порывам, приходящим из подсознания. И уже в соответствии с подобным выстраивает вертикально-горизонтальные жизненные линии. Двигаясь то вперед-вверх, то по горизонтали; словно бы закрепляя начатое раннее движение.

После приезда брата Дмитрий на самом деле воодушевился. То, что он делал один, зная, что не на кого рассчитывать ему, и если не сделает он, то больше как бы не способен сделать никто - это все теперь приобрело новый порядок действия. То есть Дмитрий по-прежнему продолжал делать это. Но теперь в помощь к нему вступал и брат (причем в большинстве случаев хватало помощи моральной; как бы самой возможности оказания такой помощи), после чего получалось, что какое дело выполнялось с удвоенной энергией. А эффект подобного действия как бы тоже увеличивался вдвое.

.....

Панкеев неожиданно проникся желанием общения с Аркадием Галаниным. Словно как-то ненавязчиво тот вошел в его жизнь. А сам Василий Петрович нашел в Аркадии не только приятного собеседника, понимающего его, но и как бы нашел то, что, быть может, подспудно искал в Дмитрие.

И хотя также как и Аркадий Дмитрий не был душевно черствым человеком, и не смотрел на жизнь с позиции материалистического единства, Панкееву отчего-то казалось, что это в какой-то мере игра. И если потребуют того обстоятельства, то Дмитрий станет другим. И хоть пока вроде как не становился (или Панкеев не замечал), Василий Петрович как бы бессознательно опасался подобного. При этом в Аркадии он как раз ничего такого не замечал. Хотя и догадывался, что видимо попросту видит в нем некую свою проекцию-желание. Тогда как и Аркадий на самом деле был

другой. Но вот какой? Так ли это? Не принижает ли он, Василий Панкеев, при этом себя? Ведь уже давно он знал, что, не разобравшись в себе - трудно что-то понять в другом человеке. Потому как волей случая станем мы замечать в этом другом свои черты. Если человек нам понравится - увидим хорошие черты. Если не понравится - все равно увидим черты как бы свои, но как раз те, от которых сами бы с удовольствием избавились. При том что другой человек словно ненавязчиво (кажется нам) заметный в нем негатив наоборот - превозносит. И уже вызывает в нас желание поскорее прервать с ним отношения. А если по каким-то причинам он нужен нам - ограничить контакт. Общась, уже получается, исключительно по необходимости.

.....

--Можно предположить,-- с каким-то придыханием в голосе говорил Панкеев Аркадию. Вот уже час они говорили о Дмитрие. Панкеев успел рассказать обо всем. Аркадий ему отчего-то не верил. Но продолжал слушать, надеясь выловить из всего рассказа какое зерно истины.--Что Дмитрий вообще менялся каждый год-полтора.

--Так уж и менялся,--усмехнулся, было, Аркадий, да тут же стало ему стыдно, и словно бессознательно задал он ряд уточняющих вопросов Панкееву, которые, судя по всему, тому понравились.

--Нет, конечно, я ведь тоже могу ошибаться,--кивнул головой Панкеев.--Но рассуди сам. Все чаще твой брат говорит вещи, которые мне все трудней и трудней понять. Он словно находится и здесь, в этом мире, и в то же время старается не показать вида, что давно уже не с нами.

Аркадий заинтересованно посмотрел на Панкеева. Его-то как раз удивлял сам Панкеев. Как будто большой ученый, в обычной жизни тот был подобен ребенку. И проявлялось это не только в каких поступках - жизненных действиях - его, а словно бы уже сидело и в мыслях. Словно тот был действительно как-то быстро повзрослевший ребенок. У которого стало мужское лицо, а детские мысли.

--Ты мне не веришь...--задумчиво произнес Панкеев.--
Впрочем, я как будто и не должен что-то тебе доказывать.
Просто хотел обратить внимание...

--Да что ты так переживаешь,--то ли обрубил, то ли утешил его Аркадий.--Я вот решил забрать брата с собой. Как ты к этому относишься?

--С собой?--переспросил Панкеев.--В Германию?

--В Америку. Я решил переехать жить в Америку. В Северную.

--А ты знаешь, что Дмитрий носился с мыслями о революции?--чуть сощурился, посмотрел на Аркадия Панкеев.

--Знаю,--кивнул Аркадий.--Но это не имеет никакого значения.

Видя что Панкеев молчит, изучающе разглядывая его, Аркадий продолжил.

--Понимаешь, это был всего лишь вариант какого-то действия. В принципе, какое действие лучше, чем сидеть на печи...

--Сидеть на печи иной раз безопаснее,--перебил его Панкеев.

--Все верно,--согласился Аркадий.--Но пойми...

--Да не хочу я ничего понимать.

--???

--Ну, в том плане, что все итак понимаю... Поэтому может ты и прав. Забирай Дмитрия с собой.

Аркадий улыбнулся.

--Кстати, а он согласен?

--Вопрос...

--Я так и подумал,--прояснилось лицо Панкеева, словно в его голове разом что-то сошлось.

--Нет, по сути...

--Да он не поедет,--махнул рукой Панкеев.

--Посмотрим,--буркнул Аркадий, и, попрощавшись - ушел. У него отчего-то разом пропал интерес к продолжению беседы. Притом что он вообще не всегда и не со всеми разговаривал. Некоторые люди были ему не интересны. Хотя и, пожалуй, с каждым он мог при случае найти точки соприкосновения. Если того хотел.

Глава 4

Виктор Иванович Зарубин вновь стал отмечать, что его психика делает попытки унять разраставшееся по телу беспокойство.

Будучи ученым, Зарубин научился справляться с подобной симптоматикой. Прежде всего, он сублимировал свое состояние в работу. Стараясь заглушать ей все, и уже не думаю ни о чем - отдавался деятельности на благо отечества.

Он считал, что его работа исключительно направлена на благо отечества. Притом что так, видимо, считало и государство, судя по тем благам, которыми периодически отмечало работу Виктора Ивановича (получившего недавно, кстати, звание заслуженного работника науки).

И все же он понимал, что одной работы -- как отдушины -- мало. И совершенно случайно открыл для себя секс.

Стоило заметить, что раньше Виктор Иванович если и имел контакты с женщинами, то подобное никак не отмечалось в его психике. В том плане, что психика его явно спокойно перерабатывала положительный заряд, полученный после удовлетворения страсти. Притом что как раз страсти особой никогда у него не было. Так, скорее - выполнение некой природной обязанности.

Тогда как сейчас...

Сейчас Виктор Иванович влюбился. Предметом его страсти (впервые секс у него произошел спонтанно, а не так как раньше - после длительной артподготовки) стала женщина на десять лет младше его. Некая Ольга Корзун, высокая брюнетка, у которой как раз на уме, казалось, и был только секс.

Ольга работала ассистентом режиссера, на телевидении. К своим рабочим обязанностям относилась прекрасно, но все равно было заметно, что она старается поскорее уйти с работы (на работе она подобное проделывать не могла; своего рода табу), чтобы предаться, как она шутила, разврату.

Зарубину нравилась такая женская непосредственность, и умение называть вещи своими именами. Если она хотела мужчину - она: 1) ему об этом говорила; 2) начинала предпринимать действия, после которых у такого мужчины уже не было повода сомневаться, что от него хотят.

И уже нельзя было сказать, кто первый набрасывался друг на друга, срывая одежду и соединяясь в клубке страстных объятий и последующего проникновения друг в друга. Да и в самом коитусе (как называл половой акт Зарубин; Ольга-то как раз называла это просто "трах", "секс", или "ебля"; правда ругалась она или в порыве страсти, или когда была чем-то недовольна) находили партнеры такое единение души и тела, что после окончания (и получения оргазма) пели вдвоем. Причем Зарубин пел, а Ольга подпевала. Или же они затягивали каждый свою песню. Причем явно начиналось все еще когда только совершался акт любви. Когда они начинали постанывать, интуитивно подлавливая ритм. Да и вообще, создавалось впечатление, что оба они весьма артистичные люди. Притом что Зарубин за собой подобного раньше не замечал, а Ольга с детства была музыкальной девочкой. В свое время не прошедший второй тур конкурса в театральном вузе, но с легкостью поступившей во ВГИК, и даже закончившей его с неплохим аттестатом.

И вот как раз после встречи с Ольгой (встречи и начала удовлетворения сексуального желания, которого, оказывается, накопилось в нем весьма в избытке) Зарубин почувствовал, что все в его жизни как-то вдруг упорядочилось. И куда-то исчезла так мешавшая ему ненужная обеспокоенность. А тревога... Он и забыл уже, что это такое. И Ольга и он взяли недельный отпуск чтобы вообще не вставать с постели. После чего отпуск они обоюдно продлили еще на неделю, а уже после вышли на работу, и предавались страсти теперь - перед работой (она переехала к нему), и до нее.

Виктор Иванович не знал что такое любовь. Раньше между ним и какой представительницей женского пола все происходило быстро, поверхностно, и вообще - как-то

скомкано. Теперь же он мог наслаждаться страстью. И наслаждаясь, стал вдруг верить в себя. После чего получил предложение работы в министерстве, в Москве, но не поехал, потому как ему вдруг стало вполне хватать того, что у него было. Да и должность директора института тоже ведь не абы что. Лучше находиться на своем месте, рассудил Виктор Иванович, который как раз понял, что находится сейчас на своем месте, нежели чем пытаться покорить новые вершины. Да и с Ольгой пока думать о чем-то еще помимо секса как-то не очень хотелось. Он даже - ради эксперимента - переспал (на рабочем месте) с секретаршей, полной девушкой с большими бедрами и грудями, согласной на все, но не получил того удовлетворения как с Ольгой. Хотя и отметил про себя, что если когда-нибудь Ольга его бросил или начнет закатывать скандалы (подспудно он всегда чего-то такого от женщин ждал), он вполне сможет продолжать любовно-сексуальную практику уже с другими дамами. Готовыми также как и секретарша на все, ну или как минимум - на многое.

Любила ли его Ольга? За 34 года она многих любила. И с еще большим количеством вступала в интимные отношения. Причем порой даже могла ограничиться минетом, чтобы просто показать свое расположение к тому или иному мужчине.

Хотя и вершиной ее признательности - была анальная связь. Которую Ольга как-то по особенному полюбила в последнее время. Да и явно большинству мужчин это нравилось, и даже как-то по-особенному нравилось.

Груды у Ольги были небольшими. С возрастом они, правда, слегка поднабрали объемы, но все равно это было еще не так, как у некоторых ее подруг. Хотя Ольга и знала, что большинство ее подруг (да и вообще женщин) весьма фригидны и холодны в постели. И имитируя страсть - считают что тем самым оказывают услугу мужчине.

Ольга же никогда ничего не имитировала. В ее исполнении все как раз было более чем натурально и естественно. А потому она порой трахалась до измождения. Но и даже после этого могла еще чуть-чуть.

В общем, женщина была явно довольна жизнью. Так же как, впрочем, и мужчина, находящийся с ней.

Сейчас таким мужчиной стал Виктор Зарубин. Причем Ольга могла признаться, что ей в чем-то нравилось учить его любви. Открывая перед ним те таинства, которых он по своей ложной скромности ранее был лишен. И догадываясь, что он был ей весьма благодарен за это.

.....
....

Так вышло, но бывшим любовником (одним из многих) Ольги был Дмитрий.

Он уже и сам не помнил как тогда все произошло. Но вот сейчас встретившийся ему Зарубин показал снимок своей возлюбленной (Виктор Иванович только вышел на работу, в этот день у него была лекция в институте, где он и встретил Галанина), и Дмитрий сразу же узнал знакомое лицо.

Но Дмитрию о том не сказал. Постаравшись как-то быстро с ним проститься, чем было вызвал недоумение Зарубина, да потом у того начались дела, и об этой встрече он не вспоминал ровно до того момента, пока не увидел Ольгу с Дмитрием.

--А, уже познакомились,--улыбнулся Зарубин (дело было через несколько дней после разговора с Галаниным в вузе).

--Познакомились,--улыбнулась Ольга, и взяв любимого за локоток, вежливо попрощалась с Дмитрием, и повела Зарубина в кабинет.

--Трахаться,--подумал Галанин, помнящий что любила женщина больше всего.

Больше они не виделись. Через некоторое время Галанин узнал, что Зарубин с Ольгой уехал в турпоездку за границу. Во Францию. Где они решили остаться. (Оказывается эмиграция была подготовлена заранее. Просто Виктор Иванович еще до конца не верил в нее, и оттого до времени решил не распространяться. Он написал Галанину уже из Франции, по электронной почте.)

--Вот дела...--подумал тогда Дмитрий, и мысленно вычеркнул Зарубина из списка контактов.

Но и примерно тогда же на его горизонте вновь замаячил Герман Евгениевич Завгаев.

Стоило сказать, что Герман Евгениевич не только был престранной личностью, но и видимо считал своим долгом периодически подтверждать подобное. Например, он мог быть одновременно и деятельным человек, и пассивным да неуверенным. И получалось так, что если бы случайно встретились люди, знающие Завгаева и начали говорить о нем, то как бы оказалось, что говорили они о разном человеке, и в то же время об одном и том же.

Причем никого из них нельзя было заподозрить в каком подвохе. Получалось даже так, что Завгаев может и сам бы искренне хотел правды да справедливости. Но как бы уже получалось, что многое в его жизни происходило словно бы само по себе. Словно бы он одновременно и знал и не знал об этом, и в то же время - как-то мучительно искал повод со всем этим расквитаться. Пойти на какой компромисс быть может с судьбой. И при этом совсем уже это не означало, что он в действительности этого хотел.

В общем, по всему Герман Евгениевич был человек-загадка. И даже если предположить, что сам он так о себе не думал (мы ведь не всегда думаем о себе то, что думают о нас другие), то все равно это было так.

.....

Встретился Завгаев с Дмитрием Галаниным не просто так. Каким-то образом Герман Евгениевич получил информацию о том, что Галанин собирается уехать в Америку. Причем совсем нельзя было сказать, что у Завгаева имелись какие-то соображения на этот счет. Ну, или, предположим, он не хотел, чтобы Дмитрий уезжал. Но словно и помимо своей воли - он встретился с ним. А при встрече выдал сразу свои предположения. Чем, признаться, вверг Дмитрия в некоторые раздумия, причину коих тот сразу и не понял. И это притом, что ни тот ни другой как будто никогда и не

были близкими друзьями. С Галаниным вообще было трудно дружить. С одной стороны он всячески располагал к общению и даже наверное к дружбе. А с другой - вроде как уже было и не понятно, действительно ли это так. Потому как был Галанин, как говорится, "себе на уме". И несмотря на как вроде бы внешнюю (ну или внутреннюю - он сам в этом пока не разобрался) открытость - продолжал оставаться таким.

--Уезжаешь?--спросил Завгаев, после приветственных объятий.

--Уезжаю?--не понял Галанин.--Куда?

--Ну...--замялся Завгаев.--В Америку.

--В Америку?--не понял Галанин.

--???

Галанин неопределенно кивнул. Как бы - и да, и нет, и сам еще не определился.

--А я думал, что уезжаешь,--по-своему понял его кивок Завгаев.

--Да, видишь ли, брат зовет...

--И ты поедешь?

--Думаю.

--А что тут думать! Надо ехать!

--Насовсем?--уточнил Галанин.

Завгаев несколько замялся.

--Ну, брат, тут такое дело, что ты сам должен решать.

--А я еще не решил,--признался Галанин.

--Я так и понял,--отчего-то радостно ответил Завгаев.-- Знаешь, если поедешь - возьми и меня с собой.

--Куда?--не понял Дмитрий.

--Ну, с собой, в Америку.

--Да с какого бока ты то там...--хотел, было, спросить Дмитрий, да увидев слегка простоватое лицо Завгаева (тот вообще мог казаться или простоватым или излишне серьезным) замешкался.

--Давай поедем вместе,--неожиданно согласился он.-- Только ведь...

--Спасибо, друг,--неожиданно обнял его Завгаев.

Галанин посмотрел на него неопределенно, как смотрят на городского сумасшедшего, которого как будто и жалко, и в то же время с пониманием, что тот ненормален, и вряд ли оценит вашу доброту. Может даже переверт ее в своем искаженном видении действительности.

--Я еще на самом деле не решил,--ответил Дмитрий.--Но если поеду - дам тебе знать. Если ты и в правду готов...

--Готов ли я!--усмехнулся Завгаев.--Да я можно сказать только и мечтал, что ты мне подобное предложишь.

--Подожди...--попросил Галанин.--А ты отдаешь отчет в том что говоришь?

Завгаев кивнул. Но его кивок показался Галанину столь неопределенен, что он пристально всмотрелся в лицо Завгаева, и понял, что тот пьян. Причем пьян безбожно.

--И как я этого раньше не заметил...--подумал Галанин, решив побыстрее распрощаться со своим приятелем. В последнее время Галанин не жаловал пьяниц. То ли от того, что сам не пил (бросил пить уже давно, но если еще недавно вроде как окончательно не определился со своим решением, то теперь понял, что пить он действительно уже не станет никогда), то ли просто вдруг понял, что на пьяных людей совсем нельзя положиться. Хотя и было верно (так считал Галанин), что в состоянии опьянения человек раскрывается полнее. Показывая, что скрывается у него внутри как бы уже без купюр ("без цензуры психики", - мог бы добавить Галанин).

Как бы уже не было, с Завгаевым ему не только удалось распрощаться, но и фактически последний исчез из его жизни. Причем такое происходило и раньше, когда какие-то люди вдруг пропадали из видимости Галанина, и общение с ними неожиданно прекращалось.

Часть 8

Глава 1

Уже становилось понятно, что Галанину ничего не оставалось как признаться в том, что не существовало на

самом деле никого, кроме него самого, его мыслей, его фантазий, служивших верным признаком прорывавшегося в сознание безумие.

Однако Дмитрий отдавал себе отчет, что окружающие в большинстве случаев и не заметили подвоха. Причем явная парадоксальность ситуации на самом деле объяснялась весьма просто, и даже можно сказать обыденно. Потому как получалось, что те, кто волей жизненных обстоятельств находился рядом или недалеко от Дмитрия (как и вообще многие из смертных) все равно большей частью всегда видят то, что они хотят увидеть, и не замечают явно не нужное им. Вызывающее дискомфорт в их психике, и от того этой психикой словно бы сразу (бессознательно) отменяясь.

И ведь нет тут никакого противоречия. Просто психика так устроена, что имеет целый ряд удивительных особенностей. Точнее - ряд характеристик, которые могут показаться удивительными при поверхностном взгляде на них. Причем со временем (а то и сразу) он может и изменится от поверхностного -- к самому внимательному. Но такое возможно лишь в случае, если что-то, что увидит человек - покажется необходимым ему. То, к чему он может быть как раз сейчас готов. Что искал. А если не готов, то вроде как тоже нельзя особо как-то винить его. Потому как может получиться, что он или был готов немного раньше (и сейчас настрой на нужную волну из психики ушел), или же будет готов чуть позже. Потому как уже не сомневался Галанин, что все как раз к человеку приходит почти только тогда, когда он сам к этому готов. В ином случае - не увидит, не заметит...

.....

Галанин сейчас действительно о многом размышлял. Казалось, жизненные обстоятельства сами сподвигли его к этому. Причем никто не удивился бы, если кульминация подобных размышлений произошла бы раньше,-- да вот с другой стороны все находилось в соответствии со сказанным выше. И как раз сейчас Дмитрий Галанин оказывался готов к адаптации в его сознании получаемой информации. Ведь он

сам, получается, дошел до этой информации. Как бы уже подключился к источнику. И теперь жадно пил поток, начиная мучительно понимать, что теперь все в его жизни изменится. Должно измениться. Причем чуть позже этот период он будет рассматривать как некий шанс, который дала ему судьба. И не воспользуйся он им сейчас будет означать, что на какой-то этап отдалится следующее подключение. То есть к нему уже нужно будет вновь стремиться. А так - оно вроде как есть, и не нужно другого...

Не нужно пока. Галанин знал, что подобное приходит не надолго. Потому что просто не может случиться так, чтобы осталось оно с ним навсегда. Просто потому, что со временем в психике начинается привыкание. И как бы уже оказывается, что вы сами того не замечаете как он вас ушли те мысли, которые вы лелеяли какое-то время, носившись с ними, и чуть ли не считая, что пришли они навсегда.

Как бы не так.

.....

Несмотря на открывшееся *просветление*, Дмитрий, тем не менее, подозревал, что так-то просто это или не было, или даже не могло быть.

Выходило, что он вновь оказался в плену своего рода фантазий разума. Когда, выдавая желательное за действительное, жил, даже вроде как сомневался в чем-то, или - в иные разы - наоборот, достаточно восторженно отзывался обо всем происходящем, и при этом как бы понимал, что оценка все происходящего - вопрос будущего. Просто потому, что за редким исключением никто из нас не может сейчас расставить правильные акценты на восприятии - оценке - окружающего мира; оценке его с позиции своего видения ситуации; притом что даже какое-то особое стремление уже как бы становилось оправданным. Но и то, зачастую, лишь от того, что так должно быть, но совсем не значит, что так на самом деле было.

Глава 2

Костя Неелов и мог и не мог признаться, что ему на самом деле нравилось беспутство.

Он и женщин подбирал таким образом, чтобы удовлетворять свою страсть, которая разгоралась иной раз -- при виде подходящей ему спутницы - до самых невероятных размеров. А он как будто и не хотел. Но не хотел он - уже когда все заканчивалось. И даже еще через время (когда недавняя партнерша уходила). В то же время когда в его мозгу сигналила лампочка доступности удовольствий - казалось, ничто не способно Костю сдержать. Да и сам он не хотел сдерживаться. Тем более лет ему было всего двадцать один, и он вполне мог позволить себе не задумываться пока не о чем. Да и казалось ему, что как будто и действительно совсем незачем было о чем-то задумываться. А надо было только брать от жизни все. Ну, или максимально многое.

Подобную жизненную философию осуждали люди старшего поколения. Но Костя как будто и поддакивая им (и не выказывая юношеский максимализм), все же старался взять свое. Рассуждая, что уже потом он может подумать и о душе. Хотя если в душе наступала гармония после оргазма (и своего, и партнерши), то уже как бы получалось, что все было более-менее ровно. Ведь если допустить,--рассуждал Костя,--что своим присутствием рядом (и своими действиями сексуального характера) он сможет привести в надлежащий вид внутреннюю гармонию партнерши - то уже оказывалось, что вроде как и думать о чем-то ином, по меньшей мере, нелепо, да и видимо совсем не нужно. Тем более что старался Костя действительно всегда сделать приятное другим. Прежде всего заботясь о ком-либо, и только как бы в последнюю очередь о себе.

Но на самом деле он был еще и очень мыслящим человеком. Причем если поднять вопрос - был ли он таким всегда, или же стало умнеть с годами, можно было заметить, что вероятно он действительно всегда стремился к каким-то знаниям. Справедливо полагая, что именно те, в конечном итоге, способны будут привести его к успеху в жизни. Ведь

жизнь, считал он, состоит из целого лабиринта особого рода закономерностей. Поняв которые -- человек способен достигнуть многого. Хотя, разумеется, совсем не любой человек. Природа как бы заранее отметаает людей мало читающих (и отсюда мало знающих), с суженным кругозором (вследствие, в том числе, и хаотичного чтения, или чтения узкоспециальной литературы), да и вообще, знал Неелов, читать можно все, а понимать способны только избранные. Причем в подобной избранности только на каком-то этапе прослеживаются филогенетические схемы (коллективное бессознательное). На самом деле, на первом месте всегда стоит труд. Просто кому-то придется затратить немного меньше усилий, чем другим. Причем, наверное, самое важное - природная приверженность к данному факту возможности понимания. Прежде всего, понимания. А то это уже не каждому дано. Вы можете сколько угодно дуться, рассчитывая на многое, а в итоге не получите ничего. Тогда как если больше работать (причем, полагал Костя, тому, кому "дано" - должен трудиться в два раза больше), тогда и становится способно понимания ситуации, понимание бытия. Да и то - лишь через время.

.....

Николай Воронов вдруг стал замечать, что жизнь изредка выписывает какие-то особые кренделя, которые и понять-то как будто невозможно, а еще точнее - раньше он бы их точно не понял, да тут словно нашло на него какое понимание; после чего уже словно бы и искать ничего не надо. Все и так ясно.

В детстве Николай рос странным и несколько пугливым подростком. Причем, явно, причины испуга не было, или испуг толком не осознавался самими Вороновым.

Но вот став постарше, он вдруг заметил, что с ним стали происходить некие удивительные метаморфозы. Причем на первом этапе он явно приложил серьезные усилия, желая заглушить их; сейчас наступил второй этап.

.....

Воронов не понимал, что происходит с ним. Он даже не знал, действительно ли все именно так должно происходить. Потому как получалось, что если он стремился раньше к чему-то (почему-то он всегда считал, что должен к чему-то стремиться; словно бы ставил цели, достигал их, и все по новой), то теперь вдруг задумался, что может он и не на том пути находился все время. А сам путь можно было бы весьма скорректировать, ну или - и вовсе изменить.

От подобного предположения Воронова бросило в жар. Как-то и что-то изменять он пока был не способен. И даже если предположить, что в его жизни когда-нибудь сможет наступить нечто, что способно было бы вырвать его из стен действительности (так всегда необходимой ему, его приземленному свойству характера), то теперь уже вроде как и действительно получалось, что это-то ему оказывалось и не нужно. Ну, или нужно, но словно бы не было оно сейчас на первом месте. А как-то ненавязчиво слегка удалилось. После чего Воронову стало казаться, что мир вокруг начинает играть с ним в, своего рода, игру. Или - ребусы. Которые с одной стороны непременно он должен был разгадать, а с другой - совсем необязательно было разгадывать. Потому как для них как раз вполне устраивало и подобное положение. Тогда как в душе Николай Эльдарович все-таки чувствовал, что должен прийти к началу каких-то изменений. Хотя бы просто потому, что так было необходимо, или как минимум - желательно.

.....

Воронов встретился с Дмитрием Галаниным. Перед отъездом того за границу (все его знакомые как-то быстро уверовали в этот отъезд) с Галаниным все чаще хотели встретиться те, кто до этого как будто встречался с ним лишь изредка.

Не обошел его вниманием и Воронов.

Откинув назад светлые волосы, которые на секунду взметнулись кудрями, опоясав окружность головы, Воронов посмотрел своими голубыми глазами на Галанина, и предложил свою помощь в каких-либо вопросах, касаемых обеспечения жизнедеятельности.

Галанин посмотрел на Воронова несколько с любопытством, или даже, как показалось Воронову, с легким недоумением.

Галанину вообще казалось в последнее время, что некогда его близкие и не очень близкие знакомые, друзья, приятели вдруг разом стали сходить с ума. Причем уже как вроде бы не просматривалась причина подобного их помешательства. Хотя и становилось понятно, что не все было так просто. Просто потому, что мир вокруг всегда представлял для Галанина загадку и вопрос, над разрешением которого он фактически все время бился, причем как становилось понятно - с переменным успехом.

--Что случилось?--спросил напрямую Галанин, явно не рассчитывая на честный ответ.

Словно подтверждая его предположения, Воронов пожал плечами.

--Ну, а какого тогда черта вы все меня...--хотел взорваться Галанин, но сдержался, и только еще более внимательнее посмотрел на Воронова, словно пытаясь понять тайну этого человека.

-А знаешь что,--улыбнулся Галанин.--Поехали со мной.

--???

--Я серьезно,--улыбнулся Галанин.--Станешь в Америке фермером.

--Спасибо,--смутился Воронов.

Возможный разговор между ними как-то быстро сошел на нет. То есть - закончился, не начавшись. И только после того как Воронов ушел, Галанин подумал что он, в общем-то, чем-то был признателен Воронову. Потому как любые люди, появляющиеся в нашей жизни, позволяют нам еще больше изучить психику других. И общение - это прежде всего опыт. А более близкое общение - всегда возможность заглянуть в душу другого человека, и понять нечто большее...

Глава 3

Уже получалось так, что Дмитрий заметил, что словно бы все равно он вынужден возвращаться к прошлому; к тому, что еще можно было проанализировать, потому как прошло не так много времени, он помнил детали, да и вообще - понимал, что для того, чтобы планировать жизнь будущую - непременно надо разобраться с ошибками прошлого. Уже хотя бы для того, чтобы такие ошибки не совершать.

Однако подобным воспоминаниям (продолжению их) неожиданно воспротивился Аркадий. Причем не то, что брат был как-то негативно настроен к каким-то воспоминаниям. Просто как-то оказывалось, что он не считал целесообразным что-либо вспоминать. Находил подобное занятие ненужным, и даже в какой-то мере опасным. И если предположить, что в остальном он, в общем-то, поддерживал брата, то здесь решил отговорить его от подобной привычки. Причем, начав с наставлений, он вскоре как-то быстро распростился с доказательной базой, сорвавшись на крик, и даже чуть ли не на какие угрозы.

В общем, как спокойно ему заметил Дмитрий, эмоции его явно превалировали над разумом.

--Ну что ты горячишься?--посоветовал Дмитрий Галанин, широко открытыми глазами смотря на брата.--Ведь дело может быть яйца выеденного не стоит.

--Стоит,--вставил Аркадий.--В том-то и дело что стоит. И ты сам это прекрасно знаешь.

--Я?--удивился Дмитрий, явно готовый признаться кому угодно, что он как раз ничего не знает. И даже с трудом улавливает вообще смысл происходящего, так и не поймав нить разговора, и справедливо полагая, что Аркадий просто недопонимает.

Однако Аркадий на удивление продолжать спор не стал. А словно наоборот, затеял какую-то странную игру слов, во время которой говорил он сам; но то о чем он говорил - было каким-то... ну, непонятным что ли.

Или на самом деле только вначале непонятным. И только после того, как Дмитрию пришлось выслушать брата на продолжении чуть ли не получаса, он неожиданно понял, что

от него тот хотел. А хотел он, ни больше, ни меньше - чтобы Дмитрий принял его предложение уехать с ним. Причем сам отъезд как бы должен был включать в себя еще и необходимость работы с собой. Аркадий собирался учить брата уму-разуму. На что Дмитрий как-то быстро взорвался, и не успел тот что-либо сказать - Дмитрий Галанин как-то быстро успел сказать все, что он думает о брате. Включая и предположение о ложной сущности того. Причем может и понимал он, что говорить подобного не следовало, но словно бы уже и понимал, что не может молчать. Причем, как бы получалось, что несмотря на собственное стремление смолчать, успокоиться, прекратить крик,-- он еще больше распялся. И смолк только тогда, когда надорвал связки от крика. И стал покряхтывать, проклиная себя за несдержанность.

--Что это ты так разошелся?--поинтересовался Аркадий, с любопытством поглядывая на брата, словно решая: держаться от него поодаль, или можно подойти поближе.

--А ты не понимаешь?--язвительно процедил Дмитрий, у которого уже явно не было сил ни спорить, ни ругаться.

--Нет,--коротко отрезал Аркадий.--На мой взгляд, я тебе предложил весьма реальную вещь. И то, что ты так ее воспринял - лишь доказывает, что...

--Это доказывает, что ты вмешиваешься не в свое дело,-- перебил его Дмитрий.

--Это доказывает, что ты весьма неадекватно реагируешь на обстоятельства,-- закончил фразу Аркадий.

Дмитрий отрицательно покачал головой.

--Ты не прав,--спокойно сказал он.--Просто не прав. Причем заблуждение твое есть всего лишь та ошибка, которую можно исправить. Можно,--повторил он, вроде как задумавшись.

--Ну, я вижу, ты сегодня находишься совсем не на той волне,-- печально сказал Аркадий, решив, видимо, брата пока не беспокоить.

Но остановить Дмитрия было уже не так-то просто. Он не только чувствовал свою правоту, но и словно бы в разговоре с Аркадием вымещал сейчас на том все непонимание, которое поступало от людей, похожих на его сводного брата.

И даже если предположить, что Аркадий совсем не был похож на большинство из них, в сознании Дмитрия образ Аркадия сейчас соединился с негативной проекцией; и то, что до этого предназначалось другим - сейчас как будто вымещалось все на одном Аркадии. Причем тот поначалу как будто и не понял почему, да потом у него все сошлось. И он уже не воспринимал какую-либо критику так серьезно. Не пытаясь даже как-то сгладить монолог в адрес его. И словно бы понимая, что если не дать сейчас брату выговориться - неизвестно во что ударит все накопленное в нем. А так, вроде как высказался - и полегчало.

Но Аркадий зря надеялся. Совсем не такой был человек Дмитрий Галанин. Он вообще всегда старался (всегда и во всем) отличаться от остальных, от толпы. А потому уже так получалось, что и почти невозможно было вогнать поведение его в какие-то стереотипы. Причем достаточно быстро получалось, что тот, кто пытался сделать подобное - наказывал себя. И выходом было -- прекратить нападки, как-то сгладить беседу, да и вообще - изменить тему.

Что, впрочем, не всегда получалось. А то и вообще не получалось.

.....

Несмотря на разногласия, братья еще больше сплотились. Дмитрий вдруг признал, что ему действительно стоит на какое-то время уехать из страны (большей частью уехать с братом; если бы тот жил в России - Дмитрий остался бы). А Аркадий вдруг почувствовал такое облегчение, что согласен был на многое, а то и на все.

В итоге они решили еще пожить какое-то время в Санкт-Петербурге, после чего покинуть страну, выехав за рубеж. Точнее - Аркадий вернулся бы домой, а Дмитрий...

Ну, статус гостя ему пока не нравился, а перебраться на постоянное место жительства за рубеж он тоже, вроде как, не собирался. Хотя и может быть лишь "пока".

Но прошло еще пару дней, и Аркадий стал собираться в дорогу.

Дмитрий решил не ехать.

--Потом,-- улыбнулся он.--Пока я все же уезжать не готов.

--Ну, как знаешь,--махнул рукой Аркадий, и еще через день действительно уехал.

Глава 4

После отъезда брата Дмитрий в очередной раз задумался, было, о жизни, да вдруг стало ему безразлично, что будет потом. То есть не то, чтобы он почувствовал какую-то тревогу и пустоту (что явно чувствовал обычно, когда покидал его близкий человек). Сейчас перед ним было новое состояние. И он немножечко лелеял его, чтобы, быть может, как-то получше изучить, а потом уже - или избавиться от подобного состояния, или же наоборот - возвеличить его до каких-то удивительных размеров. Как, впрочем, делал он и раньше. Когда что-то новое появлялось в его психике (какой-то новый дискомфорт), и он не избавлялся от этого, а как истинный ученый, испробуящий какую вакцину на себе, начинал изучать свое реагирование на мир с учетом имеющегося в его психике дискомфорта. После чего уже как вроде бы мог (становился способен) поступать с подобным в соответствии с желанием, появлявшимся на тот момент. То есть - или избавлялся. Или...

.....

Дмитрия вновь посетили мысли, которые, в зависимости от различных причин, способны были или улучшить, или ухудшить его настроение.

Причем ситуация в большинстве случаев не подчинялась никакому контролю. И можно было сказать, что от самого Дмитрия в какой-то мере и действительно мало что зависело. Хотя и конечно, все в данном случае условно. Ведь он знал, что в случае чего, ему необходимо просто настроиться на определенную - позитивную - волну. И тогда он вроде как и не будет расстраиваться о том, что и как происходит с ним.

Да и будет происходить все как надо. Потому как вроде и иного не возможно. Хотя и тут же он мог попросту не настроиться, подумать о чем-то плохом; причем хуже всего будет, знал Дмитрий, когда он даст (даже на время) поселиться в себе неуверенности. И тогда уже какое-то время ничего сделать ему будет невозможно. А он вынужден будет подстраиваться под существующий порядок (в психике). И потребует какое-то усилие - чтобы избавиться от этого.

Или же все пройдет само. Подобное тоже бывало. Да и, по сути, вся жизнь Дмитрия Галанина это поиск и изучение себя. Просто какие-то моменты, несмотря на их повторяемость, ему еще не получалось запомнить; хотя хотелось выучить наизусть. Чтобы уже в следующий раз - все было в порядке.

.....

Галанин отдавал полный отчет в том, что он не совсем адекватно реагирует в своих внутренних переживаниях на какие-либо ситуации окружающего мира.

И при этом как раз внешне он мог (научился) оставаться совершенно спокоен. В нем как бы выработалось то нечто, что позволяло другим не замечать ничего. На это работал мыслительный аппарат Дмитрия. Его психика также стала со временем вырабатывать соответствующие категории, помогающие не то чтобы весьма лояльно относиться к внешним факторам (вызывающим некоторое расстройство - беспокойство - в психике), потому как старался он, чтобы это не стало заметно внешне.

Внешне он вообще мог стать рубахой-парнем, если бы дал окончательно поглотить себя игре. Игра, посредством одевания невидимых масок, была весьма распространена в современном обществе. Также как и сто-двести лет назад, люди играли, зачастую выдавая желаемое за действительное. Те же, кто играть был не способен - страдали, становившись изгоями общества.

Потому что общество не очень охотно принимает неудачников.

Оно может тихо завидовать слишком успешным, но в то же время заискивает перед ними. Тогда как к неудачникам относятся как к беспородным собакам: в лучшем случае не замечают.

Дмитрий Израилевич Галанин действительно не поехал с братом. Он просто понял, что совсем ничто не изменит поездка в его судьбе. Языка он не знал. А, выстраивая собственную карьеру на общении, отсутствие языка сводило на нет все знания Дмитрия. И могло получиться примерно то же, если бы очень умный чукча, не знающий русского языка, попытался бы читать лекции в МГУ.

В общем, Дмитрий явно не стал рисковать. И при этом в душе его все равно осталось легкое неудовлетворение своим поступком. Он словно бы чувствовал, что может надеяться на что-то большее, но пока не решил, так ли оно уже необходимо ему. Не приведет ли подобное к обратному эффекту. Не оттащит ли его назад, в то время как он всячески стремился идти вперед. И даже если предположить, что Галанин способен был преодолеть все или многое - он тем не менее не способен был сейчас решить, как ему будет удобно на самом деле.

Ну не мог и все. Всякий раз, когда подобные рассуждения начинали заполнять его сознание, он стремился избавиться от них. Собираясь даже, в крайнем случае, вообще прекратить свои какие-то мучения самым кардинальным способом. А это, он знал, смена режимов деятельности с резким (что желательно) выбросом адреналина в кровь, посредством чего мозг просто переключается на новую деятельность, и на какое-то время уже она подчиняет его.

У Дмитрия было несколько вариантов подобной смены режима. Он мог (если была зима) нырнуть в прорубь, предварительно распарившись в бане. Мог вскочить на коня (он, кстати, неплохо держался в седле; все лето детства проводивший в деревне Дмитрий с тех пор научился этому удивительному навыку) и понестись во весь опор, не обращая внимания на препятствия, погодные условия, и вообще ни на что. Еще он мог прыгнуть с парашюта. Но тут

уже всегда наступал несколько другой эффект, потому как пока шла предполетная и предпрыжковая подготовка, Дмитрия начинали заполнять несколько другие эмоции. И, собственно, какого-то осязаемого эффекта от самого прыжка он не испытывал.

Был еще ряд обстоятельств, обычно тоже выручавших Дмитрия. Но вот чувствовал он, что как раз это совсем сейчас не являлось для него главным. И словно бы отошло на другой план. А на первом месте перед ним стало несколько иное.

.....

Несмотря на понимание действительности, Дмитрий Галанин чувствовал, что не все он делает так, как надо. Причина? Тут было все просто. Дмитрий хоть и крепился, убеждая себя в контроле над ситуацией, а на самом деле все было не совсем так. Просто потому, что так получалось, что он не все на самом деле еще понимал. И фактически ежедневно происходили какие-то корректировки. Тогда как на переднем плане сознания как будто все расставлялось по своим местам. Но ведь существовали недоработки! И Дмитрий прекрасно об этом знал. Так же как и понимал, что он попросту не сможет в ближайшее время со всем разобраться. А значит должно будет пройти время, в течении которого он сможет хоть как-то выправить ситуацию. Причем в том, что так действительно должно быть - он не сомневался. И с каждым днем понимая, что должен приступать к разрешению существующих - душевных - конфликтов, Дмитрий Галанин действительно приближал этот час. Даже, может быть, иной раз и столь настойчиво приближал, что запутывался уже в этом приближении.

А может наоборот - как раз подобными своими действиями Дмитрий Галанин готовил почву для какого-то единого понимания ситуации. Когда должно будет произойти то, что он, в общем-то, всегда и ожидал ранее.

Причем совсем необязательно было, что он не собирался заканчивать или продолжать далее свои потуги-стремления к истине. Потому как уже выходило, что он всеми усилиями

шел к бессознательно поставленной цели. И даже если предположить, что со временем цель могла изменять направление, он как бы все равно закладывал уже в сам процесс корректирование ее. Ну и к тому же бессознательно не стремился к тому, чтобы разом достичь всего. Как раз нет. По его мнению, тут не только требовался определенный подход.

Но и самое главное - должно было пройти время, за которое его психика должна была окрепнуть надлежащим образом. Причем уже получалось, что он этого желал. А, желая - бессознательно приближал.

Глава 5

Василию Петровичу Панкееву вновь стала приходиться в его чудную голову всякая мура.

И ведь можно было сказать, что к своим годам, используя накопленный опыт (в том числе и жизненный) Василий Петрович выработал способы борьбы с подобным негативизмом в душе. А вот нет. Проходило время. Он считал, что уже все нормализовалось. Что он может и дальше продолжать жизнь какой-то своей удивительной жизнью. А вот снова нет. Случалось все вновь. И тогда уже он действительно не способен оказывался что-либо сделать. Потому как получалось, что состояния эти приходили: 1) нисколько его не спрашивая; 2) в независимости от раннего от них избавления.

То есть, другими словами, даже если сейчас он вдруг избавится от всего (и душа его запоет от счастья), это все равно не будет означать, что через время все не повторится. А значит, он уже как бы вынужден был или продолжать борьбу (жизнь это всегда борьба да сражение), или же смириться. Но смириться - означало признать поражение. Поэтому и выбирал Панкеев сражение. Намереваясь когда-нибудь в нем одержать окончательную победу. И уже так или иначе - придти к завершению начатых в своей жизни преобразований.

.....

Выходило так, что всю жизнь он действительно начинал какие-то преобразования. Они могли быть различного рода. Могли не приносить сразу никакого морального удовлетворения. Но верно было то, что Василий Панкеев всяческим образом стремился все равно преобразовать собственную жизнь. То есть у него было такое стремление, но не было какого-то действительного понимания того, как подобное нужно делать. Хотя и рождалось у Панкеева множество вариантов подобных преобразований. И даже получалось, что он, выбирая какой-то один из них, все равно продолжал прорабатывать остальные.

И в итоге получалось иной раз черт знает что. Благодаря своей прекрасной памяти какое-то время он продолжал еще держать все варианты перед глазами, попеременно прорабатывая их. А потом мозг начинал протестовать против подобной эксплуатации. Включал одни из защитных механизмов (представленных в психике каждого индивида в должных объемах), и уже получалось, что Панкеев со временем напрочь запутывался во всем. И вынужденно как бы начинал сначала.

.....

Несмотря на периодически происходящие с ним положительные изменения (отношения с Ольгой сыграли в этом не последнюю роль), Виктор Зарубин понимал, что он-то как раз остается таким, каким и был. И все изменения (если таковые действительно есть, --скептически задумался он), не только носят временный характер, но и, по всей видимости, есть нечто, чего нет на самом деле, но что кому-то очень бы хотелось в нем видеть.

Другими словами, это некая проекция отдельных лиц. Каждый из которых видит и замечает что-то свое. Притом что практически невозможно было сказать об истинном отношении к этому самого Панкеева. Потому как он-то как раз знал, что сомневался и задумывался больше, чем делал. А если делал - то, получалось, делал не то, что было

необходимо в первую очередь. Ну, или лучше сказать - делал то, что полагал необходимо совершить в первую очередь.

Тогда как на самом деле все получалось (в итоге) несколько, а то и совсем, иначе. После чего выходило, что он оказывался неправ. И надо было ему и стремиться к другому, и совершать иное. Что? Ну, здесь видимо вопрос все же был больше спорный, чем имел какой алгоритм разрешения. И прежде всего так происходило от того, что жизнь в сознании Панкеева являла слишком много различных вариантов. Причем уже как бы оказывалось, что он в своем стремлении проработать каждый (или чуть ли не каждый), тем не менее, не добивался практически ничего. Или же думал, что все идет как надо (причем как надо - это еще совсем не значит, что в соответствии с намеченным планом), а на самом деле отдалялся в сторону. И через время, сбиваясь с дороги уже окончательно, вынужденно возвращался назад. При этом забывая точку, с которой начал движение.

В общем, жизнь Василия Панкеева одновременно представляла и загадку и борьбу. И при этом происходило как-то так, что борьба уже входила в некую компетенцию загадки. И если он мог придти к какому-то знаменателю, то явно произойти это могло только через достаточно длительный период времени. Хотя и в таких вопросах совсем нельзя загадывать, потому как случится может в любой момент.

Глава 6

По большому счету Дмитрий, конечно же, понимал, что вся его деятельность (и вообще жизнь) идет фактически на износ. Притом что получалось так, что, сколько бы он действительно не стремился как-то замедлить подобный процесс, у него ничего не выходило, да и не вышло бы. Было слишком поздно, условно говоря. Потому как оказывалось, что Дмитрий Галанин сам себе дал обещание не сдаваться, даже если будет очень трудно, и держать планку. Точнее - сначала было обещание не сдаваться (что-то вроде условия-соглашения с жизнью), а уже после он понял, что

остановиться вообще не сможет. Просто потому, что не так-то и легко будет отказаться от всего, что у него уже было к тому времени. И прежде всего его интеллектуальные способности диктовали свои условия; когда необходимо было подстраиваться под ритм движения мыслей, не только рождающихся в невероятных количествах, но и служащих доказательствами того, что как-то замедлять процесс собственно и не следует. Уже хотя бы потому, что раз остановившись - можно запутаться; даже потому, что после придется все равно начинать движение. А время уже будет упущено.

Дмитрий, конечно же, это все понимал.

Но также понимал он, что совсем не сможет, не способен будет, и дальше обманывать себя. Хотя... вряд ли себя он в чем-то обманывал. Недоговаривал? Возможно. Но какой-то обман... Обман, без как минимум нескольких мотивированных причин того, почему он сделал так, а не этак; да и вообще, уже получается, Дмитрий Галанин попросту все давно уже понимал. А учитывая, что понимание скорее относится к ведению сознания, то что уж точно - еще о большем он догадывался. Подобное уже подпадает под юрисдикцию подсознания. И так получалось, что как раз к подсознанию у выпускника факультета психологии (помимо психолога, у Дмитрия был еще ряд высших образований) было свое отношение. Когда он признавал в первую очередь то, что скрывалось в глубинах психики. Справедливо сопоставляя то, что скрывалось там - с тем, что проявлялось в поступках индивида после. И был прав. В чем не раз убеждаясь и сам.

.....

Тем не менее, Галанин в который раз мог признаться, что путь в будущее уже казался ему еще более различаем, чем просматривалось раньше.

Конечно, для этого ему пришлось сделать некоторую корректировку движения.

Причем получалось, что вносить такие коррективы приходилось Дмитрию чуть ли не каждый раз после того, как

цель сдвигалась с ориентиров. А то, что она сдвигалась - было как бы заметно итак.

--Но ведь и хорошо, что заметно,--рассуждал Дмитрий, понимая что как раз это учит его не застаиваться; сподвигая на рост. И тем самым он уже может достигать еще больших результатов. Через страдания, конечно. Но разве что-то великое и значимое можно достигнуть не через страдание? Нет. И Дмитрий давно уже понял это.

.....

Трудно было сказать, когда Дмитрий понял, что женщины в его жизни приносили боль... Может быть тогда, когда его предала его первая девушка. Или же когда он уже сам оставлял других, то ли совсем не думая о том, что приносит тем самым девушкам душевную травму, то ли наоборот - сознательно наказывая в лице одних - других, да и всех остальных, в целом.

Дмитрий Галанин мог признаться, что ему потребовалось достаточно многое сделать, чтобы суметь к своим годам (возраст его уже приближался к сорока) научиться не реагировать уже так на женщин, как, случалось, относился к ним он раньше. Когда, по сути, достаточно тяжело ему было без женского участия в его судьбе. Причем, как это оказалось, ему совсем не нужен был контроль. А скорее необходима некая высшая сила, которую с долей условности он мог оставлять за женщиной. И прежде всего тут дело в проекции, из-за которой и получалась у него такая вот формула: мать = женщина; жена = женщина; мать = жена.

То есть, еще не произнося вслух, не называя вещи своими именами, в его подсознании тем не менее складывалось все примерно таким образом. А потому уже как бы получалось, что он совсем (или постольку поскольку) не обращал внимание на усилия каких-нибудь представительниц женского пола, видимо не прочь оказавшихся бы захомутать его хотя бы на какое-то время.

И даже страсть уже так не интересовала Галанина, потому как знал он, что некоторые из женщин как раз используют

страсть для того, чтобы еще больше приблизить к себе мужчину. И происходит в таких случаях своего рода механическая работа, дрессировка, когда обыгрывается природное желание мужчины обладать женщиной. А та начинает думать в первую очередь не об удовлетворении и своей в том числе страсти (если кто-то как-то до этого уже успел разбудить в ней страсть), а о том, что можно извлечь, таким образом, от мужчины.

А значит перед нами обман и ложь.

И так получается, что как раз этого-то обмана и опасался в первую очередь Дмитрий.

И не хотелось ему, чтобы использовали его. А хотелось как раз любви.

Всегда хотелось. Но он боялся проявления этого чувства. И видимо поэтому дал когда-то себе бессознательную установку "не поддаваться на провокации".

И уже получалось так, что он словно бы и продолжал жить, но находился в некоем то ли вакууме, то ли еще каком удивительном состоянии. И не мог (скорее - не хотел, не считал возможным) как-то иначе начать выстраивать свои отношения. Да и с недавних пор все его устраивало. Потому как чем меньше вероятность допущения ошибки, тем всегда спокойнее. А Дмитрий Галанин ценил спокойствие...

Глава 7

Панкеев знал, что при сохранении тайны он вполне может надеяться, что его оставят в покое.

Но вот так получалось, что он на самом деле совсем не верил в то, что это так произойдет. И самое главное,-- он совсем не верил, что сведения, которые ему доверил Марк Дожавью (казалось, Циберман только на миг вернулся из небытия, чтобы передать эти сведения Панкееву, и вновь исчезнуть) заслуживают того, чтобы он, Василий Петрович Панкеев, фактически рисковал здоровьем, носив их в себе.

Риск здоровью сводился к совсем не нужному, как считал Панкеев, воздержанию, чтобы не высказать эти сведения тому, кому они предназначались. Причем, на его взгляд,

здесь и действительно не было никакого секрета. Потому как знал он, что когда-то Дима Галанин (речь шла о нем) тесно общался (можно предположить, что и дружил,--подумал Панкеев) с мистером Дожавью, или как теперь у него стоит в паспорте - Михаилом Георгиевичем Циберманом. Ну, а потом что-то у них не срослось. Да вот теперь Циберман (Дожавью) возвратился, словно бы специально сказать о том, что Дмитрию Галанину угрожает опасность. Причем некая абсурдность ситуации заключалась в том, что Циберман не указывал, что за опасность (какого рода опасность) угрожала Галанину, от кого она исходила, и что, собственно, тому необходимо предпринимать.

Притом что стоило Панкееву о чем-то подобном поделиться с Галаниным (несмотря на неявный, как показалось Василию Петровичу, запрет со стороны Дожавью), как тот вообще никак не отреагировал. А то и даже показалось Панкееву, что Галанин обо всем (или о чем-то подобном) знает. И что уж точно -- совсем не удивлен.

.....

Тем не менее Панкеев решил так просто не сдаваться. Первым делом он нашел телефон брата Дмитрия Галанина - Аркадия, и позвонил ему в Америку, постаравшись поподробнее (насколько это было возможно сделать по телефону) изложить ситуацию.

--Что он этим хотел?--смутил Панкеева неуместный, как он посчитал, вопрос Аркадия.

-- Наверное спасти вашего брата,--предположил Панкеев, на что Аркадий рассмеялся, и сказал, что опасности у того нет никакой, а если что - пусть выезжает в Америку, он, Аркадий Галанин, всегда брата ждет.

Таким образом, пока брат отпал. Требовалось найти какого другого защитника, да тут уже позвонил ему сам Дожавью, предупредив, чтобы информацию Панкеев пока попридержал. Мол, есть еще ряд моментов, которые необходимо выяснить.

Вот тут-то как раз Панкеев и понял, что ситуация серьезная.

Однако сделать он ничего не мог. Но и даже если предположить что перед ним проскакивали несколько подходящих вариантов, то он не выбрал их, потому как посчитал, что действительно необходимо время, за которое все станет некоторым образом ан свои места.

-- Устаканиться, в общем,--улыбнулся сам себе Василий Панкеев, решив действительно переждать.

.....

Какие-либо сомнения Панкеева развеял Дмитрий Галанин, который не только каким-то образом знал о приезде мистера Дожавью (выдававшего сейчас за Цибермана), но и якобы возможной гибели уже самого себя.

К подобным предупреждениям Дмитрий относился скептически, да и по сути - всегда к чему-то подобному был готов. Может потому и работал он как бы на износ. Совсем не ожидая, что удастся ему прожить достаточно долгую жизнь. И действительно ожидая, что все может произойти в любой момент.

.....

Так получилось, что Галанин почувствовал, что он должен на какое-то время отдалиться от знакомых и вообще от любого общения. В том и было, по его мнению, коварство судьбы, что он буквально разрывался между двумя полярными категориями собственной психики. Когда с одной стороны чувствовал необходимость в общении, и всяческим образом стремился к нему (выговариваясь и находя в этом свою отдушину), а с другой стороны - чувствовал необходимость в одиночестве. Справедливо полагая, что для того, чтобы разобраться в том, что происходит необходимо в большей, чем обычно, степени остаться наедине; потому как явно уже получалось что в этом была необходимость.

Да и,-- не всегда подобное в последнее время Дмитрию и удавалось.

Но тут причина заключалась скорее в нем. По крайней мере Галанин отдавал отчет, почему происходит так. И всячески стремился подобное исправить. Да вот вынужден он был учитывать и реалии жизни. Которые словно бы говорили о том, что необходимо ему еще и общаться с людьми. За общением стояло понимание (лучшее понимание) жизни. И как бы уже жизненный опыт Галанина говорил о том, что чем больше общался он, тем как бы и более находил что-то в каждом из тех, с кем общался; чтобы после представлять это на страницах произведений. Ведь Дмитрий писал книгу. Книгу о жизни, и пока книга эта не имела даже названия. Да и жанр ее был достаточно размыт. Причем тут тоже можно было трактовать двояко: или художественное произведение на документальной основе, или же научное - с долей художественного вымысла.

Однако Дмитрий Галанин уже находился в том возрасте, когда жизнь расставляла все сама. И получалось так, что иной раз у него выходило, что дни проходили в работе над рукописью (и тогда волей-неволей он должен был находиться дома, не отвлекаться на внешние факторы - окружающую жизнь, например), а иногда словно бы и независимо от него обстоятельства складывались таким образом, что он все время проводил в общении. Причем после этого уже в зависимости от обстоятельств или садился после всего за рукопись, или же ему вполне хватало впечатлений полученных за день.

И получалось, что и то и другое было оправданно, необходимо, да и вообще - ему было этого достаточно.

Часть 9

Глава 1

Так получалось, что Галанин понимал, что ему не так-то много осталось жизнь.

Причем выходило так, что первые предчувствия чего-то подобного начали подступать к нему достаточно давно.

Тогда, когда его возраст попросту не давал оснований ему поверить во что-то подобное.

Но память сохранила подобные откровения, проступающие как будто из глубины души. И вот теперь, когда ему уже как год исполнилось сорок, он понимал что, собственно, осталось-то и недолго. 42-43-45,--это был тот критический рубеж, который он уже совсем не ожидал преодолеть.

При этом отчего-то верил, что если все же преодолеет - то тогда уже ждет его жизнь долгая, под 80, а то и 90 лет.

Хотя, в большинстве случаев, он о подобном не загадывал, словно понимая, что судьба ему отводит будто бы и все - сейчас. Явно компенсируя то, что недодаст вследствие смерти.

О чем-то подобном Дмитрий предпочитал если с кем и разговаривать, то явно было трудно судить, чем он руководствовался при этом. Можно было только предположить, что, судя по всему, Галанин никогда ничего не делал просто так. Вся его жизнь являла собой цепь многоходовых комбинаций. А потому как бы получалось, что, учитывая то, что в его поступках всегда одно вытекает из другого (такой порядок он когда-то установил, и с тех пор ему следовал), то и эти слова или намеки на возможное досрочное окончание жизни были ему также необходимы. Хотя и стоило обратить внимание еще на одну достаточно характерную особенность Галанина. Если он считал, что кому-то проговорил больше чем следует, он рвал всяческие отношения с таким человеком. Причем делал это иной раз столь поспешно и неожиданно, что, бывало, и сам чуть не забывал (намереваясь позвонить или встретиться), что с этим человеком он больше не общается. Почему?

--Прихоть, большей частью,-- думал кто-то.

А Дмитрий всегда привык полагаться на собственную интуицию. И знал, что даже если он что-то пока не может объяснить но чувствует что должен сделать так - ему лучше было так делать. В итоге все равно оказывалось это верным решением. И пару-тройку (скорее - десяток) раз проверив подобное, Дмитрий Галанин с тех пор уже подчинялся подобному ритму жизни. Не считая необходимым каждый

раз испытывать судьбу. И словно бы понимая, что именно так ему поступать и необходимо.

.....

Несмотря на многие трудности, свалившиеся на него, Дмитрий Израилевич Галанин (условимся уж до конца, что будем так звать нашего героя; по крайней мере такое имя одобрил он сам) верил, что он не только успеет под конец жизни понять многое, что не понимал ранее, но и в этой истине не найдет он такого уж ничего нового. Лишь может быть угадает, что и раньше подбирался к чему-то подобному. Но по какой-то причине сбивался в сторону. Потому как "много званных, да мало избранных".

А отсюда как бы и вполне логично, что если первым шагом было уподобление его мыслей шедших в нужном направлении, то уже как бы далее - должно было наступить понимание. Когда действительно окажется что наступит то время, когда все в его голове должным образом срастется. И он сможет убедиться, что и действительно около подобного ходил ранее вокруг да около. Не смея приблизиться-подойти, и рассчитывая, что когда-нибудь окажется так, что он действительно в полной мере приблизился к подобному пониманию. Ведь уже так получается, что даже несмотря на все вышеизложенное, продолжала периодически появляться в его душе червоточинка сомнений. Когда оказывалось так, что он вроде как и действительно был способен что-либо понять. Но словно бы находилось нечто, что это-то как раз понять мешало. Да он и сам вдруг оказывался неспособен; а мысль его всего лишь на миг уходила в сторону. Но и этого мига как будто было достаточно, чтобы убедиться ему в том, что на какое-то время цель вновь отдалилась от него. А чтобы наверстать ее - ему приходится затрачивать если и не больше усилий (подобные усилия Дмитрий никогда не считал), то, что уж точно - усилия новые.

Причем необъявленный кпд казался как будто все время завышен. И даже получалось так, что, сколько он не пытался убедиться во всем этом и обратном, все равно выходило что-

то иное. Когда как будто было (или казалось?) все совсем даже не так. Ну а если сам Галанин и продолжал стремиться к чему-то, то уже как бы получалось, что не к тому, к чему следовало. А то и казалось ему, что это дорога в пустоту. Еще не в пропасть, но уже в пустоту. Откуда было, по сути, не так-то и легко выбраться. А если разобраться - иной раз, казалось, что и вовсе невозможно.

Глава 2

Уже так получалось, что я нисколько не опасался,-- писал когда-то Галанин,-- что мое видение жизненной ситуации несколько или заметно отличалось от того, что существовало на самом деле. И даже если предположить, что какой-либо жизненный период я еще пребывал в сомнениях, то это, в контексте всего вышеизложенного, можно считать скорее некоторой маской, одеваемой нами, когда находимся мы в выдуманном нами мире.

И если предположить что это так, то уже как бы совсем неправдой должно оказаться то, что я мыслил на тот момент. А еще более - что говорил.

Потому как уже точно, что говорил я намного больше того, что, быть может, и не было никогда на самом деле. Просто видимо мне требовалось ввести некоторые вводные в жизнь. И зачастую лишь для того, чтобы кто-либо из тогдашних знакомых оказался в ситуации, когда могли проявиться в нем какие черты. Чтобы уже я - словно бы оценил их (и его) с позиции его нового положения.

Зачем мне это было нужно, и так ли уж действительно необходимо, я, пожалуй, до сих пор затрудняюсь сказать. Сейчас - потому как уже забыл все то, о чем думал на тот момент времени. А тогда - тогда мне видимо попросту необходимо было проделывать все эти эксперименты, потому как не мог я уже существовать без них, нужны они мне были, хотя и сейчас сомневаюсь, что так ли уж нужны, и не мог ли я действительно обойтись без них.

Почему-то кажется, что не мог. Видимо все дело обстоит так, что на тот момент я все же больше чем теперь находился в какой-то ситуации.

И даже так получалось, что считал необходимым, чтобы все это было так; как раз так а не иначе. Хотя, что делал бы я, если бы было иначе - сейчас уже затрудняюсь ответить. Быть может и ничего бы не произошло. А может бы вышло так, что попросту я бы стал несколько другим человеком.

Впрочем, можно так же говорить о том, что все то, что произошло со мной когда-то, находилось все также, как и сейчас, в введении моих сознания да подсознания.

И уже как бы получалось, что не могу, да и не имею такого уж полного права судить я сейчас о том, что было. Тогда как то, что было - видимо все же носило характер некоей запутанной ситуации. Или же наоборот - тогда ситуация была мне понятна, а только сейчас отчего-то считается запутанной.

Да и так ли все это на самом деле? Вполне может быть, что и не так. Да и видимо запутанности во всем этом как-то много больше, чем какой истины. Хотя бы потому, что истина... Ну, истина она ведь и на самом деле всегда истина. И если что-то будет когда-то идти не по тому распорядку, которым распоряжается природа, то уже может случиться и такое, что все это станет неподвластно моему дальнейшему пониманию (и прежде всего пониманию моего разума). Хотя и с другой стороны - как будто и не может быть что-то обратное. Ибо обратное - есть ничто иное, как тоже самое, но прочитанное у жизни нашим сознанием наоборот.

И я это понимал как никогда.

И был уверен, что если это и не так, то тогда уже попросту должно быть так. Так, а не иначе.

.....

Галанин периодически начинал и заканчивал свои записи. Когда-то я писал, что вел он их не регулярно, иной раз мог начинать не только от первого лица, но и как бы от третьего. И словно рассуждая таким образом с самим собой, Дмитрий

тем не менее чувствовал, что многое в его жизни запутывалось самым удивительным образом. И в то же время то, что ранее являло собой неразрешимую загадку - словно бы и наоборот - превращалось в нечто понятное да осязаемое. И уже трудно было сказать, что да как могло быть на самом деле. Притом что если что и могло, то это уже как будто не представляло собой чего-то такого уж понятного, что было бы ясно всем без исключения. Хотя Дмитрий и был готов к какой-либо корректировке собственных размышлений. Причем становилось возможным это не от его какой-то неуверенности, а исключительно из-за лояльности к себе и к другим. И, наверное, также оттого, что ценил он в первую очередь истину. И только в случае крайних сомнений рождались у него какие-то признаки неуверенности.

Но даже если им происходило такое, то в последующем убеждение в правоте возрастало неимоверно. И даже становилось ясно, что на какое-то время перед ним исчезали любые ошибки. А путь становился светлым и допустимо понятным.

Допустимо понятным означало всего лишь то, что он по-прежнему был готов - если на то возникнут основательные причины - к корректировке всего курса собственных измышлений. И даже если становилось возможным подобное, то означало это действительно многое, но не все.

Ко всему Дмитрий был все-таки не готов.

Глава 3

Игорь Васильевич Суворов отчего-то искренне верил только в себя и себе.

Быть может потому он считал не нужным встречаться с кем бы то ни было, если подобный человек не входил в список его контактов; да и вообще, так получалось, можно было ему говорить о чем угодно, да вот знал прекрасно он, что расходилось это все с реальными делами его. Отчего как бы получалось, что совсем напрасно он пытается разгадать того или иного человека. Ибо, большей частью, этот человек готов обо всем рассказать сам.

Думал ли когда Суворов, что внезапно встретит человека, с которым перестал общаться (как бы без причины и обоюдно; просто разлучила жизнь) почти два десятка лет назад. И стоило им встретиться, как оказалось, что никто не держит друг на друга никакой вины. И даже больше,-- выходило даже так, что все эти годы они если и тесно не общались, то продолжали дружить. А эта встреча была у них что-то на вроде долгожданной. Ну, так выходило.

Когда Суворов и Галанин встретились, последний сделал необычное предложение Игорю Васильевичу. И хотя можем сказать, что Суворов от предложение отказался сразу, он тем не менее взял на раздумывание еще три дня. А уже по окончании этого срока познакомил Галанина с группой молодых людей, которые внешне походили на вполне приличных студентов, а внутри были совершенными экстремистами, монархистами, и просто вредителями,-- как пошутил Суворов.

Однако Галанину было не до шуток. Так вышло, что именно сейчас он понял, что вполне все может получиться так, как он и задумал. Группа парней во главе с ним переправляется через границу (по подложным или туристическим паспортам,-- это Галанин еще не решил). Далее - они соединяются там. И при помощи ряда бизнесменов и политиков-социалистов - получают вид на жительство. Причем, о какой стране велась речь, Галанин еще не решил. С одной стороны - он хотел продолжить дело Троцкого с его мировой революцией. А с другой - не уважая этого врага народа, попросту и не был в силах принять даже частицу плана того. А потому уже как бы выходило, что Галанин должен был полностью принять решение, касаемое использования группы по назначению. Причем первичное финансирование было (пропитание и прочее Галанин намеревался покрыть из личных средств). Другой вопрос, что хватило бы его в лучшем случае на неделю. А значит требовалось...

Перед глазами Галанина в который уже раз проплыло лицо Марка Дожавью. Периодически на заднем фоне маячил то Сакс, то подруга того - Сара. Причем Дмитрий мог

признаться, что видеть Сару ему было намного приятнее (быть может,--подумал он,--я еще рассчитываю когда-нибудь переспать с ней).

Но мистера Сакса без помощи Дожавью было трудно найти. Что же касается Дожавью, то каждый, кого бы Галанин мог заподозрить хоть в каких-то контактах с Дожавью - были самым подробнейшим образом опрошены и уже успели признаться, что не знают ни о чем. А чуть ли не половина (и такое количество несколько удручило Галанина), как оказалось, вообще не слышали о Дожавью с момента его последнего исчезновения. Причем Галанин чуть не подрался с одним горячим молодым человеком, который не только отчего-то утверждал, что мистер Марк Дожавью уехал на родину (при этом затрудняясь ответить на вопрос, где же родина того), но и намекал, что как раз уехал он из-за таких как Галанин (раз Галанин все же не удержался, чтобы съездить великовозрастному придурку по морде, добавив ему еще и пару ударов по корпусу - удар пришелся в солнечное сплетение и в печень).

После этого был достигнут определенный консенсус. Который и соблюдался вплоть до отправления группы.

Но самое любопытное, пожалуй, могло заключаться в том, что Галанин почувствовал в Суворове более чем родственную душу. И даже если предположить, что они на самом деле отличались друг от друга, то все равно - при взгляде как бы со стороны - оказывалось, что эти два человека весьма между собой схожи. И когда подобная мысль пришла Галанину чуть ли не в десятый раз - он озвучил Суворову еще одно свое предложение.

Суть могла свестись к нескольким словам и чуть ли не одному действию. Нашедшие друг друга друзья должны были обменяться паспортами. Причем все должно быть настолько по настоящему, что с момента подобного обмена Суворов, который Суворов, должен был впредь (до особого распоряжения) именоваться Галаниным, и наоборот.

Насколько подобная акция была оправданна, исходило из того, что вкладывал в это сам Галанин. А он собирался не больше не меньше - свершить революцию на западе. Причем,

не выбирая отдельной страны, и не замахиваясь на подобные масштабы, а всего лишь как будто выполнив тот план, который когда-то предлагал ему Дожавью (о свершении бескровной революции посредством организации общины на территории Канады, в одном из имений Дожавью или Сакса - сейчас Галанин запомнил, кто являлся хозяином участка).

Но факт оставался фактом. Причем и раньше Галанин бесповоротно не отверг подобное предложение Дожавью. Ему лишь потребовалось время, дабы созреть для такого действия. И сейчас наступило это самое время. О чем Дмитрий Галанин последовательно сообщил Марку Дожавью (Циберману; впрочем, Циберман на радостях вновь стал Дожавью, намереваясь тут же выехать за рубеж), брату Аркадию, мистеру Саксу, Саре, и еще ряду доверенных лиц, которые должны были помочь ему в реализации столь отчаянного, по мнению подсознания Галанина-младшего, плана.

Стоило признать, что не все одобрили подобную затею. Тот же мистер Сакс попытался настаивать, что время для этого ушло (он ждал прихода к власти в Соединенных Штатах демократов, полагая, что при них подобное будет совершить несколько легче, чем при республиканцах; к слову сказать подобное наивное заявление тот час же отверг Дожавью, утверждавший что, что те, что другие - суть одно. И необходимо реализовывать план не обращая внимание на псевдоразличие американского парламента). А доверенное лицо Марка Дожавью (которое после этого доверенным лицом быть перестало) некто Сикорский (бывших польский диссидент, и, по сути, враг народа) даже предположил, что затея с революционным преобразованием в Америке обречена на провал, и что найдутся те, кто сообщит о такой затее властям. (Охранники Сакса с трудом удержали Галанина, намеревавшегося нанести еще пару ударов Сикорскому, вдогонку первому, пришедшемуся в лошадиные зубы того.)

В общем, еще через время попыток споров и взаимных обвинений, стороны пришли к соглашению. Галанин со товарищами действительно перейдет границу (остановились

на том, что делать это надо было законно). После чего при поддержке заинтересованных лиц через определенное время получит американское гражданство. И самое главное - создаст коммуну, которую и возглавит. Причем Сара, поправив свои необъятные груди и улыбнувшись, предположила, что в самое ближайшее время комунна расширится до невероятных размеров. И что все будет не только хорошо, но и в соответствии с выдвинутыми сейчас предположениями об успехе операции.

Глава 4

Дмитрий Галанин с полным правом мог удивляться себе. Но что было верно - подобное в его поведении просматривалось и раньше. Ведь не сказать, что он так-то уж никогда не совершал поступков, которыми гордился бы сам, и которыми могли бы гордиться другие.

Так выходило, что всю жизнь Дмитрий Галанин фактически выполнял единый план, выстраивая отношения с жизнью в соответствии с тем мировоззрением, которое формировалось к нему в течении жизни. Притом что периодически он корректировал курс. Вводя новые данные, обрабатывая их, и стремясь к достижению положительного результата во всем, кто касалось отношения с жизнью.

Нравилась ли ему жизнь? Нравилась. Хотя и можно было признаться, что он здорово устал. И если бы не его убеждение (убеждение появившееся когда-то, и вошедшее в тех пор в его плоть и кровь) что закончит он жизнь где-то на отрезке между 42 и 45-47 годами, быть может и не так отчаянно он бы воспринимал жизнь и свое поведение в ней.

Притом что иной раз можно было действительно предположить, что делал он нечто слишком поспешно. Тогда как не было на самом деле в его действиях чего-то поспешного; а если и казалось кому-то, то этот кто-то попросту не замечал просчитанности в действиях Дмитрия. Который давно уже полагался на свою интуицию в делах, в которых требовалось что-то сделать достаточно быстро, словно исключив время на раздумья.

Но раздумья были. Они просто проходили в другом измерении. И быть может оттого казались какому поверхностному взгляду как бы не настоящими а то и не существующими. Но ведь ошибались те, кто так думал да считал. Ошибались, и позже признавали свою вину-ошибку. А Дмитрий со временем научился не отвлекаться на подобные ребусы судьбы. Предпочитая оставлять разгадывание их совсем уж не посвященным людям. Потому как те, кто знали его жизнь - все понимали и так. А если в чем-то и пребывали в временном заблуждении, так это было действительно только временно, и как бы не по настоящему. И чем больше общались они с Галаниным, тем больше понимали свою истину.

Которая через какое-то время начинала сливаться с их мировоззрением.

И тогда уже становилось все на свои места.

И казалось оправданным да необходимым.

.....
.....

Случалось так, что наступали для Саши Румичева часы длительных размышлений. Когда он улетал далеко. И где (в месте назначения) чувствовал себя намного уютней (и было все для него привлекательнее) чем это было здесь и сейчас. Чем это было в том мире, который ему даже не то что так уж нравился, но он мог сказать, что вполне адаптировался в нем.

Но вот даже при этом, когда он почувствовал что есть иной мир - стал стремиться туда.

Совсем нельзя сказать, что Румичев был исключительный мечтатель. Близкие (друзья да родственники) даже находили в нем весьма крепко сделанную натуру. Несколько упрямую, и вообще, если разобраться, то скорее принадлежащую к миру материализма, нежели склонных к какому абстракционизму да прочим идеям всепоглощения мира больше потустороннего над миром реальным.

Но вот только Румичев знал, что эти люди ошибались. И в душе-то он был как раз другой. Он только внешне вынужден был играть роль немногословного да немного сурового мужчины 34 лет; тогда как в душе...

В душе Саше Румичеву хотелось праздника. Он мечтал, что наступит тот день, когда он сможет послать все и всех, напиться вусмерть, например, да кутить в течении хотя бы недели напропалую. И даже может быть так-то уж не фиксировать, сколько прошло дней. И даже вообще, хоть на какое-то время отдалиться от реальности. Ну, или вернее, оказаться в реальности, но уже иной. Какой-то быть может своей. Чтобы не перед кем не отчитываться. И чтобы чувствовать себя совсем даже по-другому. Что точно - не так как сейчас.

Означало ли это, что сейчас Румичев чувствовал себя как-то не так? Наверное, нет. Как раз сейчас все вроде как было у него в порядке. И он даже искренне радовался поступлению в проектный институт (по образованию Румичев был инженер-строитель), что означало некоторое повышение его жизненного статуса. И равнялось значительному увеличению коэффициента полезного действия, в сравнении с демонстрируемым им ранее.

Примерно в это же время Румичев познакомился с Суворовым. Вернее, тот познакомился с ним сам. Когда-то Саша Румичев был одноклассником Ольги, бывшей возлюбленной Панкеева, которую тот бросил по ряду причин, но большей частью набравшись смелости и ради того, чтобы просто доказать себе, что он это сможет сделать.

В момент общения с Панкеевым Ольга познакомила Румичева с мужем. С тех пор они мало общались, да и первое и единственное знакомство двух мужчин получилось какое-то скованное; но вышло так, что когда они встретились вновь (после того, как между Ольгой и Панкеевым давно было все кончено), то испытали некую удивительную то ли схожесть, то ли попросту легкость в общении (что вполне может являться признаками, в том числе, и схожести). И стали общаться.

Ну а далее уже Румичев (через Панкеева) познакомился с Дмитрием Галаниным и Суворовым.

Таким образом, набиралась команда для комунны.

Стоило сказать, что первоначальную идею комунну, одно время было отклоненную, Галанин, тем не менее, не только активировал в своем сознании, но и так получилось, что внушил себе, что это ему жизненно необходимо и важно. Очень важно.

И вот дождавшись момента, когда он уже не мог жить без комунны, Галанин вполне осознанно (заметим, мог он что-либо делать и неосознанно) погрузился в дело, которое вдруг стал считать чуть ли не делом всей жизни.

Ну а для дела всей жизни необходимо было, как минимум, подобрать соответствующий штат-команду корабля.

В итоге, словно неожиданно стали всплывать в памяти те его знакомые, с которыми, как оказалось, он и не поддерживал отношения, но сейчас вдруг убедился, что все они ему нужны. Да и те каким-то чудодейственным образом стали вдруг оказываться в зоне видимости его, то самолично, то через друзей и других знакомых, появлялись и задерживаясь перед Галаниным ровно настолько, чтобы Дмитрий: 1) осознал, что они ему нужны; 2) всеми силами стремился удержать их подле себя, пускаясь иной раз на разные ухищрения (чаще всего неосознанные и на самом деле правдивые), дабы только они оставались рядом.

Естественно, после приложения стольких усилий просто не могло так случиться, чтобы у него ничего не получилось. И уже оказалось, что Дмитрий Галанин собирает вокруг себя весьма значимую команду единомышленников. Причем даже можно было предположить, что кое что он еще оставлял про запас. Намереваясь в случае если на каком-то этапе у кого из единомышленников появятся сомнения в успехе эксперимента (ученые мозги Галанина называли подобное дело исключительно экспериментом, даже не считаясь с тем, что все было настолько реально, что не получится попросту не могло), то в этом случае он и предъявит это нечто. И уже получится, что все вновь станет на свою колею. И совсем

необязательно будет рвать отношения с возможными предателями (Галанин умел как дружить, так и ненавидеть).

Глава 5

Среди тех, кто оказался в комунне, оказалось 15 человек. Семь - Зарубин, Завгаев, Суворов, Панкеев, Неелов, Румичев и Воронов - были как бы проверенны. Еще 8 - пока оставались загадкой. Да они были результатом "вложения" со стороны кураторов проекта - мистера Сакса и мистера Дожавью. И судя по первому впечатлению Галанина - подходили ему.

Однако Галанин чувствовал, что не все так просто.

Прежде всего он на самом деле был уверен только в себе. Другие, как он знал, могут предать при случае, а потому уже как бы получалось, попросту не мог окончательно положиться на них.

Но тем не менее он со всеми выехал за рубеж. И уже как несколько недель участвовал в построении комунны на территории Канады. Точнее, место на самом деле было засекречено. Ходили слухи о трех вероятных местах назначения комунны Галанина (он как бы был во главе,-- это было по условиям негласного контракта между Галаниным и двумя олигархами, как называл Галанин Дожавью и Сакса, зная, впрочем, что пока олигархами те не являются; хотя и стремятся к росту собственного капитала).

Так же Дмитрий понимал, что комунна была для этих двух субъектов чем-то на вроде игры. Ну, или же реализации тайного плана, в суть которого Галанин пообещал себе непременно вникнуть. Хотя и пока не знал, так ли уж ему было необходимо. Вернее, если оценивать ситуацию с позиции себя прошлого, то Галанин непременно должен был вникнуть во все, что более-менее появлялось перед ним. Если же равняться на себя настоящего (и главным образом на те изменения, которые по его мнению происходили с ним), то делать это вроде как было и необязательно.

Причем достаточно трудно было ему пока понять собственные цели и задачи. Он, конечно, ставил перед собой какие-то цели. Да это случалось сплошь и рядом, то есть

всегда в течении его жизни. И как бы получалось, что он к подобному не только привык, но и словно бы научился нисколько не обращать на подобное внимание. Что было, в общем-то, правда, хотя и с рядом некоторых оговорок. Ну, например, Дмитрий Галанин пока не понимал истинной цели того, ради чего, собственно, комунна должна быть создана. Нет, конечно, он мог сказать, что затевался некий эксперимент. Суть которого сводилось к тому, чтобы на территории сугубо капиталистического государства появлялся островок социализма.

Но ведь Дмитрий и понимал, что социализм в полном объеме построен быть не может, потому как прежде всего он знал, что на данном этапе проект исключительно поддерживался (финансировался, другими словами) со стороны двух капиталистов - негра Сакса и еврея Цибермана (Дожавью).

И уже хотелось Дмитрию прежде всего разобраться в том, ради чего уже те затевали это. Ведь во всех поступках адекватного индивида должен был присутствовать какой смысл. И если оказывалось, что смысл Сакса и Дожавью носил на самом деле несколько иной оттенок, чем это представлялось раннее Галанину, и о чем явно намекал его брат, Аркадий. Аркадий, кстати, тоже вначале соизъявил желание участвовать в проекте. Но позже взял некоторую отсрочку. И уже оказывалось что он, может быть, и знал то нечто, о чем только догадывался Дмитрий. Но могло так случиться, что и не знал,-- предположил Дмитрий Галанин.-- И тогда получалось, что в действиях Аркадия присутствовал некий смысл, понять который Дмитрий пока не мог. Причем, если бы пытался разобраться в этом - то оказывалось бы, что он уходит в сторону от действительно необходимых ему на тот момент (жизненный период) размышлений. И уже если так, то могло и не получиться никак.

.....

И ведь сложно было сказать, чего добивался сам Галанин от своих действий.

Можно было предположить, что он стремился к созданию идеального общества? И рассматривал комунну как модель? Может быть... Но тогда следовало и признать, что это прежде всего была бы модель утопического общества. Ибо прав он был, что не создается ни модель, ни общество в таком ключе. Не создается...

.....

Дмитрия мучили сомнения по поводу предстоящих действий. С одной стороны (как и обычно, начиная что-то подобное) он был преисполнен решимости довести начатое до конца. С другой - слишком непредсказуем был результат. Ну, то есть, наверное, наоборот - результат как раз был слишком предсказуем. Мужчины среднего возраста собираются с целью создания модели идеального общества. Через какое-то время им потребуются женщины. Потом все может свестись или к разврату, или же будут попытки создания семей. И о какой-то борьбе (а именно она, -- предполагал Галанин, -- намечалась в перспективе неозвученного плана со стороны Дожавью и его помощника) уже не могло идти и речи. Или что вернее - план должен быть скорректирован. Причем таким образом, что должен будет походить на одно: макет идеального общества (если рассматривать социализм, -- предположил Галанин, -- как общество идеальное).

То есть другими словами, будет создан некий виртуальный мир, в котором искусственного будет больше, чем настоящего. Да и все будет существовать лишь до тех пор, пока выделяет деньги Циберман и Сакс.

В случае же каких разногласий с ними - все полетит в тартарары. И получится... Ну, в том плане, что все возвратится на круги своя.

--Ну, тогда ни я, ни кто другой, как будто и ничего не теряем, -- предположил Галанин.

--Верно, -- усмехнулся Панкеев. -- Это можно будет рассматривать как турпоездку на длительное время.

--Своего рода экскурсию, -- добивал Воронов.

В общем, на общем собрании (на совместном перекуре, если точнее) попытка Галанина подвергнуть критическому осмыслению намечаемое детище не состоялась. И он и другие были согласны (и готовы к этому) что от них ничего не убудет, а результат может быть достигнут неплохой.

.....

Несмотря на кажущий позитив и намечаемое единство мыслей и действий (заметим, к этому в какой-то мере стремился каждый из друзей Галанина, но не у каждого получалось) Дмитрий чувствовал некоторую неопределенность в своих отношениях с жизнью.

Причем уже хотелось ему заключить, что мало что у него получалось. И при этом что-то все равно удерживало его от окончательного решения распрощаться с видением того, что происходило с ним. Хотя бы потому, что чувствовал Дмитрий во всем какую-то неопределенную силу, помноженную на стремление добиться окончательной победы.

Стоило заметить, что всегда все поступки Дмитрия Галанина оказывались, в итоге, подчинены единой победе. И даже если подумать о том, что не всегда такая победа достигалась, время, отводящееся на приближение ее как бы снижало горечь возможного поражения. И такое поражение уже как бы закладывалось в результат ожидаемой (предстоящей) работы. Притом что как будто совсем нельзя было говорить, что он не был готов и к победе. Нет, победа, именно победа, победа, быть может, любой ценой, была тем ожидаемым, что должно было сопровождать Галанина на протяжении путей приближения. Ведь он и действительно разрабатывал различные варианты удачного сопровождения сделок с собственной жизнью. Отчего жизнь эта могла выйти весьма с позитивным началом и завершением ее.

.....

Когда Дмитрий оказался за границей, да еще в роли вождя некой виртуальной организации, ставящей целью создание

модели социализма на вражеской территории, он почувствовал какое-то особое успокоение, которого, как оказалось, был лишен раньше.

И даже если смотреть на ситуацию с различных сторон, даже с совсем уж виртуальной стороны чего-то мало существующего и фактически нереального, Дмитрий все равно испытывал особое чувство удовлетворения. После чего для него действительно вдруг открылось весьма многое, если не все. Но чтобы это стало "всем", понимал он, ему потребуется еще достаточно много работать над этим. Работать над стремлением добиться запланированного подсознанием результата. Притом что словно бы намеренно - всякий раз при приближении к окончанию - результат этот сам сдвигался. Потому как уточнялись цели за счет вносимых жизнью корректив. И на каком-то этапе уже достаточно сложно было надеяться на то, что все закончится как бы разом. Притом что ничто, казалось, не было предрасположено к окончательной победе-стремлению к успеху и разрешению всего того, что накопилось к тому времени в его изможденной душе. Ведь это он сейчас почувствовал, что и на самом деле за все это время весьма устал. Причем, то ли сказывался возраст (Дмитрию скоро должно было исполниться 45), то ли попросту изменилось общение видение ситуации за счет изменения мозгов (любая мыслительная деятельность, знал Галанин, ведет к повышению умственных способностей), а может закрадывалась еще какая, могущая оказаться вообще самой главной, причина, но выходило уже так, что Дмитрий Израилевич Галанин почувствовал, что мир вокруг стал иным. Стал намного как бы ближе к нему. Ближе к тому пониманию действительности, к которому фактически Галанин все время стремился если и не явно (то есть, мало кому говоря о том), то что уж точно - стремился бессознательно. Замечая многое, и еще большее как бы откладывалось в его подсознании; чтобы в нужное время заключить союз с подобранными за это время мыслями, и выйдя из тени - добиться своего (и так необходимого) результата.

Хотелось бы заметить (Дмитрий о том говорил не раз и себе, и, иной раз, другим), что попросту выходило так, что как раз в эти времена начал испытывать Дмитрий какое-то особое состояние, которое по иным раскладам могло напоминать нечто сродни сверхъестественному да не настоящему; а если подойти к анализу его с другой плоскости - так и как бы наоборот - желанному да необходимому.

Становилось возможным подобное по ряду причин, из которых явно выделялись две.

Первое - это у Галанина с момента последних лет описания его жизни заметно изменилось мировоззрение. То есть если раньше в нем только намечались ростки чего-то явного, понятного, да необходимого - то сейчас все вдруг выкристаллизовалось самым подходящим и быть может даже удивительным образом. Причем уже оказывалось, что совсем не значит было, что Галанин должен был стать (или разом стал) совсем другим человеком. Как будто и нет. Какой сторонний наблюдатель, общавшийся с Галаниным эпизодически но постоянно видимо и вообще мало что смог бы заметить. Но вот те, кто все время находились с Дмитрием, а особенно те с кем он когда-то общался, а после по каким-то причинам не виделись на протяжении определенного времени, явно заметили перемену происходящую в нем. И даже так случилось, что поначалу намеревавшийся было подобное скрыть, Галанин признался себе, что ему нравится подобное внимание-удивление со стороны окружающих. И если предположить, при этом что он фактически к чему-то подобному стремился на протяжении жизни (отрезка сознательной жизни), то следовало заключить о как минимум результативности подобного жизненного подхода. Причем даже можно было сказать, что все в его жизни должным образом вдруг структурировалось и стало объясняться. И даже если задуматься над всем этим...

Впрочем, пока Галанин предпочитал задуматься поменьше. Он словно боялся упустить такое свое состояние, и было это, наверное, оправданно.

И ведь не сказать, чтобы Дмитрию Галанину было так-то уж все понятно в жизни.

И тем не менее он уверенно изображал из себя всезнающего человека. Да и сейчас у него уже как бы и не было пути назад. Потому что так выходило, что за ним стояли люди. Он был ответственен перед ними. Они поверили в него. И просто так предать их Галанин не мог. Да и, собственно, никого предать о вообще не был способен.

Часть 10

Глава 1

И вот получилось же в итоге у Галанина такое, что смотрели его знакомые и так и этак, да все не решались сделать окончательные выводы относительно всего.

И даже если предположить, что у кого-то из них все-таки сформировалось какое решение, то держали они это решение про себя, то есть - хранили молчание.

Когда вышло так, что Дмитрий Галанин осознал, что не в состоянии уже выносить те муки совести, которые нет-нет да заявляли о себе знать мучительно и беспощадно.

Что он мог им противопоставить? О какой-то немогущности говорить не хотелось. Да и какая-то победа могла быть достигнута в случае, если индивид, как знал Галанин, попросту становится на горло совести. И можно было признаться, что он, по сути, так и делал до тех самых пор, пока не понял всю порочность подобного пути.

И как только окончательно уверился он в этом, сразу же - на миг - стало все на свои места.

После чего муки совести (патологическое чувство вины) дало о себе знать. А если уже так, то Галанин знал, что нет у человека иного пути, как или совсем прекратить жизненный

путь, или влачить жалкое существование, или же в срочном порядке начать бороться.

Бороться в данном случае означало начать изменяться. Изменяться он мог только одним способом. Стать хотя бы на миг негодяем, да мерзавцем. Чтобы заглушить тем самым эти муки, ибо не замечает хам да мерзавец чего-то подобного, а как бы смиряется с этим. И в итоге вроде как и существует, а на самом деле, считал Дмитрий, совершает предательство.

Но с другой стороны,-- так же считал он,-- все зависит от того, как расставлены акценты. И если предположить, что такой человек найдет обоснование в совершении подобных поступков (поступков, заметим, исцеляющих его), то уже как бы получается, он совсем иначе воспримет жизнь. Да и она обернется к нему своим ясным взором.

А значит через время станет возможным подгадать момент, и признать все оправданно-необходимым.

.....

После многочисленных размышлений Дмитрий Галанин решил, что должен строить жизнь в том ключе, в каком продолжал доселе.

И по всему это оказывался не только верный путь, но и наиболее оправданный. Ведь стоило только подумать о том, что все могло пойти иначе - и подобное ввергло бы Дмитрия в еще большую депрессию. А именно депрессия, как понял Дмитрий, и была причиной его недавней хандры. Сейчас уже все прошло. Галанин стал больше бывать на свежем воздухе. Увеличил питание, добавил в рацион витамины. Вновь начал ходить в спортзал (когда-то он неплохо боксировал, был даже призером страны по молодежи).

И уже так получилось, что у Дмитрия Галанина все стало на свои места.

С чем его и поздравили сотоварищи по комунне, которые, было, уже загрузили, замечая непрекращающуюся грусть своего коллеги и лидера.

Глава 2

Больше всего, конечно, Дмитрию Галанину нравилось, что он наконец-то сумел почти окончательно погрузиться в свой внутренний мир.

Нет, он, конечно же, воспринимал (отдавая отчет) то, что происходило вокруг (как бы снаружи его мира. Но вот удача-то именно и состояла в том, что научился Дмитрий Израилевич не фокусироваться на внешнем мире, а словно и сосуществуя в нем - жить своей, отличной от того, чем жило большинство из остальных, жизнью.

И это ему нравилось. И он оказался способен абстрагироваться от окружающего мира. Позволяя гораздо больше, чем кто иной пребывать в своем мире. И при этом замечая что происходит вокруг - не казаться ни придурком, ни шизиком.

А потому,-- у него совсем не было заметно (да может и не было) какой патологии сознания. И скорее всего даже наоборот, все происходило настолько интересно, а он сам получал от этого такой заряд энергии, что Дмитрий не только способен был и дальше продолжать жить так, как теперь зажил, но и, по всей видимости, не мог представить, отчего он к этому не пришел раньше. Хотя, в общем-то, раньше он как раз к подобному подбирался. Как и вообще - шел к какому-либо успеху. Словно бы и не предполагая, что когда наступит этот успех. То есть, уже получается, заждавшись ждать.

А на самом деле, если провести даже попытку какого анализа (при том что Дмитрий такой анализ - самоанализ - проводил постоянно), то уже можно заметить, что бессознательно Галанин все время приближал его. Ведь необязательно, для того, чтобы что-то произошло, постоянно говорить об этом. Психика индивида устроена таким образом, как знал Дмитрия, что достаточно, чтобы это что-то - находилось (пребывало) в мозгах его.

И если разобраться, Дмитрий Галанин действительно сейчас перешел на несколько иной этап развития.

И он уже чувствовал только некоторую досаду на себя что упустил время.

Но с другой стороны,-- рассуждал он,-- всему свой черед. И если подобное не случилось раньше, то это означает лишь то, что как раз раньше он был к подобному не готов. Даже если мысли уже сформировались подобным образом, все равно, видимо, находилось нечто, что мешало ему окончательно подойти к завершению задуманного проекта. Да и проект-то - все-таки больше разрабатывался им в подсознании, в его бессознательном. Как будто получалось так, что всякий раз, когда он думал что достаточен последний шаг - находилось нечто, что этот шаг отдаляло. После чего он мог и вообще начать чуть ли не сначала. Ну, или считая так, все-таки попытаться достигнуть подобного другим способом. И даже если у него не получалось, уверяя и окружающих и, главное, себя да своего невидимого оппонента, что все на самом деле получится. Необходимо только продолжать работать в заданном ключе. Да стремиться - достигнуть всего.

Глава 3

Словно что-то заставляло Дмитрия возвращаться к своему прошлому.

Ведь так выходило, что уже прошло как будто достаточно времени и с момента создания комунны (которая в итоге распалась, а все члены ее - разъехались по разным городам и странам, и с тех пор нечасто и виделись), и вообще после того многого, что происходило в его жизни.

Да ведь и нельзя сказать, что он теперь от чего-то печалился, или считал, что так-то уж чего-либо не достиг. Конечно же нет. Самое главное заключалась в том, что Дмитрий Галанин всегда (во все времена) отдавал более чем трезвый отчет в том, что с ним происходит, кто повинен в том, что это происходит так, что можно сделать и почему он это делает или не делает.

То есть другими словами, мы совсем не можем сказать, что Дмитрий Галанин действительно не почувствовал в один какой-то момент удивительный подъем и оправданность своего существования. И уже можно предположить, что в

каких-то поступках его прошлого - в большей мере просматривалась игра да наигранность, нежели чем это было на самом деле. И если не сказать большее -- он вообще почти всегда (начало такого заметно было очень-очень давно) чувствовал свою силу да предстоящую победу. Вот только случалось так, что видимо с детства привык как бы оказываться немножко позади. Чтобы уже если не получалось у кого-то - решать подобную проблему самому. А уж если получалось - как бы заслуженно (как он считал) пользоваться всем подобным.

И мог бы кто-то сказать при этом (узнав об этом), что Дмитрий Галанин намеренно обманывал их да вводил в заблуждение. Но ведь и не было так на самом деле. И что уж точно - он всегда и каждому предоставлял шанс добиться справедливости. Словно бы попридерживая себя, и отпуская поводья лишь только тогда, когда уже действительно чувствовал, что это необходимо и - главное - допустимо.

А пока - в течении длительного времени двигался так. И даже считая, что станет когда-либо невозможно все это - тем не менее все равно - верил во что-то свое.

Причем вера эта действительно могла быть весьма и весьма различна.

И -- если не обращать внимание на подобную каверзность задаваемых ему самому вопросов -- получалось так, что Галанин попросту ждал чего-то своего. Ну, или (что вернее), это уже какой более-менее внимательный наблюдатель мог сказать, что Галанин чего-то ждал. А ведь на самом деле - Дмитрий Израилевич уже и это как бы заложил в программу и собственного восприятия действительности, и оценке себя - со стороны других.

И тогда уже можно было сказать, что не все на самом деле было так просто да понятно. А на самом деле - наверняка ведь - и просто, и понятно.

.....

Раскрываясь таким образом как минимум перед самим собой, Дмитрий Израилевич Галанин (которому недавно исполнилось 57 лет) вдруг слишком явно ощутил, что быть

может самый трудный отрезок жизни его пройден. И вот сейчас как раз должна начаться совсем (или несколько) другая жизнь. Причем в то, что она могла стать другой...

Ну, сам Галанин в это хоть и верил, но, тем не менее, вынужден был заметить он, что общество пока не совсем готово к чему-то подобному.

А потому уже как бы получалось, что должен был он продолжать стремиться к чему-то, но словно бы намеренно вводить и ложные цели. И лишь для того только, чтобы словно бы окончательно сбить какого не в меру ретивого наблюдателя с толку. Да и то, как бы уже получается, все делалось для того, чтобы отвлекаясь на ложную цель - он не замечал настоящую. И не замечая истинное мнение Галанина - словно бы отвлекался на нечто несуществующее. А в итоге все это должно было продлить и жизнь, и, главное, душевное здоровье Дмитрия Галанина.

После чего все должно было пойти самым надлежащим образом.

Самым надлежащим...

.....

И уже получалось даже так, что, оценивая свое прошлое, Галанин все меньше видел какие недоработки. Словно бы понимая, что тогда - именно так, как поступал он, и поступать было надо.

И лишь от того, что когда-то он слишком расстраивался из-за всего того, что сейчас признал совсем даже не существенным, иногда грустил он, понимая, что ведь можно было, когда это действительно происходило, сделать как-то иначе.

Но может иначе и действительно не получалось потому как было невозможно,-- успокаивал он себя. И это все видимо и действительно было правдой; так же как было и весьма оправданно - да все из-за того, что не мог бы он поступить, наверное, иначе ни теперь, ни тогда. Разве что способен был оставить все как есть. Да, с другой стороны, наверное все же и не мог. Попросту потому, что в душе его не было заложено

поражение. А вся жизнь его словно бы и подводила к единственной победе. К которой он фактически все время стремился. И которую все-таки достигал.

Глава 4

Не все, конечно, было так просто у Дмитрия Галанина. Например, когда прошло какое-то время после расставания с бывшими сотоварищами по коммуне, Дмитрия стал бороться с искушением отыскать их. Причем цель, которую он при этом преследовал, была весьма призрачна, и, по сути, не настоящая, что ли.

И ведь было не так как раньше, когда он одну цель (смысл жизни) держал для одних, тогда как нечто другое - был готов преподнести другим. Нет. С недавних пор (уже лет как 10, а то и все 15) он мог позволить себе стоять на тех позициях, которые были ему на самом деле необходимы. И словно бы не считаясь с другими, он, тем не менее, все обставлял (и ведь нельзя сказать, что бы какой умысел, скорей выходило бессознательно) таким образом, что как бы оказывалось, что другим и выхода нет никакого иного, как только принять все то, что предлагал до этого он. Причем как бы выходило уже так, что чем больше проходило время на их сомнения да раздумья (оказывавшиеся в итоге совершенно не нужными), тем больше получалось, что окружающие совершали как раз те поступки, которые, собственно, и должны были происходить в этот период времени (да и были, в итоге, необходимы Галанину).

И так от этого всего стало Дмитрию Израилевичу интересно, что он и действительно решил уже и впредь продолжать совершать все то, что, собственно, делать и было ему необходимо. Ну, например, вот захотел он сейчас отыскать потерянных когда-то товарищей, и словно бы почувствовав это, те стали отыскиваться самостоятельно.

И уже оказалось, что, взглянув на них другими глазами (с учетом прошедшего времени, а для кого и целой жизни), позволил себе Дмитрий Галанин составить некоторый реестрик того, что ему действительно требовалось, и было необходимо.

И получалось, что попросту не со всеми он смог наладить какой соответствующий контакт.

И получилось, что, отыскав практически всех (не смог найти только Завгаева и Воронова), он добрую часть своих недавних знакомых вновь потерял. И уже из тех, кто остались после всех пертурбаций, оказалось всего несколько человек. Но и с ними, как мы могли бы предположить, он стал поддерживать отношения не просто так (как бы не просто так, если действительно предположить нечто подобное). А все, видимо, ради какого-то своего эксперимента. Причем уже не приходилось сомневаться, что этот эксперимент был необходим в первую очередь ему. А уж после... (хотя и возможно, что никому кроме него это все было не нужно; но уже если нужно одному человеку, то вполне разумно, что потребуется через какой промежуток времени еще кому; и как бы далее по порядку.... Тем более, если и устанавливать такой порядок самостоятельно...)

В общем, выходило так, что из тех, кто остался после нового расставания - были: Зарубин Виктор Иванович, Панкеев Василий Петрович, Костя Неелов... (с Румичевым и Суворовым не срослось; все остальные тоже не подошли... в том числе и по причине того, что Галанин мало их знал.)

.....

Но ведь нельзя было сказать, что Дмитрий Галанин так-то уж был открыт со всеми.

Скорее всего, следовало говорить о том, что он когда-то давно еще привык играть в *свою игру*. И если поначалу это еще могло восприниматься навроде шутки, то постепенно, как говорится, вошло в плоть и кровь. И даже вышло так, что он уже и не мог (не хотел) иначе.

Причем получалось все действительно достаточно хорошо. Что требовалось при этом от Галанина другой вопрос. Приходилось ему, конечно, работать на пределе сил да возможностей. Но и с другой стороны, вроде как и никак

иначе ему уже не хотелось. А он мог... Он понял вдруг, что может в таком темпе работать еще долго. Ну, или не долго.

Но был как бы готов к подобному.

Как готов и к тому, что в любой момент его жизнь может прекратить свое существование.

Потому как работал он на износ.

И прежде всего на износ моральных сил.

Но пока Дмитрий еще позволял себе наращивать темп интеллектуального участия во всех ситуациях собственной жизни.

Причем, зачастую, как раз такие ситуации провоцируя.

Глава 5

Панкееву и нравилось и не нравилось все то, что происходило с Галаниным.

Можно даже предположить, что Василия Петрович чему-то искренне и противился. Но вот нашел слабину у него Дмитрий Галанин. Увидел он страсть Панкеева к женщинам. И не просто к женщинам - а к женщинам падшим. Ну, то есть, в представлении Панкеева они были падшими. И бессознательно опуская их до подобного статуса, у Василия Петровича рождалось желание удовлетворения страсти с ними. Тогда в последнее время (лет десять, наверное) намечился у Василия Петровича явный сбой в подобной сфере жизнедеятельности. И даже можно было предположить (Галанин так и предположил), что не имеет Василий Петрович должного контакта с дамами. То ли комплексует, то ли еще что,--решил Галанин, и решил помочь товарищу, наводящими вопросами вскоре разузнав, что же скрывается у того в мыслях. И тут же удовлетворил бессознательные сексуальные фантазии Панкеева, не просто познакомив его с рядом женщин необходимой Панкееву направленности, но и фактически уложил их в его постель. Ну а Василия Петровича собрался, было, тоже подготовить, да женщины сделали все сами. И получилось у Василия Петровича не только все, но и видимо даже несколько больше чем получалось (в том числе по степени доступности и реализации желаний) в его лучшие, молодые, годы. Хотя в

молодые годы как раз Панкеев был совершенный тормоз. И видимо речь могла идти о среднем возрасте. Когда стареющие женщины (почти всегда до последнего времени любила Панкеева такая категория женщин) не только сами проявляли инициативу дабы уложить Панкеева в постель, но и в самой постели фактически делали с ним все, что хотели. А потом бросали его (откровенно и безжалостно; причем даже может так было в меньшей степени, чем казалось Василию Петровичу), нанося тем самым душе страдальца серьезную травму. Которая после и вылилась в страхе близости вообще с кем-либо их женского пола. А к мужскому его никогда не тянуло. (Педерасты претили не столько его душевной возвышенности, сколько мечтам об изменении его забитой невзгодами личности.)

И в итоге оказалось так, что Василий Петрович вдруг почувствовал себя намного уютней, чем жил до этого чуть ли не всю жизнь. И даже оказалось, что он видимо как раз этого и хотел, о подобном мечтал, да и вообще, получается, как раз этого ему и недоставало.

Ну а что до Галанина, так он просто поставил еще одну галочку в свой необъятный архив происходящего вокруг него и с его участием (записи велись виртуальные; память у Дмитрия по-прежнему была неплохая; да и тренировать ее он продолжал). И это... Это, в общем-то, еще больше повысило его внутреннюю самооценку. И так уже вышло, что что-то еще больше сошлось в сознании его. Отчего Василий Панкеев стал ему несколько ближе. Как, впрочем, и все, кто участвовал в его негласных экспериментах...

.....

Виктор Иванович Зарубин все чаще в последнее время находился в весьма загадочном настроении. Те, кто знал его более-менее близко, сходились на мнении, что на Виктора Ивановича повлияло нахождение в коммуне. Причем, что касается комунны, то он-то как раз одним из первых заявил о ее фактической ненужности, назвав совместное нахождение всех в лагере ошибкой и пустым препровождением. Притом

что почти сразу после приезда все как-то быстро вошли в рабочий режим, и постоянно что-то делали. Хотя Зарубин мог быть прав в том (он, по крайней мере, так до сих пор убежден), что все, чем они там занимались, не было необходимостью. А чем было? (как язвительно прошипел Воронов в первый раз тогда услышавший высказывание Зарубина; к слову - позже уже на такие высказывания никто не обращал внимание) А было,--ответил ему Виктор Иванович,--самой что ни на есть необходимостью. Ибо,--пояснил он,--пустое времяпровождение есть намного хуже, нежели чем пусть самый не нужный, но труд. На что с ним не согласились не только Воронов, но и еще ряд лиц, решивших было даже побить Зарубина, да вмешался Галанин, пригрозив всех разогнать.

Впрочем, через время - постепенно (медленно, но верно) все стали и так разбежаться. И уже как бы получалось, что в чем-то оказывались правы все. И даже может быть так происходило, что так же и каждый (ну или чуть ли не каждый) был повинен в итоговом развале задуманного предприятия. А винить было некого (все виноваты, а винить некого,--любил одно время повторять Галанин, и вторили ему сначала Зарубин, а после и Панкеев; Неелов - третий оставшийся после развала с Галаниным - от каких-то комментариев до сиз пор воздерживался; можно было предположить, что он наблюдал. Но только за чем?).

Константин Неелов (заметно повзрослевший с момента нашей последней встречи с ним) действительно воздерживался от каких-либо комментариев в адрес кого-либо.

Могло бы показаться забавным, но в душе его иной раз закипело от кажущейся ему несправедливости (в отношении его или кого другого; себя и общество Неелов учился не разделять). Но вот внешне он сдерживался всегда. Являя собой пример этакого застенчивого молодого человека неопределенного возраста. Который не считал необходимым

вступать с кем-либо в спор, доказывая свою правоту. А потому был обычно вытесняем на задворки, и фактически затираем.

С мнением его не считались.

И может если и уважали за явную бесконфликтность, но в душе считали слабаком. Да так, должно быть, и было. И должно будет пройти действительно много времени, а жизнь должна будет слегка поломать этого человека, прежде чем обретет он так необходимую для выживания в современном мире (да и в любом мире-обществе) твердость и бескомпромиссность (последняя придет еще позже).

Но ведь и иного выхода у него не было. Общество как бы само учило его тому, что есть только два принципиально отличных пути-способа выживания. Или когда будешь подчиняться ты (до времени можно тешить себя не подчинением, но теоретически быть готовым к таковому), или же когда другие будут или подстраиваться под тебя, или же тебя обходить; причем не из-за презрения или из-за страха, а, уже получается, ради собственного же (их) блага.

Ну а перед тобой с тех пор жизнь откроется по-другому. Так же как ты сможешь добиться многого из того, что лишь только запланировал. Но до поры до времени откладывал, словно в надежде-ожидании лучших времен. Притом что времена, по сути, не сами наступают (во все времена - времена, в общем-то, схожи), а приближает их к себе человек. Причем словно бы подбирает уже в зависимости от устройства собственной психики. Ну, то есть, у одного может выходить заметно иначе, чем у другого.

.....

И вот получалось так, что чувствовал Дмитрий собственную неудовлетворенность.

Причем выходило весьма забавно, потому как наряду со всей той уверенностью, которая появилась у него в последнее время, он все равно - редко, но случалось - чувствовал, что что-то происходит не так. Что словно бы готовится нечто, что как будто бы и могло помешать ему, но

если разобраться - не только не мешало, но словно бы и вовсе происходило постольку-поскольку. Причем даже может выходило так, что он находил то нечто, что могло, по сути, придти в какое-то соприкосновение с правдой. И что как таковой правды он давно уже не замечал. И даже чувствовал, что что-то похожее наверняка должно быть. Ну или быть могло - если предположить, что к подобному подходил Галанин. То есть, все время приближался, но словно бы что-то мешало ему приблизиться окончательно. И тогда он как бы уже чувствовал, что еще чуть-чуть - и дойдет до цели. А цель - удалялась.

Она удалялась каждый раз, когда он приближался к ней.

И уже можно предположить, что совсем ничего как будто у него и не могло бы выйти. Да вот в том-то и дело, что предполагать так - была бы явная ошибка. Причем уже как бы получалось, что ошибка столь явная, что вряд ли в другое время он бы решился на подобное. А вот нет - взялся, и у него получилось. Ну, или должно было получиться. Он верил в это. А вера иной раз гораздо важнее даже реальных дел. Ибо как раз вера способна вытягивать человека в любом деле. Да и вообще - способна на все. И Дмитрий об этом знал. И, разумеется, верил. Верил, нисколько не сомневаясь, что все так и должно быть. Ну а почему нет?-- задавал он себе вопрос, на который всегда знал ответ.

Но вот уже это каким-то образом весьма повлияло на все, что окружало Галанина.

И даже как-то вышло, что его близкие друзья (оставшиеся после распада комунны) как-то быстро то ли нашли себе какие занятия, то ли причину - чтобы отойти от него.

И остался он один.

А оставшись один - вновь (и уже не так как прежде; сейчас словно бы какая сила подхватила его, заставив по-новому переосмыслить все) пустился в анализ действительности.

.....

Галанин чувствовал, как постепенно он сам заступает в какой-то туман.

Можно было признать, что этот туман на самом деле окутывает лишь его сознание. Но с другой стороны ведь это, по сути, и не было уже так в полной мере. Тогда как вполне можно было предположить, что жизнь, которая в иные разы распускалась перед ним всеми цветами радуги, тем не менее, по-прежнему оставалась более чем загадочна. И видимо как раз этой загадочностью и удивляла и радовала его. Удивляла, потому как существовало еще многое, в чем он так и не мог до конца разобраться. А радовала, потому что пытливый ум его находил бездны неразгаданного. И если предположить (как, бывало, предполагал сам Галанин), что жизнь как раз и состоит из необходимости подобных разгадок, то мы уже можем заметить, что жизнь свою Галанин намеревался прожить не зря. И что уж точно - так он считал.

.....

Можно конечно предположить, что Галанин несколько не верил своему прошлому, которое он столь живописно представил. И даже мог бы признаться, что никого из встречающихся на пути повествования на самом деле и не существовало никогда. А все герои есть ничто иное, как только видение его со стороны, как бы видение самого себя.

Но и уже потому, что никого из них не было, их необходимо было выдумать. Потому как нужны ему были на самом деле эти люди. А были или не были они - он не знал, да и запутался давно уже невероятно.

И прежде всего запутался в жизни, которую чувствовал что давно уже прожил.

Прожил так, как наверняка жить было не нужно. Но если предположить что можно было прожить эту жизнь по-другому, тогда бы спросил он у себя - отчего не жил? Однако следовало предположить, что только сейчас, после всех этих откровений, Дмитрий Израилевич наконец-то почувствовал, что ему некоторым образом удалось избавиться от груза прошлого, и получить хоть какое-то удовлетворение от своей жизни. И пусть в его голове все по-прежнему не способно было сложиться в нужное русло из того, что если и было когда-то (и как-то) запланировано, то большей частью еще

носило достаточно абстрактную форму. Да и заключалось все, по сути, в некоем предвидении, которое могло бы при случае и весьма благосклонно сказаться на нашем герое, да все больше он уже и сам начинал сомневаться: нужна ли ему такая абстракция? Притом что до сих пор еще было достаточно трудно говорить о том, действительно он сейчас оказался в полной мере способен контролировать свою жизнь? или это все же было (и скорее всего) делом запутанным, да и вообще можно сказать нереальным. Что уж было тогда говорить о начале того предвидения, с идеей которого он, помнится, носился какое-то время, пока почти окончательно вынужден был отказаться от нее?

.....

Несмотря на кажущееся безразличие к своей персоне, и жизнь и чувства Дмитрия Галанина как раз представляли собой некое неделимое целое, что он мог представить как нечто, действительно необходимое ему, и при этом так-то уж угадываемое при считывании с его матрицы жизни.

И уже получалось, что жизнь Дмитрия Израилевича Галанина представляла собой если и не загадку, то уж точно - ребус судьбы. И прежде всего потому, что судьбу свою он видел сразу как бы в несколько развернутом формате. И даже получалось, что уже словно и видел и не видел ее; не замечая то нечто достаточно любопытное, что наверняка если и было, то что уж точно, так-то сразу не замечалось им. А если предположить, что Галанин просто обязан был заметить это "нечто", то тут, как говорится, вроде как ничего и не попишешь. Смотрел он на жизнь, разглядывал ее, замечал как будто бы что-то удивительное, но на самом деле ни про что серьезно (и в полной мере) сказать не мог. И даже если бы захотел, наверное, тут же бы признал, что не способен.

Ну не был способен, и все. Хотя, если разобраться, так ли это все на самом деле было необходимо и важно? Так ли он чувствовал себя хорошо после того, как пришел (посредством невероятных усилий) к какому-то завершению затянувшегося процесса? Он не думал, что это все на самом

деле было так. И даже продолжая размышлять над подобным, все равно - словно и вынужденно - оказывался перед необходимостью оправдываться сам перед собой. Притом что, конечно, было загадкой в полной мере. А если предположить, что загадкой не было, то тогда уже скорее можно было посчитать, что он сам ошибается. И ничто не могло его так беспокоить, как чувство какой-то ответственности, разраставшееся внутри него. Потому как Дмитрий Израилевич не только начал испытывать доселе незнакомое чувство, но и уже можно предположить, что именно оно, это чувство, увлекало его, заставляя переходить одну за другой границы в собственном восприятии действительности.

И уже оказывалось, что был он в какой-то мере прав. Да и вообще, если разобраться, Дмитрий Израилевич Галанин давно мог признаться, что жизнь его, по сути, представляла собой ту композицию чего-то поистине ранимого (и как он подозревал - не совсем надежного), что, быть может, угадываясь в мелочах, виделось каким-то цельным продуктом, если представить что когда-либо удалось бы объять подобное, окинув одним взором, и придя к какому-то общему знаменателю.

Однако уже представлялось такое ему попросту невозможным. Потому как если только представить что было оно возможно, то почти наверняка следовало признать подобное со многими условностями; притом что на большинство из них он никогда бы не был способен.

Загадка? Может и загадка.

Но так уж получалось, что из таких загадок складывалась его жизнь. И чем больше он пытался разгадать ее, тем больше его взор затуманивался от предвкушения так еще по настоящему и неразгаданной тайны.

Глава 6

Галанин почувствовал, что жизнь вокруг способна на некоторое упорядочение.

Можно даже сказать, что как раз он сам всю жизнь стремился к такому упорядочиванию. Вопрос только, что он понимал, что не все будет так просто.

Прежде всего еще и потому, что общество не совсем готово к тому, чтобы как-то четко определять свои рамки; а в правилах допускалось множество дополнительных моментов, и даже иной раз ограничений; большинство из которых были направлены на некоторое недопущение того, чтобы ситуация изменялась достаточно быстро. А потому повторялась она, и уже сложно было сказать, удастся ли изменить что-то даже со временем.

На самом деле со временем изменить удавалось. Дмитрий уже знал, что если достаточно продолжительное время работать над какой-то одной проблемой, то постепенно начинает вычерчиваться определенный круг вопросов, в которых становится возможна разгадка. Причем совсем неверно было бы предположить, что весь этот круг состоит из вопросов не нужных, или преждевременных. Как раз нет. И все дело заключалось в том...

Галанин не знал пока, в чем на самом деле заключался этот вопрос. Но находил, что он на пути к разгадыванию тайны. Допуская, что когда (и если) откроется она, то ему уже станет несравненно легче разобраться со всем остальным. Причем в то, что именно так произойдет - он верил. Но даже если и не особо распространялся об этом, все равно приближал эту тайну. Считая что многое становится возможно уже на уровне предположений. Когда перед вами словно бы высвечивается то, к чему вы фактически все это время шли. И продвигаясь таким образом, вы уже знали что не только приближаетесь к этой тайне, а и находите ее. И чтобы дотянуться до нее достаточно вам приложить, быть может, и минимальное усилие. После чего перед вами откроется то нечто, что заблестит цветами радуги. А в душе появится благодатное чувство от великолепно проделанной работы.

Дмитрий не хотел, чтобы у него было все легко. За годы жизни он даже как бы привык к тому, что любая задача не

сразу поддавалась ему, а на это требовалось затратить определенное усилие.

И при этом правильный ответ он или видел уже сначала, или же в его сознании прослеживалась дорога к этому ответу.

И он проходил эту дорогу, радуясь, что все у него складывается именно таким образом, и совсем не нужно мучиться... Он ведь знал, что много людей мучается уже от того, что не видна перед ними такая дорога. Что если каким-то образом и просматривается она, так они сами упускают ее. зачастую или вообще не находя, или если и улавливая что-то, то постепенно (со временем) сбиваясь с пути. Можно даже сказать, что само время сводит на нет их усилия. Оно, именно оно затуманивает их разум. Когда начинает казаться что вроде как уже у цели, уже дошли, а в итоге все оказывается совсем даже не так. По-другому. По другому...

Дмитрий знал, что как раз с ним по-другому не будет. Слишком большую плату он уже заплатил, чтобы перед ним рождался туман, в котором он бы сбивался с пути. Нет. Нет, нет, и нет, -- повторял он, иной раз устало а иногда и с радостью проходя множественные пороги, где другие явно сбивались с пути, натыкаясь на рифы. Подводные камни были действительно везде. Почти в любом деле перед индивидом постепенно вырисовывалось то, на что он не только неожиданно натыкался, но и выходило так, что вроде как иначе уже и не мог. И уже в таком случае кто-то навсегда сходил с дистанции, кто-то задумывался о несправедливости жизни, а Дмитрий Галанин, не унывая, продолжал движение. Потому как знал, что ничего не может быть опаснее остановки. Ведь даже дай он себе минимальный отдых, и уже совсем не ясно, сможет ли он двигаться далее. Скорей всего не сможет. Скорей всего упадет, сдастся, быть может даже заплачет от постигшей его неудачи.

И поэтому он не провоцировал судьбу.

И не останавливался.

И все время двигался вперед, словно понимая, что попросту не может иначе.

Что иначе нельзя, невозможно, даже может быть...

.....

Он сам знал, что ни за что не остановится. Да, он стал неким заложником такого движения. И получалось, что перед ним не было иного выхода, как только двигаться вперед. Но ведь (с другой стороны) и лучше продолжать движение вперед, чем останавливаться на полпути. Чем даже быть может и не верить в свое движение. В возможность его.

Но он верил. Верил и продолжал, иной раз скрепя зубами, двигаться вперед, пробиваясь сквозь могучие ветры судьбы. И хорошо зная, что когда-то наступит победа. Победа, к которой фактически все жизнь он шел. И уже когда случиться она - он отдохнет. Отдохнет и пожнет лавры победителя. И не будет уже больше у него никаких проблем. Потому как то что будет - это только свобода, которая ожидает его впереди. И больше ничего.

А когда он всласть наестся ей, и ему захочется большего, он знал что снова отправится в свое движение. И пройдет уже тогда столько, сколько будет на самом деле необходимо. Необходимо чтобы победить.

И он знал, что будет так.

.....------
.....

Несмотря на казалось уже навеки поселившуюся в его сердце (и душе) тревогу, Галанин понимал, что все что происходит, на самом деле не так уж и важно, если предположить только...

Дмитрий задумался. Вроде как выходило не совсем понятно, и если предположить, то может быть и вообще не ясно. Ведь уже получалось, что он словно бы намеренно (договорившись с собой подобного не делать) загонял себя в угол. Чтобы потом всячески пытаться из этого угла выскочить. И подобное было бы действительно не ясно, если только...

Мысли вновь грозили сбежать от него. Он их вроде как всегда отлавливал, да не совсем нравилось ему это занятие.

А иной раз даже выходило так, что вроде как и совсем не нравилось. И тогда он пытался добиться какого-то более-менее реального результата, тогда как сам результат по сути изначально был не предугадываем.

И так уж выходило, что все, что до недавних пор было действительно как-то, а то и совсем непредсказуемо. И уже получалось, что если когда-нибудь станет возможно действительно разобраться со всем тем, что таилось в его мыслях, тогда уже точно, станем мы бежать по какой-то плоскости; словно бы угадывая восприятие действительности; а скорее всего только пытаюсь его предугадать. А перед нами будет раскрываться какая-то пустота. После чего все, что когда-нибудь станет возможно, на самом деле окажется совсем даже не так.

Галанин понимал, что жизнь выдвигает ему те требования, к которым он, по сути, не был готов. И если даже предположить, что он сможет до всего прийти самостоятельно... Если только предположить...

Ну а разве цепь всех выдвигаемых им объяснений не есть как раз это самое,--задумался Дмитрий. Не получалось ли так, что мы вновь стремимся к какому-то - оказывавшемуся совсем не нужным - бегу, и только как будто бы уже добежав до воображаемого финиша, с ужасом понимаем, что все это на самом деле и совсем не важно. Что впереди маячит уже другая цель. Которая как будто вдруг покажется нам еще более притягательней, чем та, которой почти достигли мы. И при этом стоит нам остановиться, как все как будто разом перемешивается в нашей голове. После чего становиться уже и вовсе непредсказуемой то, до чего мы так-то уж намеревались добежать. А может и вовсе...

Туман... В голове у Галанина явно начинал распространяться туман, который как будто и вовсе оказывался одновременно и нужен и не нужен.

Нужен он был потому, как мысли его не только требовали постоянной упорядоченности, но и хотели об отдыхе. А не нужен... Ну так разве так-то уж будет нужно, когда мы

начинаем вдруг ни с того ни с сего бродить в каком-то хаосе. После чего...

В общем, Галанин вдруг понял, что попросту запутался. Выходило так, что мысли его не могли уже достаточно четко структурировать то начало, к которому он уже все время фактически стремился. И если допустить что это так...

Галанин не успел допустить, додумать, договорить какие-то мысли пусть и только в своем сознании. Он вдруг почувствовал невероятную усталость от всего, что его окружало. Он уже не воспринимал своих друзей-товарищей. Да и по сути таковых было очень немало, но ведь они были. Пусть он все время и как будто отдалялся от них. Но считать так было бы, наверное, тоже неправильно. Потому как не отдалялся он, а словно бы и наоборот - стремился достичь какой-то составляющей; чего-то такого, от чего ему вдруг станет значительно легче жить, или даже просто существовать. Хотя он и не существовал. Пусть и внешне он казался излишне занятым, на самом деле он жил достаточно активной жизнью. И даже выходило так...

Выходило так, что он до конца и не знал, что и как на самом деле должно быть. А не зная этого, он уже вроде как и не мог, не был способен предусмотреть того, что с ним произойдет.

Никто из нас не способен это предусмотреть.

А он вдруг взял и умер.

И оборвалась на полпути цепь жизненных размышлений и раздумий этого человека.

Потому что уже оказывалось, что...

Впрочем, его уже не было. Он умер. Умер...

Сергей А. Зелинский

14 ноября 2007 год.

© С.А.Зелинский. Ребус судьбы.